

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АТЛАС ПРИАМУРЬЯ

НАУЧНЫЙ МУЗЕЙ ЯМУРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АТЛАС ПРИАМУРЬЯ

*Министерство науки и образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
Амурский государственный университет
Научный музей
Лаборатория археологии и антропологии*

Забияко А.П., Беляков А.О., Гаврилов С.С.,
Конталева Е.А., Родионова К.И.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АТЛАС ПРИАМУРЬЯ

Благовещенск - 2016

Рецензенты:

*доктор исторических наук Ю.В. Аргудяева,
доктор исторических наук А.И. Коваленко
Ответственный редактор –
кандидат философских наук Р.А. Кобызов*

Забияко А.П., Беляков А.О., Гаврилов С.С., Конталева Е.А., Родионова К.И.
Этнокультурный атлас Приамурья / Под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск:
Изд-во Амурского государственного университета, 2016. – 166 с., илл.

В книге в хронологическом порядке на основе большого фактического материала полно и всесторонне освещена этнокультурная история Приамурья с древнейших времён. В книге обозначены важнейшие исторические этапы формирования этнокультурной истории, выделены главные факторы, влиявшие на возникновение и развитие этнокультурных традиций. Значительная часть фактического материала была собрана авторами в ходе полевых исследований. Эти материалы хранятся в фондах Научного музея Амурского государственного университета. Иллюстрации знакомят читателя с историческими объектами, хранящимися в фондах Научного музея АмГУ, а также в коллекциях других научных и музейных учреждений. Обилие систематически построенного иллюстративного материала позволяют назвать книгу атласом.

Содержание книги написано доступным языком, снабжено большим количеством иллюстраций, картами и диаграммами, что делает её полезной не только для специалистов, но также для школьников, студентов и всех, кто интересуется историей и культурой Приамурья.

Книга включает перевод основного содержания на английский язык и подробную аннотацию на китайском языке.

Исследование и публикация выполнены при финансовой поддержке Российского научного фонда, тема «Этнические миграции как фактор цивилизационных взаимодействий и социокультурных трансформаций в Восточной Азии (история и современность)», проект № 14-18-00308.

ISBN 978-5-93493-263-4

Введение

Приамурье – огромный регион Восточной Азии, территория которого расположена в бассейне великой реки Амур. В нашей книге мы обратимся, прежде всего, к той части Приамурья, которая прилегает к левобережью Верхнего и Среднего Амура. В современных условиях эта часть в основном находится в границах Амурской области.

В книге в хронологическом порядке на основе большого фактического материала всесторонне освещена этнокультурная история Приамурья с древнейших времён. В книге обозначены важнейшие исторические этапы формирования этнокультурной истории края, выделены главные факторы, влиявшие на возникновение и развитие этнокультурных традиций.

В силу географических особенностей Приамурье с глубокой древности выступало территорией, по которой распространялись, прежде всего, с юга и запада, миграции больших и малых этнических групп. Многие этнические группы надолго, порой навсегда, оседали на просторах Приамурья, испытывали влияние местных народов и культур, менялись или, напротив, сами ассимилировали автохтонное население. На протяжении тысячелетий формирование расовой, этнической структуры населения региона определяли процессы миграций и укоренения групп, имевших разное происхождение. На территории региона происходила метисация групп, которая существенно влияла на антропологические характеристики населения. Конвергенция этногрупп и контакты между соседними этносами приводили к взаимодействию разных традиций и формированию своеобразных этнических культур, о существовании которых свидетельствуют особенности местных археологических комплексов.

Густая речная сеть, широкие речные долины, отсутствие непреодолимых горных массивов, разнообразие природных ресурсов и видов хозяйственной деятельности создавали хорошие условия для взаимодействия людей. Этногруппы вступали в отношения разделения труда, обмена его результатами, в брачные контакты и договорные обязательства, что вело к формированию этнокультурной агломерации, т.е. системы взаимосвязанных этногрупп. Большинство известных по археологическим памятникам приамурских культур имели сходство или родственные связи с культурами, расположенными на соседних территориях Забайкалья, Приморья и Северо-Восточного Китая, Маньчжурии.

Благоприятные по сравнению с некоторыми соседними регионами природно-климатические условия давали возможность для развития эффективных для своего времени форм присваивающей и производящей хозяйственной деятельности. В Приамурье сравнительно рано развилась верхнепалеолитическая селемджинская культура, произошёл переход к неолиту, производству керамики, появились земледелие и оседлый образ жизни. Богатые биоресурсы края позволяли населению на всех исторических этапах развития обеспечивать жизнь охотой, рыболовством, сбором дикоросов или сочетать эти виды занятий с земледелием и скотоводством.

В середине XVII в. первые русские открыли на Амуре достаточно плотно заселённую, хозяйственно хорошо освоенную территорию с богатыми природными ресурсами. «...Будет та Даурская земля прибыльнее Лены, ... и против всей Сибири будет место в том украшено и изобильно», – писал на основе сообщений первопроходцев якутский воевода Дмитрий Францбеков царю в Москву.

Приамурье не миновали крупные исторические потрясения, сопровождавшие российскую и мировую историю на протяжении многих столетий. Однако край сохранил свою богатую историю, своеобразие этнических культур и традиции мирного сосуществования разных народов на берегах великой реки – Амура.

Значительная часть представленного в книге фактического материала была собрана авторами в ходе полевых исследований. Материалы полевых исследований хранятся в археологических и этнографических коллекциях лаборатории археологии и этнографии, а также в фондах Научного музея Амурского государственного университета. Книга даёт возможность читателю познакомиться с этими коллекциями, а также с артефактами и иными историческими объектами, хранящимися в фондах других научных, научно-образовательных и музейных учреждений. В книге использованы некоторые фотодокументы из фондов Амурского областного краеведческого музея им. Г.С. Новикова-Даурского.

Книга включает археологические карты и диаграммы, отражающие новейшие данные по истории и современному состоянию этнических процессов в Амурской области. Картографический материал составлен на основе архивно-библиографических данных, а также по материалам археологических разведок и раскопок последних лет. Диаграммы подготовлены по данным архивов и статистических документов.

Обилие систематически построенного иллюстративного материала позволяет назвать книгу атласом. Наглядность подачи знаний не снижает, как полагают авторы, целостности и строгости монографического изложения.

А. Забияко

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ ПРИАМУРЬЯ. ПАЛЕОАМУРСКИЕ НАРОДЫ

 Основные археологические культуры и народы эпохи палеолита, неолита, раннего железного века.

 Наскальные изображения Приамурья.

Основные археологические культуры и народы эпохи палеолита, неолита, раннего железного века

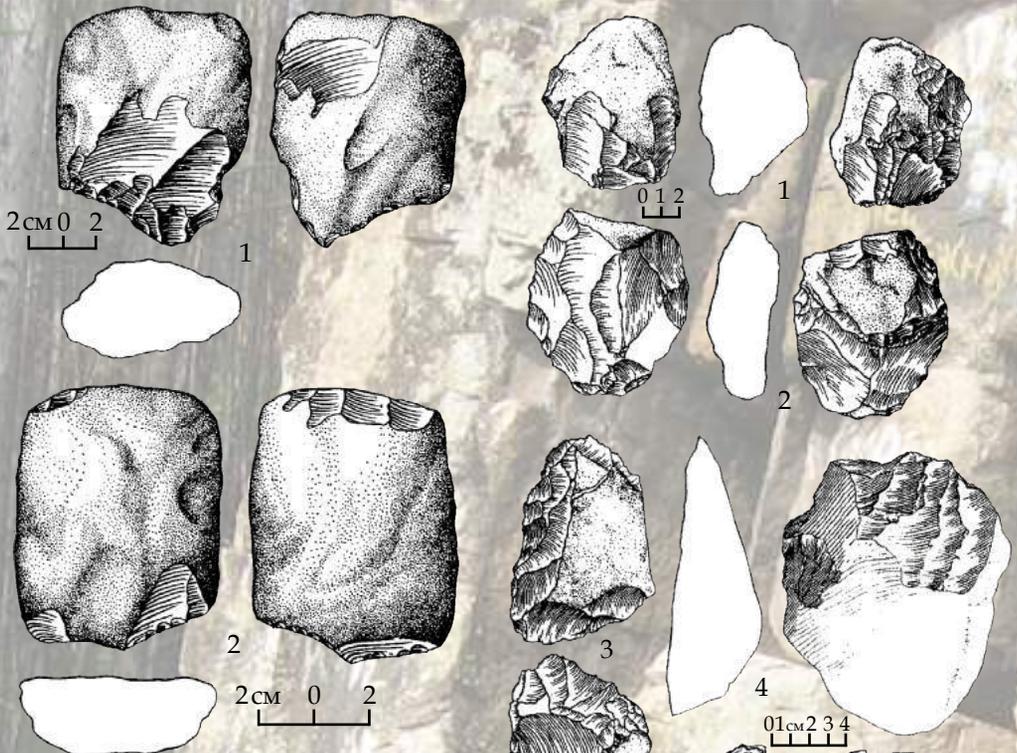
Эпоха палеолита

Приамурье, Амурская область занимают на востоке Азии особое физико-географическое положение. Эта территория обладает развитой речной сетью, которая создаёт хорошие возможности для перемещения людей. По берегам рек люди уже в древности могли уверенно преодолевать большие расстояния в поисках мест, удобных для проживания, а также, миновав водоразделы, выходить за пределы области к тёплым морям (Японское, Восточно-Китайское и т.д.), на побережье Охотского моря. Верховья Амура, реки Шилка и Аргунь связывают территории Приамурья с Забайкальем, Сибирью, Монголией, Центральной Азией. Река Сунгари соединяет эти территории с Северо-Восточным Китаем и далее на юг – с Центральным Китаем, а также с Кореей. В этих регионах задолго до заселения людьми бассейна Амура шёл процесс антропогенеза и формирования человеческих популяций. Вероятно, оттуда, из прилегающих к Приамурью с запада и юга регионов, пришли в приамурские земли древнейшие обитатели края.

В 1961 г. экспедицией, которую возглавлял А.П. Окладников, на берегу р. Зея близ с. Филимошки были обнаружены крупные гальки, имевшие следы обработки рукой человека. В 60–70-е гг. на Зее и Амуре были найдены ещё несколько местонахождений (Кумары-I, Кумары-II, Кумары-III, Усть-Ту), где были собраны галечные орудия архаического типа. По своим характеристикам галечные

артефакты Филимошек, Кумары-I сопоставимы с галечными орудиями эпохи нижнего палеолита, Кумары-II, Усть-Ту – с орудиями среднего палеолита, которые были обнаружены на соседних с Приамурьем территориях. В 1989 г. Б.С. Сапуновым в устье р. Гуран, впадающей в Амур, были найдены близкие орудиям Кумары-II каменные изделия, характерные для переходного этапа между средним и поздним палеолитом. Древние галечные орудия наряду с другими данными позволили А.П. Деревянко выдвинуть мысль о том, что к концу среднего – началу верхнего плейстоцена (около 350 тыс. л.н.), а может быть, и раньше человек заселил южную часть Сибири и Дальнего Востока. Очевидно, на берегах Зеи и Амура побывали древнейшие охотники, кочевавшие по речным долинам в поисках добычи.

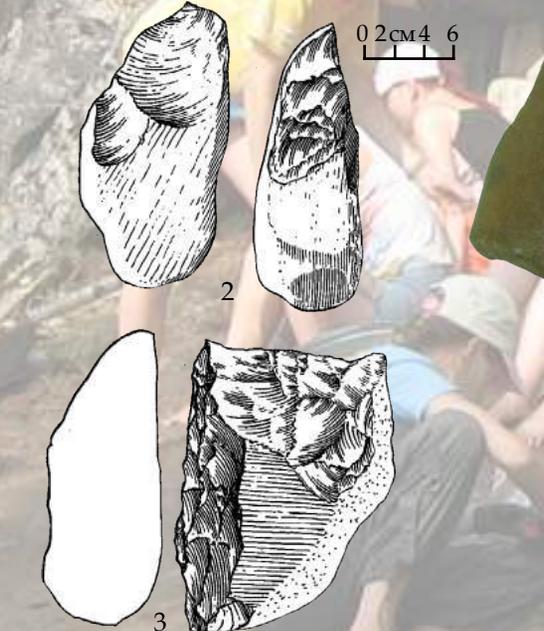
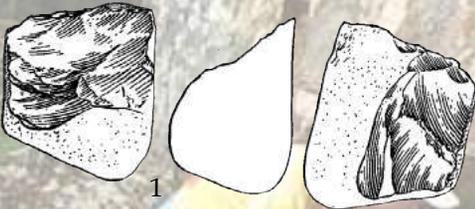
Археологическими раскопками 80-х гг. XX в., проведёнными под руководством А.П. Деревянко, открыто существование в позднем палеолите селемджинской культуры, памятники которой располагались по большей части в нижнем течении р. Селемджи, левого притока р. Зея, а также на Амуре близ с. Михайловка (Ходулиха), Бибиково и ряде других районов. Селемджинская культура существовала в период 25–10 тыс. л.н. Это было время похолодания и ледников, покрывавших огромные пространства Евразии и Северной Америки (плейстоценовый ледниковый период). Однако климат не на всех территориях евразийского континента был оди-

Илл. 1. Палеолитические орудия эпохи нижнего палеолита. Фильмошки. Чоппер.

Илл. 2. Палеолитические орудия эпохи среднего палеолита. Верхний Амур, Кумары-II. Чоппинг (1), Нуклеус (2, 4, 5), Скребло (3).

Илл. 3. Палеолитические орудия эпохи среднего палеолита. Верхний Амур, Кумары-III. Оббитые гальки (1, 2), галечное скребло (3).

Илл. 4. Палеолитические орудия эпохи среднего палеолита. Верхний Амур, Кумары.

наково холодным. В некоторых регионах он был более тёплым, и ледники не покрывали землю сплошным панцирем. Именно такая благоприятная климатическая ситуация складывалась на приамурских равнинах.

 На просторах речных долин, в тундростепи Амурской области обитали представители «мамонтной фауны» – шерстистые мамонты и носороги, бизоны, лошади, северные олени, лоси, овцебыки и другие крупные травоядные животные.

Благодаря климатическим условиям и ряду других факторов селемджинская культура являлась в Восточной Азии и на прилегающих территориях одной из наиболее развитых. Представители селемджинской культуры занимались собирательством, охотой и рыболовством, вели преимущественно кочевой образ жизни. В духовной культуре селемджинской общности, возможно, уже существовали достаточно слож-

ные религиозно-мифологические представления, отражающие образ жизни людей. В ходе археологических раскопок на стоянке мастерской Баркасная Сопка-II была обнаружена изготовленная из камня фигурка рыбы. К неутилитарной категории предметов относится также каменный жезл с насечками.

Население долины Селемджи и примыкающих территорий постепенно росло. На определённом этапе развития селемджинской культуры начинаются распространение отсюда пластинчатой техники обработки камня и миграции населения в соседние регионы. Археологически достоверно прослеживаются тесные связи селемджинской культуры с археологическими памятниками Северо-Восточной Азии, Аляски, Камчатки, Забайкалья, Нижнего Амура (осиповская культура), Приморья, Северного Китая, Японии и Кореи.

Население селемджинской культуры относилось к палеоазиатской группе монголоидной расы.

Открытие древнейших археологических памятников Приамурья. В.С. Слупнов, А.П. Окладников, А.П. Деревянко (60-е годы XX в.).

Селемджинская культура

Илл. 5. Нуклеус. Усть-Ульма, 1986.
Фонд Музея истории и культуры народов
Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН.

Илл. 6. Каменный нож. Усть-Ульма, 1986.
Фонд Музея истории и культуры народов
Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН.

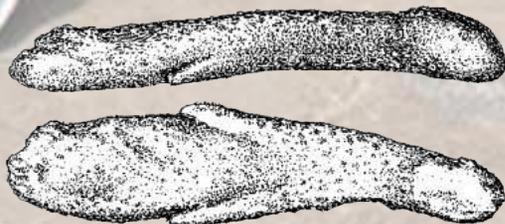
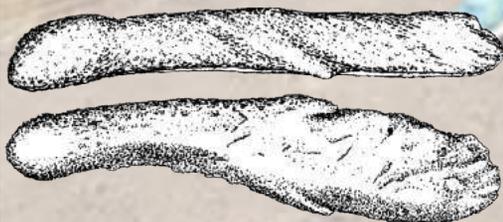
Илл. 7. Каменный нож. Гарская протока-1, 1985.
Фонд Музея истории и культуры народов Сибири
и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН.

Илл. 8. Каменный нож.
Фонд Музея истории и культуры народов
Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН.

Илл. 9. Отщеп.
Фонд Музея истории и культуры народов
Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН.

Илл. 10. Баркасная сопка-II. Каменная фигура рыбы.

Эпоха неолита

В 1961 г. Дальневосточной археологической экспедицией под руководством А.П. Окладникова было обнаружено поселение в месте впадения небольшой р. Громатуха в Зею. В 1965–1966, 2004 гг. здесь проводились археологические раскопки. Памятники громатухинской культуры найдены не только в долине Зеи, но и на Амуре (Буссе, Гродеково, Сергеевка, Калиновка, Джалинда, другие местонахождения, в том числе в восточном Забайкалье). Современная датировка громатухинской культуры соответствует периоду 15–9 тыс. л.н.

Носители громатухинской культуры занимались по большей части охотой, пополняя свой рацион также рыболовством и собирательством. Успешная адаптация к природным условиям позволила им постепенно переходить на оседлый образ жизни, обустривая поселения и создавая наземные жилища типа чумов. Памятники селемджинской и громатухинской культур близки не только технологиями обработки камня и временем существования на последнем этапе селемджинской культуры (13–10 тыс. л.н.), но и местоположением. На этом основании можно с большой долей вероятности утверждать о преемственности и родстве селемджинской и громатухинской групп населения древнего Приамурья.

Кочевой и полукочевой образ жизни населения громатухинской культуры обусловил широкий ареал контактов этой культуры не только на восток, вниз по Амуру, но и на север и северо-запад. А.П. Деревянко отмечает близость громатухинских артефактов и неолитических орудий ряда памятников Верхнего Амура, Забайкалья и Маньчжурии. По его мнению, в то время, возможно, происходило складывание большой этнической общности охотников и рыболовов, ядром которой были приамурские племена.

С 2004 г. на археологическом памятнике Калиновка, расположенном на Верхнем Амуре выше Благовещенска на 406 км, ведёт исследования экспедиция лаборатории археологии и антропологии АмГУ. Памятник Калиновка – это древнее святилище, состоящее из наскальных рисунков и жертвенников. Вместе с другими объектами деятельности древних обитателей Калиновка образует в этом районе Верхнего Амура интереснейший археологический комплекс. Здесь при проведении стационарных археологических работ были обнаружены характерные находки. В раскопе в верхнем слое, лежащем ниже дёрна, располагалась керамика поздненеолитической осиноозёрской культуры и раннего железного века, относящаяся к урильской культуре. Ниже находились предметы более ранней неолитической эпохи – каменные вкладыши, пластины, отщепы и другие. Неолитические артефакты принадлежат громатухинской культуре.

В ходе раскопок памятника Калиновка были обнаружены некоторые предметы неутилитарного назначения – например, изображения из камня, которые могли быть связаны с религиозной жизнью древнего населения Амура. Эти находки открыли новые стороны духовной жизни людей громатухинской культуры.

На Среднем Амуре существовала другая раннеолитическая культура – новопетровская культура. Она была открыта близ дер. Новопетровка и изучена в первой половине 60-х гг. А.П. Окладниковым, А.П. Деревянко и Б.С. Сапуновым. В 2002–2004 гг. археологические раскопки были продолжены под руководством С.П. Нестерова. Памятники этой культуры находятся, прежде всего, на Среднем Амуре. Примеча-

Илл. 11. Палеоазиатки позднего плейстоцена, времени завершения ледникового периода. Илл. с сайта: lingvoforum.net.

В фундаментальном и передовом для второй половине XIX в. труде «Об инородцах Амурского края» (1883) Л.Н. Шренк выдвинул идею о палеоазиатах как представителях, потомках древнейшего населения Азии. По своим антропологическим характеристикам палеоазиаты, входящие в группу арктических монголоидов, сближаются, прежде всего, с тихоокеанскими монголоидами – популяциями людей, сформировавшимся вдоль восточного (юго-восточного) побережья Тихого океана. С континентальными монголоидами, развившимися западнее Большого Хингана, у палеоазиатов сходства меньше. Древнейшие популяции палеоазиатов, пройдя долгую историю развития и изменений, существуют в настоящее время. К палеоазиатам (северо-восточным

палеоазиатам) среди современных народов востока Евразии относят чукчей, ительменов, коряков. Возможно, на Дальнем Востоке потомками древнейших палеоазиатов являются нивхи. Северо-восточным палеоазиатам близки тлинкиты и атапаски Северной Америки. Предки тлинкитов, атапасков и некоторых других групп североамериканских индейцев в эпоху палеолита пришли через покрытый льдами Берингов пролив из Евразии. Эскимосы, другая группа населения Северной Азии и Северной Америки, тоже имеют свою родину в Евразии, они мигрировали несколько тысяч лет назад в Америку с северозапада, через Берингов пролив. Нередко для обозначения этой большой группы народов используется понятие «арктическая раса».

тельной особенностью новопетровской культуры является обилие каменных ножевидных пластин, что дало основание назвать её «культурой пластин». Определение времени существования основных новопетровских памятников методами радиоуглеродного датирования обозначило хронологический период около 11–8 тыс. л.н. Представители новопетровской культуры жили оседло в жилищах типа неглубоких землянок и занимались, прежде всего, рыболовством и охотой. Рыболовство, судя по обилию каменных грузил разной формы, играло большую роль в образе жизни этой группы населения Среднего Амура.

Давно замечено, что технологии обработки камня, образ жизни населения и некоторые другие важные признаки сближают новопетровскую культуру с культурой ананси, существовавшей в Северо-Восточном Китае. Эта культура была открыта в конце 20-х гг. XX в. русским археологом, работавшим в Харбине, А.С. Лукашкиным. Памятники культуры ананси расположены, прежде всего, в бассейне среднего течения р. Нэньцзян. Истоки этой реки берут начало в горах Большого и Малого Хингана в тех районах, откуда до новопетровских поселений Среднего Амура совсем недалеко – в отдельных местах не более 100 км; Нэньцзян впадает в р. Сунгари, которая несёт свои воды в р. Амур. Таким образом, речные сети тесно связывают регионы распространения новопетров-

кой культуры и культуры ананси, создавая благоприятные условия для миграций человеческих коллективов. Весьма вероятно, что у этих культур была общая этническая основа. По мнению китайского археолога Ван Юйлана, около 6 тыс. л.н. культура ананси имела уже вполне развитый неолитический облик; люди, оседло жившие в границах этой культуры, занимались охотой и рыболовством, искусно изготавливая орудия труда. Ван Юйлан допускает, что ранний период культуры ананси датируется временем 8–7 тыс. л.н., а завершение приходится на период около 4 тыс. л.н. Примечательно, что новопетровская культура, согласно современным датировкам, древнее культуры ананси; возможно, она дала начало культуре ананси.

Третья неолитическая культура Амурской области – осиноозёрская культура (5–3 тыс. л.н.). Открытие в 1961 г. и начало изучения осиноозёрской культуры принадлежит А.П. Окладникову, А.П. Деревянко и Б.С. Сапунову. В 1962 и 1965 гг. на открытом памятнике Осинное Озеро проводились археологические раскопки. В начале 2000-х гг. было продолжено исследование памятников этой культуры. В 2012 г. были проведены раскопки на эпонимном памятнике Осинное Озеро. Археологические раскопки 60-х гг. обозначили важнейшие стороны образа жизни носителей осиноозёрской

Илл. 12. Проколка.
Громатухинская культура. Калиновка.

Илл. 13. Наконечник стрелы.
Громатухинская культура. Калиновка.

Громатухинская культура

Илл. 14. Бифасы. Громатуха.

Илл. 15. Тесловидно-скребловидные орудия.
Калиновка.

Илл. 16. Антропоморфное изображение. «Калиновская венера».
Калиновка.

В ходе раскопок на археологическом памятнике была обнаружена интересная находка. Под древними наскальными рисунками в расщелине скалы на глубине около 70 см рядом с неолитическими артефактами лежал небольшой халцедон. Рука древнего человека его почти не коснулась, однако природа придала ему столь причудливую форму,

что воображение древнего человека «достроило» форму этого предмета, превратив его в ритуальный объект, в культовый образ. Возможно, перед нами – халцедоновое изображение женской фигуры, «калиновской вены». Такие «вены» в глубокой древности являлись частью ритуального комплекса, ориентированного на почитание порождающего женского начала.

культуры. Осинозерцы жили оседло, занимались охотой и рыболовством. У них появляется новый вид хозяйства – земледелие.

Данные радиоуглеродного анализа, полученные на материалах археологических памятников Амурской области, свидетельствуют о значительном хронологическом разрыве между ранненеолитическими культурами (громатухинской, новопетровской) и развитой неолитической осиноозёрской культурой. Финальные даты существования громатухинской и новопетровской культур приходятся на период 9–8 тыс. л.н., тогда как ранние даты осиноозёрской культуры указывают на время около 5 тыс. л.н. Разрыв в 3 тыс. лет либо может быть следствием недостаточной изученности территории Среднего Амура эпохи неолита, либо может указывать на процесс депопуляции населения, запустение местности в период 8–5 тыс. л.н.

Этнокультурные различия между группами населения неолитического Среднего и Верхнего Приамурья, обусловленные в первую очередь различиями хозяйственно-

культурных типов и миграциями, не отменяли их общей принадлежности к палеоазиатам. Палеоазиатский субстрат сложился в Восточной Азии, в Приамурье уже в эпоху палеолита. В период неолита и палеометалла конфигурация локальных палеоазиатских популяций, этнокультурных общностей под влиянием внутренних и внешних причин менялась, но именно палеоазиатская популяция составляла население региона.

Понятием *палеоазиаты*, предложивший это название Л.Н. Шренк, охватил конгломерат народов и языков, порой генетически не связанных между собой. С другой стороны, понятием *палеоазиаты* Шренк верно указывал на наличие «древней этнографической формации», связь с которой объясняет близость антропологических и культурных характеристик некоторых позднейших этносов.

Учитывая многозначность понятия *палеоазиаты*, разнородность охваченных им народов и неопределённость территории, применительно к амурской древности целесообразно пользоваться понятием *палеоамурские народы*. Палеоамурские народы (древ-

Археологический лагерь Лаборатории археологии и антропологии на Амуре в устье речки Калиновка.

Илл. 17. Фаллический предмет, пест. Громатухинская культура. Калиновка.

В небольшой нише в основании скалы при раскопках на археологическом памятнике Калиновка на небольшой глубине находился удлинённый каменный предмет 20 см в длину, округлый в сечении. Он мог использоваться как пест, им можно было растирать или толочь то, что шло в пищу. У него могло быть и другое, религиозное, назначение. Он мог выступать в качестве символа мужского начала, мужской детородной способности. Символические изображения фаллоса широко распространены в древних культурах начиная с эпохи палеолита. Фаллические изображения были вплетены в культы почитания мужской детородной силы, они наделялись магическими способностями.

Илл. 18. Скульптурное изображение медведя. Громатухинская культура. Калиновка.

На памятнике Калиновка в полевом сезоне 2014 г. в одном из раскопов было обнаружено скульптурное изображение медведя. Изображение выполнено на отщепе серого (серо-зелёного) цвета с минимальной подработкой микросколами. Размер фигурки 4,5 x 3 см. Артефакт находился в неолитическом слое, относящемся к громатухинской

культуре. Изображения медведей появляются в древних культурах уже в эпоху палеолита. Они имели религиозное значение и были связаны с культом этого животного. Из этнографических источников известно, что у многих народов Дальнего Востока медведь почитался как предок, «дедушка» и выступал в качестве тотемного животного.

неамурские народы) – древнее население Приамурья, поликультурная этническая общность, принадлежавшая к большой монголоидной расе и заселявшая бассейн Амура в период от палеолита до раннего железного века. *Палеоамурские народы* – это региональная часть того этнического конгломерата, который вслед за Л.Н. Шренком традиционно называют палеоазиатами. Ареал распространения палеоамурских народов в основных границах соответствовал локализации археологических культур Верхнего, Среднего и Нижнего Приамурья, существовавших на этой территории в эпоху палеолита, неолита, бронзы и раннего железного века.

Археологические источники пока не содержат антропологических находок, на основании которых можно было бы эмпирически убедительно реконструировать расовые, этнические характеристики представителей палеоамурских народов Среднего и Нижнего Приамурья. На Верхнем Амуре, в районе слияния Шилки и Аргуни ситуация более определённая.

В сентябре 1952 г. А.П. Окладников, ориентируясь на известия от местного жителя, побывал в пещере, которая находится на р. Шилке в 80 км ниже Сретенска, в пределах с. Шилкинский Завод. Здесь была собрана богатая коллекция находок, включавшая костные останки человека – череп. Череп был изучен антропологом Г.М. Левиным, который определил его отчётливую монголоидную принадлежность и отнёс к байкальскому антропологическому типу.

Антропологами М.М. Герасимовым и Н.Н. Мамоновой осуществлялись реконструкции черепа шилкинского человека. Реконструкция Н.Н. Мамоновой демонстрирует завершённый вариант антропологической реконструкции представителя палеоамурской этнической общности, жившего в верховьях Амура в эпоху позднего неолита. На таёжных территориях Верхнего и части Среднего Амура в эпоху неолита обитали, по-видимому, сходные с шилкинским человеком по антропологическим характеристикам люди.

Археологический памятник Калиновка. Начальный этап раскопок. Полевой сезон 2006 г.

Археологические раскопки на памятнике Калнновка. Полевой сезон 2015 г.

Илл. 19. Наскальные изображения Калнновки.
Левый берег.

Илл. 20. Наскальные изображения Калнновки.
Правый берег.

Илл. 21. Новопетровская культура. Нуклеус. Новопетровка.

Илл. 22. Новопетровская культура. Пластины. Новопетровка.

Илл. 23. Шилкинский человек. Реконструкция Н.Н. Мамоновой.

На Верхнем Амуре, в районе слияния Шилки и Аргуни, в сентябре 1952 г. А.П. Окладников, ориентируясь на сведения, полученные от местного жителя, побывав в пещере, которая находится на р. Шилке в 80 км ниже Сретенска. В пещере была собрана богатая коллекция находок, включавшая костные останки человека – черепа. Реконструкция черепа, выполненная антропологом Н.Н. Мамоновой, демонстрирует вариант антропологической реконструкции представителя палеоамурской этнической общности, жившего в верховьях Амура в эпоху позднего неолита. По строению черепа он принадлежит байкальскому типу. На таёжных территориях Верхнего и части Среднего Амура в эпоху неолита обитали, по-видимому, сходные с шилкинским человеком по антропологическим характеристикам люди.

Названием *шивэй* в древних китайских источниках обозначался конгломерат этнических групп, обитавших по преимуществу на землях Маньчжурии, восточной части Монголии и Забайкалья. Некоторые группы *шивэй* относились к монголоязычным этносам; на территории Приамурья к ним принадлежали *бэй шивэй* – северные *шивэй*, *бо шивэй*, другие. Они были близки киданям, вместе с которыми вели происхождение от протомонгольской общности, именуемой в китайских летописях I тыс. до н.э. *дунху* (кит. восточные варвары). Другие группы *шивэй* относились к тунгусо-маньчжурской общности (*да шивэй*, *хуантоу шивэй*, т.д.). Различались не только языки разных локальных общностей *шивэй*. Различались этногенез, антропологические и хозяйственно-культурные типы этих групп: одни были преимущественно оседлые земледельцы и скотоводы, другие вели полукочевой образ жизни таёжных охотников.

Илл. 24. Этническая группа шивэй. Реконструкция. Музей истории г. Албадрин, Внутренняя Монголия, Китай.

Народы Приамурья в эпоху раннего железного века

В конце 2 тыс. до н.э. народы Амура переходят к использованию железных и бронзовых изделий. Первой археологической культурой раннего железного века на Среднем Амуре является *урильская культура*. В 1961 г. она была открыта А.П. Окладниковым на о-ве Урильском. В 1963 г. раскопки поселения на о-ве Урильском проводились под руководством А.П. Деревянко. В 80–90 гг. XX в. большой вклад в изучение этой культуры был внесён С.П. Нестеровым, П.В. Волковым, Л.Н. Табаревым и другими археологами. Исторический период существования урильской культуры – XII–IV вв. до н.э.

Первооткрыватели урильской культуры писали о ней, что она принадлежала племенам, главным занятием которых было земледелие, но вместе с тем племена урильской культуры разводили свиней. Большое значение для амурских племён имели рыболовство и охота. Жили эти племена оседло в полуподземных зимних жилищах. Жилища известны как большие, до 200 кв. м. площадью, так и малые. Согласно устоявшемуся мнению, население урильской культуры принадлежало к палеоазиатской общности. На Амуре ниже Малого Хингана существовала *польцевская культура*. В пределах Амурской области её следы очень малочисленны.

На основании археологических раскопок в среднем и нижнем течении р. Буря в 90-х гг. XX в., изучения территории Среднего Амура С.П. Нестеровым было обосновано существование *талаканской культуры*, названной так по наименованию сезонной стоянки Усть-Талакан. Абсолютный возраст талаканской культуры, по данным радиоуглеродного датирования, соответствует началу IV–II в. до н.э. – III в. н.э. Носители

талаканской культуры строили жилища полуподземного и наземного типа, вели оседлый образ жизни рыболовов и охотников, который сочетался с сезонными промысловыми кочёвками. Они были знакомы с примитивными практиками ведения земледельческого хозяйства.

Некоторые стороны талаканской культуры указывают на её связь с культурами, которые были распространены в Забайкалье и Восточной Монголии. Появление таких элементов в традициях талаканской культуры может объясняться перемещением с запада на территории Среднего Амура во второй половине I тыс. до н.э. крупной инокультурной общности. Следовательно, талаканская культура стала следствием взаимодействия двух разных культур – местной и пришлой. В публикациях находит отражение также и другая точка зрения на этнический состав талаканской культуры. Суть её заключается в трактовке талаканской общности как инородной аборигенам Приамурья кочевой монголоязычной группы, пришедшей на Средний Амур с северо-запада.

Разные точки зрения на этногенез населения талаканской культуры согласуются в главном. Вплоть до раннего железного века территория Приамурья была заселена палеоазиатскими общностями – палеоамурскими народами. Во второй половине I тыс. до н.э. аборигенные палеоамурские этнические общности начинают испытывать в Приамурье сильное внешнее воздействие со стороны мигрирующих с запада монголоязычных этнических групп. Результатом этого воздействия оказывается вытеснение, ассимиляция палеоазиатского населения и в итоге – замещение его монголоязычной этнокультурной общностью.

Илл. 25. Подвески. Бронза.

Илл. 26. Поясная накладка.
Бронза.

Илл. 27. Бусы и заготовки для бус.
Камень.

Илл. 28. Фрагмент керамики.
Польцевская археологическая Культура.

Илл. 29. Фрагмент керамики.
Урильская археологическая культура.

Наскальные изображения Приамурья

Приамурье – край, богатый памятниками древнего наскального искусства. Они располагаются по всей территории Амурской области – порой в таёжной чащобе, кое-где на скалах близ рек, есть они и на крутых утёсах Амура. Среди красоты дикой природы наблюдателю вдруг открываются удивительные рисунки (писаницы), выполненные рукой древнего художника при помощи минеральной краски – охры. Яркими красно-оранжевыми контурами выделяются древние образы и композиции на серых каменных плоскостях.

Что создавал древний мастер? Изображения животных – лосей, оленей, образы причудливого вида духов, танцующих шаманов, людей солнца, луны, звёзд – это и многое другое сохранили «таёжные галереи» от времён далёкого прошлого. Самые ранние рисунки созданы около 10 тысяч л.н.

По возрасту амурские наскальные рисунки – одни из древнейших не только на Дальнем Востоке и Сибири, но также в России и мире.

Немало более поздних наскальных рисунков, отдельные изображения были выполнены в последние столетия.

Наскальные рисунки не просто выражали эстетическое чувство архаического человека. Он верил, что созданные им образы становятся местами обитания духов животных, предков, светил. В его воображении и ритуальных действиях рисунки оживали и становились участниками религиозной жизни – к образам духов можно было взывать в перио-

ды бед и благодарить их в минуты благополучия. Скалы с рисунками и прилегающие к ним ритуальные площадки были для архаических народов храмами под открытым небом, святилищами. Близ рисунков оставляли жертвы – каменные, а позднее железные наконечники стрел, ножи, керамическую посуду и другие важные для людей прежних времён вещи. Эти предметы ныне становятся ценными находками для учёных, ведущих археологические раскопки рядом с писаницами.

Петроглифы Приамурья – исторический след пребывания здесь тех человеческих коллективов, которые либо мигрировали через эти земли с одной территории на другую, либо жили тут в течение исторически длительного времени. Миграциями отчасти объясняются примеры очевидного сходства образов, сюжетов, археологического материала приамурских памятников и памятников сопредельных территорий. Сопровождающий многие приамурские писаницы археологический материал (каменные, металлические, костяные орудия, керамика и т.д.) имеет аналоги в инвентаре забайкальских, якутских, северокайтских и других археологических памятников. И это неудивительно – Амур издревле был великой водной магистралью и вместе с притоками образовывал огромную контактную зону, протянувшуюся на тысячи километров с востока на запад и с юга на север.

Примечательно, что эвенки, уже несколько веков населяющие Приамурье, сохраняли древнюю традицию почитания наскальных рисунков как

Илл. 30. Наскальные изображения Приамурья. Утени. Общий вид скалы с наскальными рисунками.

Илл. 31. Наскальные изображения Приамурья. Утени. Изображение носорога.

Илл. 32. Шерстистый носорог ледникового периода. В Приамурье исчез около 10 тыс. лет назад.

мест обитания духов. В эвенкийских сказаниях вплоть до недавнего времени бытовали мифы о необыкновенных существах, являющих себя в образах наскальных рисунков. И поныне в таёжной глуши в расщелинах скал порой можно встретить следы эвенкийских жертвоприношений – патроны, спички, монеты, цветные ритуальные ленточки.

Сквозь тысячи лет прошли образы наскального искусства, сохранив для нашего взора и понимания уникальные реликты древнейших культур.

Крупным исследователем петроглифов Приамурья был А.И. Ма-

зин (1938–2008), амурский ученик А.П. Окладникова, основную часть жизни проработавший в Институте археологии и этнографии СО РАН. На огромной таёжной территории им были открыты или заново обследованы многие древние памятники, собран среди эвенков большой этнографический материал, имеющий отношение к почитанию наскальных изображений. В начале 2000-х гг. А.И. Мазин проводил свои исследования в Амурской области в тесном сотрудничестве с лабораторией археологии и антропологии АмГУ, передавая в экспедициях свой ценнейший опыт и знания.

Наскальные изображения Приамурья. Смирновка. Общий вид скалы с наскальными рисунками.

Петроглифы Смирновки – археологический памятник, представленный наскальными рисунками, находящийся на левом берегу р. Амур в 50 м ниже по течению от устья р. Маньчжурки, близ ныне не существующей дер. Смирновки. Открыт в ходе Дальневосточной археологической экспедиции 1954 г. под руководством А.П. Окладникова. В 2002–2005 гг. памятник обследован А.П. Забияко, Р.А. Кобызовым. Археологический объект расположен на скальном гранитном массиве вплотную прилегающем к руслу реки и частично затапливаемом в большую

воду. На 3 плоскостях охрой выполнены рисунки, изображающие антропоморфные и зооморфные существа, прямые и волнистые линии, круги, точки. Некоторые антропоморфные существа могут быть интерпретированы как образы богов (духов), выступающих в роли творцов и властителей животного мира. Отдельные композиции сюжетно близки архаическим мифологическим повествованиям народов востока Азии. Стилистика рисунков позволяет датировать их возникновение эпохой раннего железного века, не исключено более раннее появление петроглифов.

Илл. 33. Наскальные изображения Приамурья. Смирновка.
Творец людей, первые сотворённые люди и охраняющая их собака.

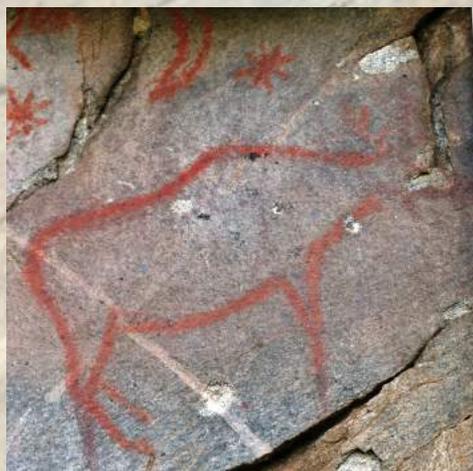
В прошлом в эвенкийской культуре имело широкое хождение сказание о двух братьях-творцах, младший из которых созидает хорошее, а старший вредит творению. Так, младший брат, обретя начальную частицу суши при пособничестве птицы-помощницы (гагары), которая достала комок земли из перевозанных водных глубин, прилёг на него отдохнуть. Тогда старший попытался выхватить землю из-под брата, но не смог, а лишь растянул землю, – так земля стала большой и плоской. Младший брат изготовил первых людей из глины и камня, оставил их под охраной собаки и ненадолго ушёл. Явившийся в его отсутствие старший брат обманул сторожа, изломал фигуры и наплевал на них, поэтому у людей появились хвори. Сказания о двух братьях-творцах и мотив обмана или

подкупа собаки-сторожа имели хождение среди многих кочевавших по просторам Евразии народов. Эвенкийские предания в течение длительного времени сохраняли этот фрагмент древнейших повествований о происхождении человека. Образы и сюжет, воссоздающие повествование о сотворении людей, наглядно представлены на наскальных рисунках Смирновской писаницы (Верхний Амур). Главный герой – творец людей – в образе антропоморфного существа стоит с распростёртыми в покровительствующем жесте руками. Под ними справа и слева находятся две фигуры поменьше – люди. Рядом изображена собака в характерной сторожевой позе – с открытой пастью, поднятыми вверх ушами, напряжённо стоящими лапами и вытянутой в сторону от хозяина головой.

Наскальные изображения Приамурья.
Средняя Нюкжа-1

Илл. 34. Общий вид, композиции петроглифов Средней Нюкжи-1.

Илл. 35. Небесный олень.

Илл. 36. Камлающий шаман.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КУЛЬТУРЫ ПРИАМУРЬЯ

— Основные археологические культуры и народы эпохи раннего, развитого и позднего средневековья.

— Янгайский могильник.

— «Маньчжурский клин»: маньчжуры, дауры, китайцы.

— Буддизм в Приамурье.

Центр древней истории культуры
阿穆爾河流域古代

Основные археологические культуры и народы эпохи раннего, развитого и позднего средневековья

Этнокультурные процессы в период раннего средневековья

Эпоха раннего средневековья отмечена на Среднем Амуре существованием *михайловской культуры*. Эта культура существовала на берегах Амура, Зеи, Буреи со II в. н.э. почти до X в. н.э. Некоторые исследователи полагают, что этническую основу михайловской культуры составляла монголоязычная общность, известная по китайским летописям как *бэй шивэй* (*северные шивэй*); другие допускают, что михайловская культура была создана предками мохэ, тунгусоязычной этнической общностью. Возможно, *михайловская культура* явилась результатом синтеза *талаканской* и поздней *польцевской культуры*.

Народ *шивэй* представлял собой обширный конгломерат этногрупп, обитавших на огромной территории Маньчжурии, восточной части Монголии и Забайкалья. Не-

которые китайские источники указывают, что часть *шивэй* относится к киданям, монголоязычному этносу. Согласно другим сведениям, некоторые группы *шивэй* принадлежат тунгусо-маньчжурской общности.

Носители *михайловской культуры* жили преимущественно оседло, строили из дерева, шкур, дёрна небольшие дома пирамидальной формы. Большое значение в образе жизни таёжных групп носителей этой культуры имели охота и рыбный промысел.

Традиции данной археологической культуры продолжают существовать и в VII в., а возможно и позже.

Около VIII в. в этнокультурной истории Западного Приамурья заканчивается шивэйский и начинается мохэский период средневековья.

Народы и культуры в эпоху средневековья

Мохэ (мукри)

Доминирующей этнокультурной группой во второй половине I тыс. н.э. на территории Приамурья были *мохэ* – предки чжурчжэней, маньчжуров, эвенков и некоторых других народностей. В Приамурье археологи выделяют две группы *мохэ* – *найфельдскую* и *троицкую*.

Найфельдская группа мохэской археологической культуры соотносится с населением, мигрировавшим на территорию Приамурья из Маньчжурии. Эта этническая группа представляла прежде всего те мохэс-

кие племена, которые в китайских источниках названы *хэйшуй мохэ* (*чернореченские мохэ*). Найфельдские традиции пришли на смену польцевской культуре в Сунгарийско-Уссурийском районе (Восточное Приамурье) около V в. В Зейско-Буреинский район (Западное Приамурье) найфельдцы пришли в конце VII века, потеснив носителей михайловской культуры.

Троицкая группа мохэской археологической культуры также соотносится с племенами, мигрировавшими из бассейна р. Сунгари или

Илл. 37. Керамический сосуд.
Мохэ.

Илл. 38. Стрелы. Железо. Мохэ.

Илл. 39. Украшение. Серьги. Накладка
поясная. Кольцо. Бронза. Мохэ.

Илл. 40. Грузилы. Камень и керамика.
Мохэ.

Илл. 41. Лошадные бляхи.
Мохэ.

Илл. 42. Раковина каури.
Мохэ.

Илл. 43. Пронизка. Бронза.
Мохэ.

Южной Маньчжурии на территорию Западного Приамурья. Носители этой культуры появляются в Приамурье в VIII столетии, в своём происхождении они связаны с племенами мохэской общности, которые именовались *сумо мохэ*.

По мнению В.П. Алексеева, изучавшего атропологический материал Троицкого могильника, мохэсцы относятся к байкальской расе, представители которой являлись носителями комплекса признаков, характерных для современных тунгусо-маньчжурских народов.

Мохэсцы занимались рыболовством, охотой и звероловством, но

особенно больших успехов достигли в земледелии и скотоводстве, используя плуг и тягловую силу лошади. Господствующей религией у них был шаманизм. Жили мохэсцы в полуполуземлянках, а также в укрепленных поселениях – городищах.

Начиная с VII в. мохэ играли заметную роль в политической истории Восточной Азии. В VII в. мохэ создают первое раннегосударственное образование на территории Дальнего Востока России – государство Бохай (698–926), включавшее территории Маньчжурии, Приморья, Северной Кореи и части Приамурья.

Выделение мохэской археологической культуры связано с именем А.П. Окладникова (1908–1981), отечественного историка, археолога и этнографа. Именно он впервые датировал и соотнёс с мохэ археологический материал, обнаруженный в Приморье и Приамурье. Дальнейшее изучение культуры народов мохэ связано с именами Е.И. Деревянко, О.В. Дьяковой, С.П. Нестерова и ряда других археологов и антропологов.

Чжурчжэни

Чжурчжэни (*чжуличжэнь, нюйчжи, нюйчжэнь*) – тунгусо-маньчжурские племена, населявшие территорию Центрального и Северо-Восточного Китая, Северной Кореи, Приморского края и южной части Приамурья в конце IX–XV вв.

Этноним *чжурчжэнь* начинает фигурировать в источниках с X в. Он соотносится с племенами, происшедшими от хэйшуй мохэ, расселившимся по территории Северной Маньчжурии. В конце IX – начале X вв. чжурчжэни заселяли центральные и северо-восточные районы Маньчжурии.

Со второй пол. XI в. усилился процесс объединения чжурчжэньских племён вокруг племени *Ваньянь*, итогом которого стало создание империи *Цзинь* (*Золотой империи*, 1115–1234 гг.). Полководец и основатель империи *Агуда* (1068–1123 гг.) при содействии сунского Китая разгромил племена

монголоязычных киданей и основанную ими империю Ляо. В период расцвета чжурчжэньская империя занимала всю Маньчжурию, южную часть Приморья и Приамурья, часть Северной Кореи, большую часть территории Китая. Около 87% населения страны составляли китайцы (ханьцы), только 10% чжурчжэни и 3% – другие народы. В начале XIII в. империя Цзинь оказалась под ударами монголов и в 1234 г. прекратила своё существование.

У чжурчжэньских племён не было единого хозяйственного уклада. Северные и северо-восточные чжурчжэни вели полукочевой образ жизни и занимались скотоводством, охотой и рыболовством. Обитавшие в южной части Маньчжурии чжурчжэни вели оседлый образ жизни и занимались земледелием. С возникновением государственности оседлость и земледелие получали всё

Илл. 44. Реконструкция жилища мохэ.
Автор Д.П. Волков.

Мохэсцы – «воины амурских прерий»

Мохэские племена были сплочены и воинственны. Об этом свидетельствуют многие предметы, обнаруженные при раскопках мохэских памятников. У мохэсцев было довольно развитое оружие: мечи, кинжалы, копья, стрелы, пластинчатые доспехи. Основным средством передвижения являлись лошади. Мохэсцы играли важную роль в истории племён и народов Восточной и Центральной Азии. Именно они послужили «ядром», вокруг которого сложились многие народы Дальнего Востока.

Потомками мохэ и предками другого значимого для Приамурья народа – маньчжуров – были чжурчжэни.

Илл. 45. Кенотаф.
Раскопки на памятнике Падь Прибрежная.

Илл. 46. Кенотаф.
Реконструкция в Научном музее ИМГУ.

Кенотаф (от греч. *кенос* – пустой и *тафос* – могила) – символическая могила, которая не содержит останков покойного и воздвигается в память об умершем. Такие погребения устраивались, если тело покойного по какой-то причине отсутствовало, но факт смерти требовал проведения погребального обряда.

В 1999 г. на могильнике Падь Прибрежная (Михайловский район Амурской области) были исследованы три погребения, два из кото-

рых представляли собой могилы с каменной облицовкой. Подобные захоронения для Приамурья уникальны, однако, типичны для Южной Маньчжурии. В результате радиоуглеродного анализа определён календарный возраст памятника – 978–1158 гг. Очевидно, что подобные захоронения исторически связаны с этнокультурными традициями бохайских (су-мо) мохэ или чжурчжэней, пришедших на Средний Амур с Сунгари.

большее распространение. Жили чжурчжэни в неукрепленных и укрепленных поселениях, располагавшихся в основном по берегам рек. Основной тип жилищ – полужемлянки и наземные дома. Во многих домах была устроена особая система отопления – *кан*.

Общей религией был шаманизм, но в высших слоях общества

имели распространение буддизм, даосизм и конфуцианство.

На территории Приамурья чжурчжэни известны с XI в. Амурских чжурчжэней принято делить на две группы – западную и восточную. Западная группа чжурчжэней сформировалась на территории Амурской области из потомков найфельдских и троицких мохэ.

Фрагмент кана. Из раскопок на городище Шапка.

Кан – глиняная или кирпичная лежанка, внутри которой по специальным каналам проходит горячий воздух из печи, тем самым нагревая её. Сверху кан мог накрываться цинковками; иногда мог иметь форму нар. До сих пор кан является традиционной системой отопления в крестьянских домах Северного Китая и Кореи. Изобрели кан древние жители Дальнего Востока, но широкое использование данный вид отопления получил именно при чжурчжэнях.

Дючеры

Наследниками культуры амурских чжурчжэней, населявшими обширный район вдоль Амура от устья р. Зеи до устья р. Усури (и даже несколько ниже), были *дючеры* (*дзучар, дзучеры, жучеры*). В некоторых источниках дючеры, селившиеся по берегам р. Зеи между устьями р. Селемджи и р. Томи, а также на участках Среднего Амура, именуются *гогулями*. Время возникновения дючерской культуры может быть определено второй половиной XIII в. О дючерах

упоминается в описаниях походов на Амур землепроходцев XVII в. – В.Д. Пояркова, Е.П. Хабарова и О. Степанова, которые стремились привести этот народ к российскому подданству.

Дючеры – оседлый народ, занимавшийся выращиванием ржи, пшеницы, ячменя, овса, проса, гречихи, полевого гороха и конопли, а также разводивший лошадей, крупный рогатый скот и свиней. Жили дючеры в небольших поселениях, которые русские казаки XVII в. называли *улу-*

Илл. 47. Чжурчжэни.
XV в.

Илл. 48. Фрагменты керамики.
Чжурчжэни.

Илл. 49. Подвеска. Бронза.
Чжурчжэни.

Илл. 50. Фрагмент черепницы.
Чжурчжэни.

Форпост чжурчжэней на Амуре – городище Шапка

Одним из крупнейших чжурчжэньских укрепленных поселений на территории Амурской области является городище на горе Шапка (Михайловский район). Оно расположено в 1,5 км от берега Амура на останце и имеет высоту в 30 м, длину 350 м и ширину 170 м.

Городище имело сложную систему фортификации, состоящую из валов и рвов, а также занимало выгодное стратегическое положение, являясь наивысшей точкой на местности.

Внутри городища располагались жилища летнего и зимнего типа (с каном), была своя металлургическая мастерская, имелись хозяйственные постройки. Кроме того, выделяются части, в которых проживало население, занимавшееся земледелием и скотоводством, а также часть, где, по-видимому, проживала военная знать.

Среди местных жителей бытуют легенды о происхождении горы. Согласно одной из них, гора была насыпана каким-то народом, носившим землю для её создания в шапках. Другая легенда говорит о том,

что сотни лет назад один великий полководец, пришедший на Амур, приказал построить крепость. Люди носили землю шапками и вскоре насыпали гигантский холм, укрепив его вершину неприступными валами и рвами.

Впервые городище было обследовано в 1902 г. амурским археологом А.Я. Гуровым и членом Русского географического общества Г.Ф. Белоусом. Ими же были проведены небольшие раскопки, позволившие собрать некоторый археологический материал: костяные и железные наконечники стрел, фрагменты керамики и сосуд с узким дном. В 1960-е гг. городище было обследовано А.П. Окладниковым. Материал, выявленный в результате осмотра, позволил отнести городище к чжурчжэньскому времени. В 1980-е гг. работы по изучению городища были продолжены Е.И. Деревянко. В 2009–2011 гг. раскопки на данном памятнике проводились Центром по сохранению историко-культурного наследия Амурской области под руководством Н.Н. Зайцева и С.П. Нестерова.

сами. Улусы входили в более крупные объединения, возглавляемые начальниками, которых в русских текстах именовали князцами.

В 1654 г. в ходе развернувшегося на Амуре военного противостояния русских государевых людей и маньчжуров, «Богдойских людей», маньчжурские власти начали переселение

Дауры

Ближайшими соседями дючеров были дауры (*дахуры, дагуры, даоры*) – монголоязычный этнос, близкий монголам и бурятам, мигрировавший на территорию Западного Приамурья с Забайкалья в первых веках II тысячелетия. По одной из гипотез дауры происходят от монголоязычных киданей.

До середины XVII в. дауры жили на берегах Среднего и Верхнего Амура, а также его притоков – Аргуни, Шилки, Зеи, Буреи, Сунгари, других рек. Дауры имели поселения (улусы) неукрепленного и укрепленного типа, городки. Многочисленные укрепленные городки имели глубокие рвы и валы, бревенчатые башни и стены, особые тайные ходы для доступа к воде в случае осады. В качестве домов даурам служили как добротные, рубленные из дерева или глинобитные постройки с двускатной крышей, так и лёгкие жилища. На полях, которые дауры пахали преимущественно на лошадях, они выращивали зерновые культуры – «шесть хлебов» (пшеницу, рожь, ячмень, овёс, просо и гречиху), а также коноплю для получения масла, овощи и другие культуры. Значительную часть поголовья домашних животных составляли свиньи, лошади и крупный рогатый скот. Большое значение в их экономической жизни играла торговля с тунгусами, маньчжурами и китайцами. Основу социальной организации дауров составляли родовые группы, которые объединялись в более крупные общ-

дючеров наряду с остальными земледельческими народами края в Маньчжурию, в район среднего течения р. Сунгари и на её приток Хурху.

По мнению известного историка Б.О. Долгих, часть дючеров позднее участвовала в этногенезе нанайцев, ульчей и некоторых других народностей Дальнего Востока.

ности, над которыми главенствовали князцы.

В середине XVII в. численность дауров, населявших берега Амура от его истока до устья Зеи и обитавших в бассейне Зеи до места впадения в Зею р. Умлекан, составляла около 9 860 человек.

В 1654 г. маньчжуры переселили дауров в долину р. Нонни. Однако часть даурских семей осталась на берегах Амура или со временем вернулась обратно. Дауры проживали на Амуре до 1900 г. в составе народов «маньчжурского клина». В конце XIX в. их насчитывалось среди населения «маньчжурского клина» около 1 000 человек. Основными занятиями дауров в это время по-прежнему были пашенное земледелие (пшеница, овёс, гречиха, сорго, просо, ячмень, кукуруза), овощеводство, скотоводство; подсобными – охота, рыболовство; из ремёсел развито кузнечество, обработка кожи и дерева. Религия – шаманизм, буддизм (тибетская разновидность).

В настоящее время дауры проживают в Молидава – даурском автономном сомоне во Внутренней Монголии, в окрестностях города Цицикар в провинции Хэйлунцзян, а также на северо-западе Китая, в Синьцзян-Уйгурском автономном округе. По переписи 1990 г. их численность составляла 120 тыс. человек, по данным переписи 2000 гг. их численность составляла 132–394 чел., 2010 года – 131 990 чел.

Илл. 51. Фрагмент подвески и браслет.
Дючеры.

Илл. 53. Бусы. Стекло.
Дючеры.

Илл. 52. Фрагмент поясной накладки и бляшка. Бронза.
Дючеры.

Дючерская крепость Гродековское городище

Одним из наиболее крупных сохранившихся памятников, относящихся к культуре дючеров, является Гродековское городище. Расположено оно у с. Гродеково на Амуре, к югу от г. Благовещенска и устья р. Зеи и имеет периметр около 3 км.

Первые упоминания о нём относятся к середине XVII века и связаны с сообщением Е.П. Хабарова воеводе Якутска Д. Францбекову: «С устьи Зеи по Амuru вниз ехать половина дни все лугами и старыми пашнями до того города, а город земляной, иноземцы его зовут Аютюн (Айгун)».

Эту крепость дючеры сами не строили, а заселили возведённое ещё мохэсцами и чжурчжэнями городище. К такому выводу пришли учёные, собравшие археологический материал в ходе разведки на этом памятнике. По мнению амурских археологов Б.С. Сапунова и Д.П. Болотина, городище основано примерно на рубеже I-II тысячелетий и просуществовало

до середины XVII в. – времени переселения дючеров вглубь Маньчжурии. В начале XVIII в. на его месте было основано новое, уже маньчжурское поселение «Джо-Айхо» («старый Айгун»), ставшее опорным пунктом борьбы с русскими в Приамурье. Именно отсюда маньчжуры выступили на осаду Албазинского острога – первого поселения русских на Амуре. Менее чем через 10 лет «старый Айгун» был заброшен и основан новый город с тем же названием, но на правом берегу Амуре.

В настоящее время на территории городища сохранились мощные земляные валы и рвы, а под ногами легко можно обнаружить керамику. Большая часть городища сейчас занята пашней, однако сельскохозяйственные работы на ней практически не ведутся, а потому есть возможность сохранить уникальный памятник культурного наследия дючеров.

 Особенности образа жизни, традиций дауров ярко представлены археологическими материалами владимировской археологической культуры, которая датируется XIII–XVII вв. Эта культура возникла в результате слияния культур местного тунгусского населения (мохэ) с монгольязычным этносом (дауров).

Памятники владимировской культуры занимают южную часть Верхнего Амура и территорию вдоль нижнего течения Зеи. К настоящему времени открыто более четырёх десятков городищ, известны селища и могильники.

Тунгусский пласт во владимировской культуре отражён, прежде всего, в способах захоронения (ориентированные на юг и юго-запад труположения и вторичные погребения). Также к мохэ-чжурчжэньскому периоду тяготеет целая группа вещей – украшения, их орнаментация, наконечники стрел, в том числе с поворотной функцией, и др.

Монгольская традиция прослеживается в положении покойных головой на север, а также по вещественному комплексу погребального инвентаря: небольшое количество керамической посуды, серьги в виде вопросительного знака с бусиной на нижнем отростке, бронзовое нашивное украшение с изображением антропоморфного существа, обвитого змеями.

Однако самую большую группу вещей составляют артефакты, не имеющие аналогии ни в монгольской, ни в мохэ-чжурчжэньской традиции, и появившиеся в результате совместного сосуществования тунгусо-монгольского населения.

Некоторые поселения владимировской культуры представляют собой хорошо укрепленные небольшие крепости – с рвами, валами, угловыми башнями и прочими фортификационными элементами. Такие укрепленные поселения подробно описаны русскими казаками как даурские городки.

Маньчжуры

Одним из крупных по численности народов Приамурья в период средневековья были потомки мохэ и чжурчжэней – маньчжуры.

Маньчжуры (самоназв. маньчжу, нялма, цижэнь) на раннем этапе своей истории населяли территории в районе впадения р. Сунгари в р. Амур, а также часть земель Южной Маньчжурии.

После разгрома монголами государства Цзинь в 1234 г. чжурчжэни вошли в состав монгольского государства, образовавшего в Китае династию Юань (1271–1368 гг.). В 1235 г. были учреждены темничества (области) Кайюань и Наньцзин для управления завоёванной территорией в Ляодуне. Чжурчжэни часто поднимали крупные восстания, что привело к учреждению монголами на всей территории «севернее Хребта» (Лин бэй) Провинциальных управлений, делившихся на Управления по умиротворению или Канцелярии, управлявшие административными центрами.

Исследователи считают, что монгольское нашествие существенно подорвало развитие чжурчжэньской культуры, привело к кризису социальных отношений и национального самосознания. Большое количество чжурчжэней было уничтожено, мастера-ремесленники угнаны в Монголию, многие города разрушены до основания. Уцелевшие средние и мелкие чиновники стали правителями своих небольших владений, чжурчжэньские воины были включены в состав монгольской армии, а часть простого народа бежала в уссурийскую и маньчжурскую тайгу. После нашествия монголов в Маньчжурии остаётся множество мелких разрозненных и борющихся между собой родов и племён.

В результате падения династии Юань к власти приходит китайская династия Мин (1368–1662 гг.) К этому времени родоплеменная организация чжурчжэней уже утратила централизованное управление, поэтому

Илл. 54. Наконечники стрел. Металл. Дауры.

Илл. 55. Наконечники стрел. Кость. Дауры.

Илл. 56. Колокольца. Бронза. Дауры.

Илл. 57. Серьга и бронзовые украшения. Дауры.

Из отписок «служилых людей» о даурах

XVII в. ознаменовал собой новый этап в истории народов Восточной Сибири и Дальнего Востока. Он связан с освоением казаками-землепроходцами новых земель, знакомством с укладом и традициями народов, ранее русским неизвестных. Интереснейшие описания Приамурья и населявших его народов можно найти в отписках «служилых людей», отправившихся покорять этот край. Одними из таких первопроходцев были казаки во главе с Е.П. Хабаровым, направленным якутским воеводой Дмитрием Францбековым для того, чтобы заложить острог на реках Тугир или Шилка и привести даурских князей в подданство Московского государства. Вот какие сведения они получили.

Из «Отписки якутских воевод о походе Ерофея Хабарова на реку Амур» (1650 г.):

«А вверх великой реки по Амуру, выше князь Лавкаевых городов...а от тое Урки-реки до Амазару-реки ходу три дни, и по Амазару-реке... а оттуда ходу до усть Шилги от Амазару-реки два дни, и по тем рекам многое множество тунгусов. А вниз все живут по славной великой реке Амуру даурские люди, пахотные и скотные, а по сторонним рекам вниз тунгусов же много живет. И в той великой реке Амуру рыба калушка, и осетры, и всякой рыбы много, против Волги. А в

тех князь Лавкаевых в городах и в улусех луги великие и пашни есть, а леса по той великой реке Амуру темные, большие, соболя и всякого зверя много. И будет бог поручит твоим государским счастьем аманатов, и тебе, государю, будет казна великая...»

Из допросов дауров, взятых в плен Хабаровым (март 1651 г.):

«...на Великой де реке Амуру, и по иным сторонним рекам, живут многие люди Дауры и Жюгеры городами и улусами, и пашни пашут большие, и родится де у них железо, и медь, и олово, и свинец, а все де те люди платят с себя ясак Багдадскому Царю Шамшакану собольми».

Из «Донесения Царю А. М. из Якутска, о подвигах, Хабарова на Амуру, в 1651 г.»:

«...а по нынешним по подлинным, Государь, Даурским распросным речам, Князя Богдая у них нет, а словет де у них земля Богдайская, а Царь де в той земле именем Шамшакан, а посаженик де он Царя Алакабатуракана, и ныне де, Государь, Даурские Князья живут вскопе на низу Амура реки... в их Даурской земле на великой реке Амуру живут в Албазине городе, в самом крепком месте...»

В 1651 г. этот «городок» был взят и разграблен казаками Хабарова, как и многие даурские улусы. Свою главную роль он сыграет позже, став в 1655 г. первым укрепленным поселением русских на Амуру.

слабые, разрозненные племена искали защиты у Китая или Кореи. Возрождение народа происходит с возвышением в среде чжурчжэньских племён рода *маньчжу*, сумевшего объединить чжурчжэней. Известный отечественный востоковед Е.И. Кычанов отмечает, что будущая маньчжурская народность образовалась из чжурчжэньских племён *маньчжу*, *суксэхэ*, *хуньхэ* и др. Маньчжуры возвысились из аймака *хада*, основанного в XV в.

Процесс сложения маньчжурского этноса начинается в XVI в. при правителе Нурхаци (1559–1626 гг.), в 1583 г. объединившем разрозненные племена чжурчжэней *маньчжу*, *суксэхэ*, *хуньхэ*, *ваньянь*, *дуньо* и др. Этноним «маньчжур» происходит от названия племени *маньчжоу*. Новое название «маньчжуры» чжурчжэньским племенам дал император Хуантайцзи (Абахай), восьмой сын Нурхаци. В середине XVII в. маньчжуры завоёвывают весь Китай и создают династию Цин (1636–1911 гг.).

Жили маньчжуры в обычных деревнях и в городах-крепостях. Правитель под своим руководством имел несколько городов и именовался князем (*ваном*). Хозяйство маньчжуров, жизнь их городов и поселений во многом была основана на труде рабов (*аха*). Свободные люди делились на простых людей (*джусэн*) и знать. Основные занятия *джусэн* – земледелие, скотоводство, а также рыбная ловля и собирательство; оружейное, ювелирное, кожевенно-шорное, кузнечное, деревообделочное, столярное, плотничное, сапожное и др. ремёсла. Знать, маньчжурские и иноплеменные рабовладельцы образовывали господствующий класс общества, высшим из которых был правящий клан Айсинь Гиоро (букв. «Золотой род»).

Распространёнными религиями были шаманизм, китайские традици-

онные религии, тибетский буддизм. Империя Цин, основанная маньчжурами, просуществовала до 1911 г., когда в результате Синьхайской революции последний император Пу И (1906–1967 гг.) отрёкся от престола.

Первые группы маньчжуров в Приамурье появляются в начале XVII в. Это были преимущественно представители формирующегося маньчжурского государства, которое стремилось расширить свои владения. На север и северо-восток, на Верхний и Средний Амур маньчжурские власти неоднократно направляли военные экспедиции для подчинения дауров и других народов этого края. В период правления Абахая (1627–1644 гг.) одна из таких военных экспедиций переросла в крупные военные действия против дауров, объединившихся под предводительством князя Бомбогора. Военные действия, длившиеся в 1639–1641 гг., завершились победой маньчжуров.

Во второй половине XVII в. маньчжуры на берегах Амура вступили в военный конфликт с русскими отрядами «служилых людей», которые ставили цель присоединить Приамурье к России. Вершиной этого конфликта стала осада Албазина (1685–1689 гг.). После заключения Нерчинского договора в 1689 г. маньчжуры получили контроль над Приамурьем. В течение почти 40 лет противостояния русским маньчжуры в Приамурье строили свои военные поселения, крепости, которые позже стали опорными пунктами для укоренения здесь маньчжурского населения. Это население представляло собой в XVIII–XIX вв. преимущественно маньчжурские гарнизоны, военнообязанных поселенцев и их семьи.

После прихода на Амур в XIX в. русских это население стали называть «зазейскими маньчжурами», а территория их расселения получила наименование «маньчжурский клин».

Илл. 58. Монеты. Маньчжуры.

Илл. 59. Колокольчики.
Маньчжуры.

Илл. 60. Подвеска.
Серебро. Маньчжуры.

Илл. 61. Фрагмент браслета.
Бронза. Маньчжуры.

Илл. 62. Фрагмент накладки на сундук.
Бронза. Маньчжуры.

Илл. 63. Фрагменты поясного набора. Бронза. Маньчжуры.

Илл. 64. Кольцо.
Бронза. Маньчжуры.

Илл. 65. Фрагмент пояса.
Маньчжуры.

Илл. 66. Украшение.
Бронза, позолота. Маньчжуры.

Илл. 67. Поясной шаманский колокольчик. Бронза. Маньчжуры.

Илл. 68. Ложечка для опиума. Бронза. Маньчжуры.

Ангайский могильник

Ангайский могильник – захоронение аборигенного населения

В июле 2014 г. сотрудниками Лаборатории археологии и антропологии Амурского государственного университета А.П. Забияко, А.О. Беляковым и Е.А. Конталевой была проведена археологическая разведка местности близ археологического памятника «Албазинский острог». Разведка проводилась с целью проверки сведений о ранее известных по письменным источникам памятниках, а также поиска новых.

Перспективной для разведки оказалась территория к югу и юго-востоку от села Албазино, где в результате обследования местности на одной из рёлок был найден ряд западин диаметром 4х3 м. При шурфовке был обнаружен археологический материал, предварительно позволивший отнести памятник к культурам аборигенного населения. Шурф был законсервирован, а работы продолжены в следующем полевым сезоне.

В 2015 г. в ходе совместной работы археологов Албазинской археологической экспедиции и сотрудников Лаборатории археологии и

антропологии АмГУ было принято решение о закладке раскопа с целью дальнейшего изучения памятника. Периметр раскопа включил в себя шурф, а также контур одной из западин. В процессе археологического исследования объекта были обнаружены первые артефакты: во-первых, остеологический материал, во-вторых, предметы материальной культуры (бусы, кольца, фрагмент ножа, монета). Большая часть костяков оказалась в неудовлетворительном состоянии; их анатомическая последовательность была нарушена. Антропологический анализ показал соответствие костяков дальневосточной расе. Археологический материал, обнаруженный в могильнике, был предварительно интерпретирован как даурский. Пока не завершились раскопки, преждевременно делать окончательные выводы относительно принадлежности могильника к той или иной культуре. Однако, данный памятник подтверждает общую тенденцию совмещения культур местного тунгусского населения с культурой монголоязычных дауров.

Общий вид памятника Ангайский могильник.

Ангайский могильник. Раскоп.

Ангайский могильник

Илл. 69. Бусина, стекло.

Илл. 70. Стрел, железо.

Илл. 71. Бяшка. Бронза.

Илл. 72. Фрагменты костных останков и археологические находки.

Илл. 73. Костные останки, раскоп.

Илл. 74. Этапы археологических раскопок.

Антропологическое изучение Ангайского могильника

В 2014–2015 гг. проводились археологические раскопки на Ангайском могильнике, расположенном близ с. Албазино ниже по Амуру. Палеоантропологические материалы из Ангайского могильника обладают плохой сохранностью. Однако современные методы исследований позволяют сделать некоторые важные выводы.

Изучение сохранившихся черепов показывает, что их признаки согласуются с общими монголоидными признаками строения черепов. Характеристики ангайских черепов (по крайней мере, двух хорошо сохранившихся) позволяют, во-первых, отнести индивидов к дальневосточной расе (не центральноазиатской, и не байкальской), возможно, в северокитайском её варианте. Последний присущ части коренных народов Амура, особенно нижнего течения,

и северным китайцам. Близкий аналог одному из женских черепов был обнаружен в погребении на стоянке Нирыкан-I в бассейн реки Витим. При небольшой численности и сохранности скелетного материала окончательные выводы делать пока преждевременно. Раскопки на Ангайском могильнике продолжаются, очевидно, будут открыты новые захоронения, что расширит возможности для антропологических исследований.

В 2015 г. была начата реконструкция одного из женских черепов. Соавторами реконструкции являются антрополог Д.В. Пежемский (НИИ и Музей антропологии им. Д.Н. Анучина МГУ) и преподаватель пластической анатомии и академического рисунка А.Н. Рязкин (Московская государственная художественно-промышленная академия им. С.Г. Строганова).

Илл. 75. Ангайский могильник. Погребение 1.

Антропологическая маска и художественный образ. Авторы Д.В. Пежемский, А.Н. Рязкин.

«Маньчжурский клин»: маньчжуры, дауры, китайцы

«Маньчжурский клин»

В середине XIX в. в Приамурье существовал район, который называли «маньчжурский клин». Этот район, протяженностью 75 вёрст в длину и 20 вёрст в ширину, располагался вдоль р. Амура от устья р. Зеи до дер. Хормолдзинь. Его население называли общим понятием «зазейские маньчжуры». Это были подданные китайского государства. В середине XIX в., когда Приамурье вошло в состав Российской империи, их численность составляла более 10 000 человек, а в конце XIX в. около 14 000. Статус данной группы населения в составе Российской империи был определён Айгунским договором (1858 г.). Согласно его первой статье «зазейские маньчжуры» оставались «вечно на прежних местах их жительства, под ведением маньчжурского правительства». Таким образом, в юридическом отношении жители «маньчжурского клина» принадлежали к «подданным Дайцинской империи сельского и военного сословия». Управлялось это население старшинами, назначаемыми айгунскими властями. Этнический состав данной группы населения включал представителей трёх народностей: маньчжуров, дауров и китайцев. Преобладающим этносом в этой группе населения являлись китайцы. Более малочисленные дауры и маньчжуры постепенно ассимилировались с ними. Этническое меньшинство в данной группе населения составляли дауры. По внешнему виду они были непохожи на своих соседей – имели высокий рост и крепкое телосложение. В то же время по образу жизни,

хозяйственной деятельности и быту дауры практически не отличались от китайцев и маньчжуров.

Согласно имеющимся данным, большинство жителей «зазейского района» составляли мужчины (56,5%). Женщины составляли 43,5%. Среди населения «зазейского района» преобладали люди работоспособного возраста.

У населения «маньчжурского клина» преобладала традиционная семья, состоящая из нескольких поколений родственников. Семьи строились на патриархальных началах. Большая часть населения занималась земледелием и скотоводством.

Религиозный состав населения «зазейского района» включал последователей китайских религий и традиционных народных верований. Большинство маньчжурского населения (83,5%) и всё даурское население левобережья Амура исповедовали свои традиционные народные верования. Основу религиозного мировоззрения маньчжуров составляли анимистические представления, согласно которым окружающий мир мыслился ими как единый живой организм и все его многочисленные обитатели – люди, животные, растения – наделялись собственной душой.

Видное место в обрядовой практике маньчжуров занимало поклонение родовым духам и духам предков. У каждого маньчжурского рода была своя собственная группа духов предков. Их имена были записаны на особой табличке, перед которой приносили жертвы.

Значительную роль в жизни маньчжурского и даурского населения играли шаманы. Своих шаманов «зазейские маньчжуры» называли ламами. К помощи шаманов обращались в тех случаях, когда самостоятельные увещевания и жертвоприношения не могли устранить или ослабить вредное воздействие духов, когда требовалось выяснить, какие именно духи вредят человеку, и определить причину недовольства этих духов. Шаман мог предсказать успех или неуспех какого-либо начинания и предвидеть будущее. К шаману обращались за медицинской помощью.

Определённое распространение среди жителей «зазейского района» получили и китайские религии. Религиозные традиции Китая оказали большое влияние на мировоззрение, ритуалы, верования маньчжуров и дауров.

В 1900 г. конфликтные стороны взаимоотношений российского государства с жителями «клина», подданными Китая, резко обострились из-за антиевропейского народного восстания ихэтуаней («боксёров»), которые выступали против распространения христианства и европейского влияния в Поднебесной. 1 июля 1900 г. начались вооружённые столкновения на Амуре в районе Благовещенска и Айгуна. Население «клина» бежало на правый берег Амура или было выселено туда, часть погибла в ходе военных действий. После событий лета 1900 г. «маньчжурский клин» перестал существовать. Однако на его территории археологи до сих пор находят многочисленные следы хозяйственной деятельности и религиозной жизни народов «маньчжурского клина». Многие интересные находки хранятся в экспозициях и фондах Научного музея АмГУ.

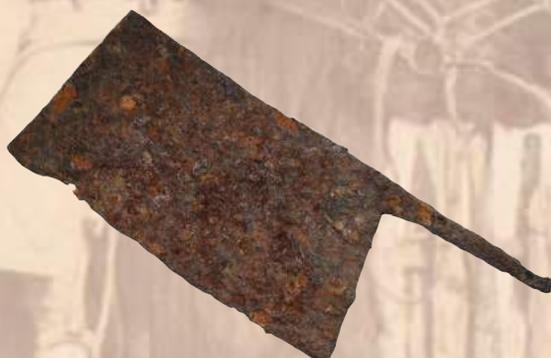
Семья маньчжура.

Илл. 76. Чайник. Металл.

Илл. 77. Лопата. Железо.

Илл. 78. Сельскохозяйственное орудие. Железо.

Илл. 79. Лемех. Железо.

Илл. 80. Трубки для курения опнума.

Илл. 81. удила. Металл.

Илл. 82. Стремена. Металл.

Буддизм в Приамурье

Буддизм – древнейшая из мировых религий. Возникнув в VI в. до н.э., буддизм за две с половиной тысячи лет внёс огромный вклад в историко-культурное наследие человечества. Переступив рамки отдельных государств и этнокультурных образований, буддийское учение распространилось от Цейлона до Тувы и Бурятии, от Калмыкии до Японии. Не стало исключением и Приамурье – буддизм безусловно является одним из ярких моментов этнокультурной истории региона.

Впервые на территории российского Дальнего Востока буддизм появляется в первом раннегосударственном образовании региона – государстве Бохай (698–926 гг.). Хотя в соседних с Приамурьем регионах он был известен и раньше.

Основная среда распространения буддизма в это время – аристократическая верхушка бохайского общества. Заметим, что эти периоды относятся к истории буддизма в Приморье, однако без них невозможно реконструировать и, тем более, понять историю буддизма в Приамурье. В эпоху средневековья именно Приморье создало условия для развития буддизма на российском Дальнем Востоке; породило культурное и политическое влияние, став примером и образцом; создало заметную конкуренцию Китаю.

Распространению буддизма в Бохай способствовали как культурно-политические (Китай, Корея, Япония), так и торговые (Согд) связи его последователей. После падения государства Бохай часть его населения попала в зависимость от киданей, а часть мигрировала в районы Приморья и Приамурья и стала называться чжурчжэнями. Таким образом, пласты бохайской культуры имеются и в чжурчжэньском государстве Цзинь (1115–1234 гг.). Предположительно, именно от бохайцев буддизм попадает к их потомкам – чжурчжэням.

Буддизм в Золотой империи чжурчжэней – государстве Цзинь – в основном был представлен течениями махаяны, имевшей распространение среди знати и правящей верхушки общества. Также наблюдается некоторое влияние ваджраяны. Наряду с этим в обществе также практикуются шаманизм и даосизм.

Следующий период становления дальневосточного буддизма представлен «тырскими древностями» (XV в.) и связан с распространением буддийского учения среди населения Восточного Приамурья послами китайской династии Мин. Это событие нашло выражение в постройке храмового комплекса недалеко от современного п. Тыр Хабаровского края. В Амурской области таких по-

Монгольский исследователь Г. Сухбаатар отмечает, что «в Центральной Азии уже в начале н.э. буддизм имел распространение среди хуннов, а позже, в V–VI вв. стал известен жужаням, и даже возникла необходимость в принятии ими буддизма в качестве государственной религии. Сменившие жужаней тюрки также знали буддийскую религию; затем, начиная с X в., буддизм приняли уйгуры».

Илл. 83. Статуэтка. Бронза.
Из фондов Амурского областного краеведческого музея им. Г.С. Новикова-Дурского.

Илл. 84. Статуэтка Будды Маньчжури.
Конец XIX в. Бронза.
Из фондов Научного музея АМГУ.

Илл. 85. Статуэтка Будды.
XV-XVI вв. (с. Гродеково). Камень.

Илл. 86. Ваджр
[буддийский ритуальный предмет].
Чурчжэни XII-XIII вв. Бронза.

Илл. 87. Статуэтки. Бронза.
Из фондов Амурского областного краеведческого музея им. Г.С. Новикова-Дурского.

строек на данный момент не обнаружено, однако, имеются находки, относящиеся к этому времени.

Дальнейшая история развития буддизма в Приамурье в XVIII–XX вв. связана с территориями, относящимися к Маньчжурии (прежде всего – земли Верхнего и Среднего Амура). Судя по артефактам и статистическим данным, здесь был распространён китаизированный буддизм, а также тибетский буддизм традиции ваджраяны, связанный с такими народами как маньчжуры, дауры и эвенки. Определённое распространение буддизм получил в XIX – начале XX вв. на территории «маньчжурского клина» – района компактного проживания подданных империи Цин на ле-

вом берегу Амура, образовавшегося вследствие подписания Айгуньского договора в 1858 г. между Россией и Китаем. Есть предположения о существовании буддийского храма близ с. Владимировка и в г. Благовещенске.

В целом, несмотря на отсутствие непрерывной преемственности буддийского учения между этническими группами и его сосуществование с другими религиозными традициями (что приводило к религиозному и культурному синкретизму), можно констатировать факт значительного влияния буддизма на этнорелигиозную картину региона, в которой он выступал в качестве транснациональной (трансэтнической) религии.

Летом 1900 г. в Китае вспыхнуло направленное против европейцев – в том числе, и против русских, «боксёрское восстание». Одни из самых ожесточённых боёв проходили в районе г. Благовещенска, а позже близ китайского г. Айгун, а также некоторых других поселений на правом берегу Амура. Военные действия русских войск в борьбе с ихэтуанями продолжались до сентября 1900 г., однако полностью были ликвидированы лишь в декабре 1901 г. В этом же году по распоряжению военного губернатора Амурской области К.Н. Грибского в благовещенский музей были переданы оружие, знамёна, а также некоторые другие трофеи, захваченные русскими в ходе боевых действий. По мнению амурских краеведов, именно так в музей попал уникальный экспонат – колокол с буддийского храма, находящегося некогда в г. Айгун. Согласно выполненному на самом экспонате тексту, данный колокол привезён в провинцию Хэйлуницзян в 1814 г. как дар местному храму от одного из китайских чиновников, получившего повышение по службе.

Башня у разрушенной кумирни г. Лугунь. 1900 г.

Колокол с буддийской кумирни. 1901 г.

РУССКИЕ НА АМУРЕ В XVII ВЕКЕ

Центр древней истории культуры

阿穆爾

河流域古代

РУССКИЕ НА АМУРЕ В XVII ВЕКЕ

Во второй половине XVI в., с похода Ермака против Сибирского ханства в 1580 г., начинается исторический процесс движения русских на восток, за Урал и присоединения Сибири и Дальнего Востока к русскому государству. Ещё до похода Ермака к низовьям Енисея началось проникновение русских промысловиков в Восточную Сибирь. Дальнейшее промысловое освоение охватывало Забайкалье и Якутию; промысловики вошли в состав русских старожилов Сибири.

 Для промысловиков решающими были возможность морского пути и наличие в Сибири факторий – торговых постов или поселений, образованных купцами в отдалённых частях своей страны или на территории другого государства. Из транспортных средств в XVI–XVII вв. наиболее популярным был коч – одномачтовое парусногребное деревянное судно с малой осадкой.

Русские землепроходцы появляются в приамурских землях в середине XVII в. Первое освоение территорий началось с севера в ходе экспедиций И.Ю. Москвитина (1639 г.), В.Д. Пояркова (1643–1646 гг.), С. Шелковника (1647 г.), Е.П. Хабарова (1649–1653 гг.), А.Ф. Пашкова (с 1650 г.) и др. Участники этих походов стремились не только присоединить новые территории и обложить данью местное население. В их задачи входило описание новых земель и народов, составление географических карт и другие задачи, связанные с расширением знаний о мире. Экспедиции землепроходцев явились

«предтечей» дальнейшего научного изучения края в XVIII–XIX вв.

 Многие из так называемых «русских» были потомками немцев, принявших русское подданство во время правления Петра I, Екатерины II и Павла I. Так, этническим немцем был А.И. фон Бейтон, сын прусского поручика, один из главных участников обороны Албазинского острога.

По мере освоения Приамурья русские ставили в устьях рек оборонительные сооружения, многие из которых были временными и не сохранились. В основном это были зимовья и остроги. Зимовья, как правило, были небольшими и представляли собой избы с боевой надстройкой. Остроги были более крупными населёнными пунктами, укреплёнными тыновыми стенами и башнями (одни из первых – Ачанский острог и острог на р. Комаре (Кумаре, кит. Хумаэрхэ)). Строительство Комарского (Кумарского) острога в ноябре 1654 г. было обусловлено опасностью со стороны маньчжуров. Его конструкция в 1655 г. смогла выдержать пушечный обстрел 10 000-й армии, в которую, помимо маньчжуров, входили дауры, дочери и другие народы. Руководил обороной Онуфрий Степанов – продолжатель дела Е.П. Хабарова.

Остроги становились центрами русской жизни на Амурской земле. Постепенно вокруг них устраивался быт и хозяйство; разворачивалась торговля и завязывались отношения с местными народами. Шёл процесс взаимообмена хозяйственными и ремесленными технологиями: от абори-

Илл. 88. русский боевой топор.
XVII–XVIII вв.

Илл. 89. рожок (пороховница).

Илл. 90. Багинет
(штык, вставлявшийся
в огнестрельное оружие).
XVII в.

Илл. 91. Казачья шашка.
Первая четверть XVII в.

Илл. 92. Туесок из дубазинского острога.
Фонд Института археологии и этнографии СО РАН.

Илл. 93. Ружьё казаков. XVII в.

Илл. 94. Ядро. XVII в.

В основной комплект вооружения казака входили: нож, пицаль, дорожный топорик; реже – копьё. Формирование арсенала приамурских казаков зависело от вооружения в тех регионах, из которых казаки прибывали в Амурские земли, а также от возможности его пополнения оружием инородцев (например, якутов, бурятов). Забайкальскими и приамурскими казаками в той или иной степени использовались сабли, винтовки, мушкеты, луки (в том числе – саадаки (сайдаки), набор вооружения конного лучника), пальмы (холодное оружие с однолезвийным ножевидным наконечником на длинном древке), бердыши. Пистолеты и карабины были дороги и редки. Из защитного вооружения в обиходе имелись кольчуги и панцири; использовались якутские и монгольские куяки (доспехи пластинчато-нашивного типа), а также шишаки (тип шлема).

генов русские перенимали бытовые изобретения (например, конструкцию лыж), особенности амурского промыслового дела – охоты, рыболовства; местное население училось у казаков огородничеству и пчеловодству, использованию привезённых инструментов и др.

Начало освоения Приамурья совпало по времени с расколом в Русской православной церкви: в результате церковных реформ, инициированных патриархом Никоном, выделилась отдельная группа верующих – старообрядцев, или «раскольников». Некоторым из них пришлось бежать от гонений и массовых казней на Дальний Восток; многие просто были сосланы.

 В Нерчинск, к верховьям Амура, на 10 лет был сослан протопоп Аввакум, почитаемый старообрядцами священиком-мучеником.

В 1654 г. А.Ф. Пашков становится первым воеводой г. Нерчинска – центра Нерчинского воеводства, куда в XVII в. переселяются первые крестьяне, положившие начало развитию сельского хозяйства и животноводства и превращению Приамурья в житницу Дальнего Востока. К 80-м гг. XVII в. на Амуре было около 800 пашенных крестьян.

С началом экспансии русских на Дальний Восток в Приамурье проникают и первые православные миссионеры. Главной их целью было обращение местных жителей в христианство. Нередко в миссионерстве основным рычагом выступали различные льготы социально-экономического характера – в особенности, освобождение от уплаты ясака. Ввиду значительного преобладания мужчин среди русских переселенцев, бывали случаи заключения брачных союзов с представительницами коренных народов. Всё это усиливало процесс интеграции русских в иную культурную среду, укрепление их

позиций и социокультурное взаимодействие между народами.

Вместе с тем, освоение дальневосточных окраин нередко было оз-

 В результате смешения русских с маньчжурами, бурятами, эвенками и монголами в Забайкалье появилась новая этническая группа – гураны (от бурят. «самец сибирской косули»). Название произошло от внешнего вида зимних шапок из шкуры гуранов, которые носили забайкальские казаки.

наменовано стычками с коренными народами. Конфликты возникали по большей части из-за агрессивной политики первопроходцев, что не только осложняло процесс колонизации, но и зачастую вело к существенным человеческим потерям с обеих сторон. Так, в 1644 г. отряд В.Д. Пояркова подвергся блокаде со стороны дауров. Казакам пришлось терпеть страшный голод, обернувшийся большим количеством погибших и случаями каннибализма – от безысходности питались и павшими иноземцами, и умершими служилыми людьми.

В 1650 г. отряд Е.П. Хабарова, продолжателя дела В.Д. Пояркова, занял селение даурского князя Албазы, где было основано первое поселение русских на Амуре – Албазинский острог. Ерофей Павлович предпочитал решать возникающие в общении с аборигенами проблемы силой – слава о его жестокости и самоуправстве распространялась по Амуре от одного народа к другому. Действия Хабарова породили недовольство среди служилых людей и привели к восстанию против него местного населения (в частности, дауров). Аборигены отказывали казакам в помощи и выплате ясака, препятствовали сплавам. «Приказному человеку» Хабарову пришлось уйти к устью р. Зеи, где он был взят после недолгого разбирательства дворянином Дмитрием Ивановичем Зиновьевым под стражу и выслан

Илл. 95. Череп защитника с. Албазино.

Илл. 96. Бюсты защитника с. Албазино. Авторы Д.В. Пежемский, А.Н. Рыжкин.

Илл. 97. Казак Хабарова тяжелооружённый. Историческая реконструкция Е. Багрина и Н. Фомина.

Антропология Албазинского острога. Русский защитник крепости.

В 1976 г., когда раскопки Албазинского острога проводились под руководством В.В. Сухих, С.В. Глинского и Б.С. Сапунова, были обнаружены и переданы в Институт археологии и этнографии (Новосибирск) черепа русских защитников крепости. В 2013 г. антропологические останки были возвращены в Благовещенск. В 2014 г. антропологом Албазинской археологической экспедиции, сотрудником НИИ и Музея антропологии МГУ Д.В. Пежемским и художником А.Н. Рыжкиным было проведено антропологическое исследование и реконструкция одного из мужских черепов. Антропологическая реконструкция проводилась по методике выдающегося российского учёного М.М. Герасимова.

Результаты обмеров скелета албазинца показали, что его рост превышал 182 см. Это значительно превосходит показатели для русского населения XVII в., когда средний рост был меньше 170 см. Размеры тела, костный рельеф свидетельствуют о том, что это был массивный человек с развитой мускулатурой. Изучение костных останков показало, что на костях не было никаких следов травм и болезней. Это был не только физически крепкий человек, но и очень здоровый. Защитник Албазина представлял

тип очень крупного архаичного европеоида с очень высоким и узким лицом, хорошо профилированным в горизонтальной плоскости, с резко выступающим носом. В его облике явно выражены именно старорусские черты, без примеси чуждых кровей.

Рядом с черепом при раскопках была обнаружена пуля. Известно, что в XVII веке русские воины, идя в бой, часто клали часть пули за щеку. Очевидно, с такой пулей погибший в бою мужчина и был похоронен...

Впервые реконструированный облик защитника Албазинского острога был представлен в экспозиции Научного музея АМГУ в декабре 2014 г. Впоследствии бюсты были переданы в Амурский областной краеведческий музей.

Илл. 98. Антрополог Д.В. Пежемский.

в Москву. Позже Е.П. Хабаров был прощён царём.

После ухода казаков Хабарова Албазинский острог некоторое время находился в запустении, пока в 1665 г. в Амурских землях не появился отряд Никифора Черниговского, бежавшего в Албазин после восстания против воеводы Л.А. Обухова. В составе отряда находился иеромонах Гермоген, привёзший в Приамурье его главную святыню – чудотворную Албазинскую икону Божьей Матери «Слово плоть бысть» и основавший в 1671 г. Албазинскую пустынь – Спасский монастырь.

Основанной казаками «вольнице» приходит конец в 1672 г., когда заочно приговорённого к смерти Черниговского милуют и назначают приказчиком Албазина. К 1674 г. албазинцы переходят в подчинение воеводской администрации.

80-е гг. XVII в. – период острых военных конфликтов русских поселенцев и маньчжурских войск, представлявших Цинскую империю. В 1682 г. было основано Албазинское воеводство с собственными гербом и печатью. Во главе воеводства встал А.Л. Толбузин, сыгравший одну из ключевых ролей в героической обороне Албазинского острога от маньчжурских войск в 1685–1686 гг.

В результате военного противостояния, голода и мора обе стороны понесли значительные потери. Между Россией и Китаем в 1689 г. был подписан Нерчинский мирный договор, определивший границу между двумя государствами по рекам Аргуни и Горбице и выше по Становому хребту к берегу Охотского моря. По договору Россия лишалась Албазинской крепости,

 У Цинской армии был значительный перевес сил: «...пришли Богдойские неприятельские воинские многие люди на многих бусахъ и на коняхъ, и стоятъ на нижнихъ Албазинского острогу заимкахъ, и готовятца де итти на приступъ подъ Албазинской острогъ, а въ Албазинскомъ де малолюдство, и пушекъ, и мелкого ружья, и пороху, и свинцу малое число». Дополнения к актам историческим. Том двенадцатый. Санкт-Петербург, 1826 г. С. 108.

и казаки покинули острог, предварительно уничтожив деревянные постройки. Только во второй половине XIX в. на месте острога была основана новая казачья станица.

«Порубежное» геополитическое положение Приамурья обусловило начало распространения русских на дальневосточных землях. К концу XVII в. казаками и крестьянами здесь уже был основан ряд русских селений, ставших центрами русской администрации, очагами культуры, торговли и хозяйственной деятельности. В это же время начинается процесс христианизации коренных народов Сибири и Дальнего Востока.

Вместе с тем, колонизация Приамурья не была завершена. Положение дел осложняли длительные конфликты с местным населением, и особенно – с маньчжурами империи Цин. Нерчинский договор подытожил первый этап освоения Дальнего Востока, на длительное время прервав движение русских в отдалённые края государства и формирование здесь целостной этнокультурной группы. Долгий процесс присоединения Амурского края к Российской империи завершится только в середине XIX в.

ПАНОРАМА ЭТНИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ПРИАМУРЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – XX ВВ.

🏰 Русские и другие восточнославянские народы на Амуре во второй половине XIX – XX вв.

🏰 Православие в Приамурье.

🏰 Католицизм в Приамурье.

🏰 Русский Харбин.

🏰 Этнокультурное многообразие Приамурья во второй половине XIX – XX вв.

Русские и другие восточнославянские народы на Амуре во второй половине XIX – XX вв.

Русские

На середину XIX в. приходит-ся качественно новый этап освоения Приамурья. Неразрешённость «Амурского вопроса» тормозила развитие Восточной Сибири и Дальнего Востока, а неразграниченные и неохороняемые земли легко могли стать добычей стран-колонистов (Англии, Франции, США).

В этот период русские власти начинают организовывать научные экспедиции, положившие начало изучению Амурской области. Среди исследователей Амурского края были А.Ф. Миддендорф, Н.Х. Ахте, Р.К. Маак, Г.И. Невельской, Г.И. Радде, М.И. Венюков, С.В. Максимов, Л.И. Шренк, Н.П. Аносов, Н.В. Буссе, Г.Е. Грум-Гржимайло, К.И. Максимович и др. Многие из них работали под эгидой Императорского Русского Географического Общества.

В 1847 году императором Николаем I было принято решение назначить генерал-губернатором Сибири Н.Н. Муравьёва, сыгравшего решающую роль в разрешении «Амурского вопроса». Верным соратником Муравьёва стал Г.И. Невельской, капитан Балтийского флота. Именно он опроверг мнение о непроходимости устья Амура для морских судов.

В 1856 г. происходит фактическое утверждение позиций России на Среднем Амуре. В том же году был основан Усть-Зейский пост, который в следующем году был преобразован в станицу, а затем – в город Благовещенск. Н.Н. Муравьёв выдвигает предложение создать Амурский казачий полк, и в следующем году начинается активное переселение забайкальских казаков в Приамурье.

К лету 1857 г. по левобережью Амура было основано 15 казачьих поселений, где проживало около 2 000 человек.

 Первые селения казаков получали названия по именам первопроехавших и соратников губернатора: Игнашино, Бейтоново, Иннокентьевское, Пашиково, Корсаково, Казакевичево и др. Крестьяне давали названия по именам основателей (Васильевка, Куликовка); в память об исторических личностях (Лазаревка, Арсеньевка); по религиозным праздникам и именам святых (Борисоглебка, Богородское); в память о месте, откуда прибыли (Тамбовка, Житомировка); по географическому или природному признаку (Березовка, Белогорка).

В 1858 г. в станицу Усть-Зейскую прибывает святитель Иннокентий Вениаминов – епископ Русской православной церкви, митрополит Московский и Коломенский, апостол Америки и Сибири, первый православный епископ Камчатки, Якутии, Приамурья и Северной Америки. Именно он стал сподвижником генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьёва-Амурского в деле урегулирования «Амурского вопроса», и позже – становления русской православной жизни на восточных окраинах.

16 (28) мая 1858 г. в г. Айгуне между Россией и Китаем был заключён договор, определивший границы двух государств по р. Амур. Активные участники Амурской эпопеи были удостоены наград и повышений по службе, а Н.Н. Муравьёв был

Илл. 99. Пермские переселенцы в Приамурье. Фото с сайта: www.raionka.perm.ru

Илл. 100. Керосиновая лампа.
Конец XIX – начало XX вв.

Илл. 101. Шкатулка.
Конец XIX – начало XX вв.

Илл. 102. Сахарница.
Конец XIX – начало XX вв.

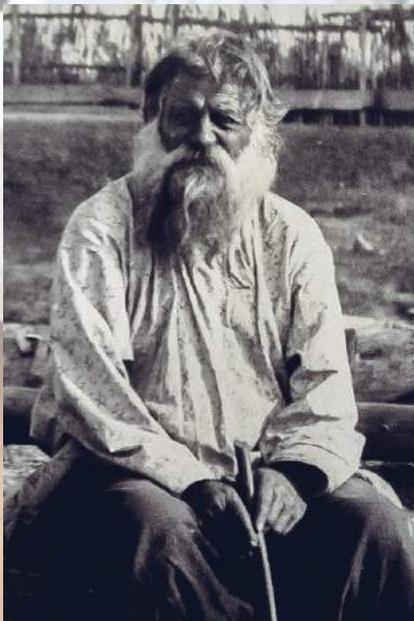
Илл. 103. Подсвечник.
Начало XX в.

Илл. 104. Столовый прибор.
Конец XIX – начало XX вв.

Илл. 105. Щипцы для сахара.
Начало XX в.

Илл. 106. Амурский крестьянин. Начало XX в.

Илл. 107. Ичиги – самодельная обувь переселенцев.
Конец XIX – начало XX вв.

возведён в графы с титулом «Амурский».

8 декабря 1858 г. указом Александра II была образована Амурская область с центром в г. Благовещенске. Первым военным генерал-губернатором Амурской области стал Н.В. Буссе.

 Большой опорой и поддержкой для Н.Н. Муравьёва-Амурского была его жена – Екатерина Николаевна Муравьёва (в девичестве – Катрин де Решемон), всюду следовавшая за мужем. В её честь была названа одна из приамурских станций – Екатерино-Никольская, основанная в 1858 году.

В том же году в Приамурье переселилось несколько тысяч казаков, основавших 35 новых селений, а 29 декабря был издан указ о формировании Амурского и Уссурийского казачьих полков. К моменту создания Амурской области на этой территории находилось 2 950 человек.

Вторая волна освоения и заселения Амурской области русскими носила крестьянский характер. В это время можно говорить о трёх основных районах крестьянской колонизации: 1) низовья Амура (между Мариинским и Николаевским станами); 2) по берегам Амура (между Хабаровкой и Софийском); 3) долина Амура вместе с левыми притоками – р. Зея и р. Бурея.

До 1861 года переселение крестьян, несмотря на обещанные льготы (освобождение от податей и повинностей, выдачу ссуд и т.д.) шло медленно; основную массу переселенцев составляли жители центрально-чернозёмных губерний Украины. Процесс был значительно ускорен после отмены крепостного права. С 1859 по 1908 год в Приамурье прибыло 74 899 переселенцев.

Составляющим звеном переселенческого движения на восток во второй половине XIX в. явилось переселение забайкальских казаков. Всего в период с 1857 по 1862 годы по левобережью

Николай Николаевич и Екатерина Николаевна Муравьевы-Амурские. 1860 г.

Из фондов Государственного исторического музея.

Амура было расселено около 10 000 казаков. Второе казачье переселение было осуществлено в течение одного года (1879 г., Южно-Уссурийский район). Третий этап переселения казаков относится к 1895 г. – первому десятилетию XX в., основной целью которого было общее пополнение и укрепление дальневосточного казачества (в основном – в Уссурийском крае).

В 1869 году первый и относительно интенсивный этап заселения Приамурья заканчивается. Несмотря на некоторые успехи, он был ознаменован многими трудностями,

 С прибытием крестьян и казаков Амурская область постепенно превращается в житницу Дальнего Востока. Переселенцы занимались земледелием, скотоводством (особенно – коневодством), пчеловодством; различными промыслами и ремеслами, в том числе, охотой, рыбной ловлей и др. Особой отраслью капиталистического предпринимательства была золотодобыча, способствовавшая развитию хозяйственного освоения Приамурья.

Илл. 108. Доводка золота в зимовье. Прииск Соловьёвский. Начало XX в.

Илл. 109. Весы для золота. Конец XIX – начало XX вв.

Илл. 110. Печать приёмщика золота. Рухтопаз, серебро. Конец XIX в.

Илл. 111. Лоток для промывки золота. Начало XX в.

с которыми пришлось столкнуться переселенцам: непривычные погодные условия, слабая переселенческая политика, ежедневные бытовые трудности, болезни, наводнения 1861 и 1863 годов и многое другое подрывали дух переселенцев, создавали проблемы и нередко уносили человеческие жизни. Двойственное – военно-крестьянское – положение амурского казачества накладывало отпечаток на его культуру, быт и административно-территориальное устройство.

 Большую долю переселенцев в XIX веке составляли так называемые раскольники из Самарской, Тамбовской, Пермской, Енисейской губерний, которые не пользовались в других местах религиозной свободой – молокане (которых было особенно много – до 30 000 человек), старообрядцы, духоборы и др. Селились они в основном обособленно, образовав к 1882 году 59 поселений.

Культура Приамурского крестьянства второй половины XIX – начала XX вв. имеет определённые особенности. На берегах Амура начинают появляться так называемые «промысловые» семьи, для которых земледелие не являлось основным источником пропитания. К 1870-м годам формируется тип малой семьи из двух поколений – родителей и детей.

В достаточной мере изменения коснулись крестьянского (и казачьего) быта, в частности – дома, особенно у переселенцев с юга: непригодные для дальневосточных условий мазанки заменили прочные деревянные срубы, которые богато украшались резьбой. Внутри дома главное место занимала печь; убранство было простым и безыскусным. Двор огораживался; у зажиточной семьи на участке позади дома находилось много хозяйственных построек.

В религиозном отношении большинство крестьян были православными, хотя уровень их религиоз-

 Суровые природные и погодные условия Дальневосточного края, а также болезни животных заставляли крестьян обращаться к заступничеству мучеников Флору и Лавру и великомученику Георгию-Победоносцу, которым молебны служились чаще, чем другим святым.

ности по сравнению с населением европейских губерний в целом был невысоким, а культовые действия зачастую носили формальный характер; в культурной среде бытовали элементы и дохристианских верований, и представлений местных, коренных народов. Особое значение крестьяне придавали иконе. Главным церковным праздником считалась Пасха, которая отмечалась повсеместно и с размахом. Большое значение имела Святочная неделя и Крещение.

Период с 1901 по 1917 гг. характеризуется новым этапом в освоении переселенцами амурских земель. Это время заселения Архаринского, Октябрьского, Серышевского, Свободненского, Шимановского районов, а также южной части Мазановского района. Большую часть населения Амурской области в этот период составляли русские, или великороссы, белорусы и малороссы, занимавшие Зейско-Буреинскую низменность. Всего за 1901–1917 гг. из европейской части России переселилось свыше 140 000 человек.

В конце XIX – начале XX вв. начинает активно складываться прослойка амурской интеллигенции, сыгравшей большую роль в общественной и культурной жизни края. Начало формирования интеллигенции было положено ещё во времена присоединения Приамурья к Российской Империи. Большую роль в этом процессе сыграло развитие золотодобывающей промышленности: работа добывающих компаний требовала привлечения инженеров и специалистов горного дела. К концу XIX в. в Приамурье насчитывалось около

Илл. 112. Часы-ходики из дома Забиточной семьи.
Конец XIX – начало XX вв.

Илл. 113. Подсвечник.
Конец XIX – начало XX вв.

Илл. 114. Пенсне. Конец XIX в.

Илл. 115. Личный альбом семьи Яфониных. Конец XIX – начало XX вв.

двухсот приисков с почти тридцатитысячным населением.

Наряду с золотопромышленностью ведущими отраслями амурской экономики были мукомольное, винокуренное и пивоваренное производство; заготовка древесины, добыча пушнины, рыболовство. Развивалась разведка и добыча угля и других полезных ископаемых, что способствовало развитию речного транспорта и дорожной сети.

В 1898 году началось строительство колёсной дороги Благовещенск – Хабаровск (т. н. «Амурской колесухи»), при котором широко использовался труд каторжан. Привычным для амурцев также было использование верблюдов для тяги и перевозок.

Русское население на Амуре было активно вовлечено в предпринимательскую деятельность. Постепенно сложилась купеческая прослойка общества. Пионерами торговли стал А. Курбатов. Крупнейшей русской универсальной фирмой Дальнего Востока являлся торговый дом «И.Я. Чурин и Ко», действовавший в крае с 1867 г. В 1900 г. было организовано «Товарищество братьев Буяновых» (потомков первых амурских молокан) с основным капиталом в 200 000 рублей для операций по пароходству и мукомольному делу. Городской управе принадлежали торговые ряды «Мавритания», здание которых существует и поныне.

К 80-м гг. XIX в. в Приамурье появляются медицинские учреждения и развиваются учреждения образовательные. Первые школы начали появляться при казачьих сотнях и бригадах ещё с 1859 г.; в 1862 г. в Благовещенске было открыто духовное училище, в Николаевске-на-Амуре – женское училище. В 1871 г. была открыта Благовещенская духовная семинария.

В 1859 г. в Благовещенске появилась первая общественная библио-

тека. В 1862 г., по инициативе военного губернатора Амурской области Н.В. Буссе, была открыта первая на Дальнем Востоке типография. Изначально предполагалось выпускать газету «Друг маньчжур», и типография имела два шрифта – русский и маньчжурский. Начать выпуск газеты не удалось.

Амурская интеллигенция также была активно вовлечена в научную деятельность. В 1891 г. был учреждён Амурский областной краеведческий музей им. Г.С. Новикова-Даурского, чему способствовал приезд наследника царского престола Н.А. Романова. В начале XX в. был открыт Благовещенский отдел общества востоковедения.

С началом гражданской войны Благовещенск стал центром борьбы за освобождение Забайкалья и Приморья от интервентов и белогвардейцев. 25 февраля 1918 года в Приамурье была установлена власть Советов. 18 сентября 1918 года к власти на короткое время пришёл Колчак, а в Благовещенске разместилось командование японских оккупационных войск. Однако уже в октябре 1918 года образовались подпольные организации, поставившие своей целью создание отрядов самообороны и осуществление руководства партизанским движением. В феврале 1920 года власть колчаковщины была свергнута.

Период с 1922 по 1941 год – время нового переселенческого этапа. По данным переписи 1923 года, в Амурской области было 240 тыс. русских, что составляло подавляющее большинство. В 1938 году на базе боевых частей Амурского фронта и партизанских соединений была сформирована 2-я Краснознаменная армия. В период Великой Отечественной войны всего добровольно и по призыву на фронт ушли более 100 тысяч амурчан – почти половина взрослого населения области. Более 60 амурцев удостоились звания Героя Советского Союза, 13 стали кавалерами орденов Славы трёх степеней. 23 че-

Илл. 116. Женский жакет. Начало XX в.

Илл. 118. Наряд горожанки мещанского сословия.
Начало XX в.

Илл. 117. Блуза. Начало XX в.

Илл. 119. Сумочка дамская. Начало XX в.

Илл. 120. Сапожки женские. Начало XX в.

ловека участвовали в Параде Победы на Красной площади в Москве. В целом боевых правительственных наград удостоились более 56 тысяч человек. Амурская речная флотилия сыграла большую роль в войне против Японии.

1945–1974 годы – период послевоенного переселения. По данным переписи 1959 г., русские составляли значительную группу – 87,7%; по данным переписи 1970 г., в области проживало 721,4 тыс. русских. Ещё один

этап заселения Амурской области начинается с 1974 г. и связан с возведением Байкало-Амурской магистрали. Так, по данным переписи 1979 г., русских в Амурской области было 831 062 человека (88,7%). По данным переписи 1989 г. количество русских в Амурской области увеличилось до 911 969 человек (86,8%). С наступлением 2000-х гг. наблюдается снижение численности русского населения: в 2002 г. – 831 004 человека (92%), в 2010 г. – 775 590 человек (93,4%).

***

Славянское население Дальнего Востока было сложным как по этническому, так и по религиозному и сословному составу. Исторически в Приамурье шёл процесс слияния русских, украинцев и белорусов, а также наблюдалось индифферентное отношение к этнокультурным различиям между этими группами, что привело к формированию особого субстрата, в котором преобладающая русская культура содержит элементы культуры Украины и Белоруссии.

Украинцы

В Амурской области украинцы появляются в числе крестьян и казаков в конце XIX – начале XX вв., когда Приамурье, как Приморье и Хабаровский край, входило в Зелёный Клин, или Закитайщину – историческое украинское название юга Дальнего Востока России, куда входили Амурская область, Приморский и Хабаровский края.

Доля украинских переселенцев в 1886 г. составила 46,5% (4 977 человек). В период с 1906 по 1912 год доля украинских переселенцев составила 25,9%. Украинцами в Амурской области основано множество поселений, названия которых отражали происхождение своих основателей. Осели украинцы в основном в безлесных, степных, местах – Белогорском, Завитинском, Ивановском, Тамбовском и других районах, соответствующих родным, привычным для них краям.

В 1917 г. на территории Зелёного Клина из полутора миллионов человек почти миллион были украинцами. Следующей по размеру группой (субэтносом) были казаки – забайкальские, амурские и уссурийские. Среди них также было немало украиноязычного населения, особенно – в составе

 Украинские мазанки оказались не пригодны для амурского климата и быстро разрушались. Срубные дома постепенно заменили глинобитные постройки малороссов, но ещё долгое время пол оставался глиняным, а крыша – соломенной.

уссурийского казачества, значительно пополненного кубанскими казаками в начале XX в.

С 1917 г. на Дальнем Востоке начинают выходить газеты на украинском языке (в Благовещенске – «Українська Амурська справа» и «Амурский украинец»); создаётся так называемая «Украинская Громада» (общество). После революции на территории Зелёного Клина активно предпринимаются попытки поднятия национального самосознания и противостояния русификации украинского народа; начинают создаваться украинские школы. Высшим представительным органом Зелёного Клина становится Дальневосточная краевая Рада; на местах представительная власть находится у окружающих рад.

Осенью 1922 г. Дальний Восток полностью попадает под власть больше-

Илл. 121. Седло. Начало XX в.

Илл. 123. Казачья форма. Начало XX в.

Илл. 122. Казачья нагайка. Начало XX в.

Илл. 124. Казачья шашка. Начало XX в.

Илл. 125. Клып – форма для отливки пуль. Начало XX в.

виков, и Дальневосточную республику упраздняют. Многие украинские крестьяне, казаки и купцы вынуждены бежать в Китай, где наиболее активно проявляют себя в Харбине – издают украинские газеты, создают организации и союзы.

Увеличение числа украинских переселенцев с 1926 г. было связано с разработкой плана переселенческой политики. Основную часть (4/5) следующих на Дальний Восток переселенцев составляли плановые – то есть те, кто имел специальные переселенческие документы. Они направлялись из Украины, Белоруссии и Европейской части РСФСР, во многом из-за того, что дальневосточные земли были схожи с их родной местностью, а потому эти народы были наиболее пригодными для оседлого образа жизни. Согласно Всесоюзной переписи населения 1926 г., украинцев в Приамурье проживало в количестве 100 500 человек. В 1939 г. малороссов насчитывалось 78 213 человек.

Белорусы

Белорусы в Амурской области массово селятся в последней четверти XIX в., составив к 1890-м гг. 1/5 от общего числа переселенцев. Согласно переписи 1897 г., в Амурской области проживало 388 белорусов (0,32% всего населения). С 1901 по 1917 год приток белорусов в Амурскую область усилился, в основном охватывая степные и лесостепные зоны – Зейско-Буреинскую равнину, Свободненский и Шимановский районы. Были основаны деревни: Рогачевка (1898), Большой Ивер (1900), Костюковка (1901), Семёновка (1908), Рожковка (1909), Нижние Бузули (1909) – где в 1929 г. был создан колхоз «Красный белорус», Моховая (1925), Малый Ивер (1926) и др.

Гражданская война и неурожай 1920–1922 гг. вызвали временный отток белорусов в новообразованную БССР и в дальнейшем зарубежье. По данным переписи 1926 года, в Приамурье проживало 14 900 белорусов. В 1927–1928 гг.

В 1945–1974 гг. наблюдается послевоенное увеличение переселенцев вследствие введённых И.В. Сталиным льгот. Существовала разработанная система кредитования хозяйственного устройства переселенцев: выдавались переселенческие билеты, по которым можно было получить кредит на дом, корову или зерно.

По данным переписи 1959 г., украинцы составляли 7,8% (56 266 чел.) от числа национальных групп Амурской области. После 1974 г. начинается новый период притока переселенцев, связанный со строительством БАМа. Позднее количество украинцев в Амурской области стало снижаться – 31 475 и 16 636 человек по данным переписей 2002 и 2010 годов соответственно.

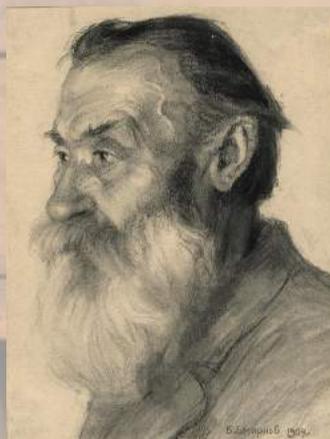
В связи с политическими событиями на Украине с 2014 г. в Амурскую область начали прибывать беженцы и участники программы переселения соотечественников; по данным УФМС на июнь 2014 г., в Приамурье зарегистрировано 1 300 мигрантов.

в область приехало 5 100 человек, 4/5 из них были плановыми (имели специальные переселенческие документы). Численность белорусов в области по данным переписей 1939–2002 гг.: 1939 г. – 10 300 (2,29%), 1959 г. – 9 300 (1,31 %), 1970 г. – 7 700 (0,97%), 1989 г. – 17 900 (1,71%), 2002 г. – 7 800 тыс. (0,87%).

В 1970–1980-х гг. рост числа Белорусов связан со строительством БАМа. Снижение численности белорусов в современный период связано как с общим оттоком населения из региона, так и с ассимиляцией и слабо выраженной этнической самоидентификацией. В Амурской области белорусы также претерпели влияние китайцев, коренных народов и старообрядцев. Отмечено влияние белорусской речи на местные русские говоры. По данным переписи 2010 г., белорусов в Амурской области проживает 4 100 человек (0,51%). С 2012 г. в г. Благовещенске действует АНО «Белорусское землячество».

Илл. 126. Переселенка из Украины.
Рисунок Б.В. Смирнова, 1904 г.

Илл. 127. Старик-переселенец из Малороссии.
Рисунок Б.В. Смирнова, 1904 г.

Илл. 128. рубашка женская.
Часть костюма переселенки из Белоруссии.
1 четверть XX в.

Илл. 129. Приспособление для сбора лесных ягод.
Начало XX в.

Илл. 130. Стул. Конец XIX – начало XX вв.

Православие в Приамурье

Православие на Амуре берёт своё начало в XVII в. Именно тогда на территории современной Амурской области возникает первое русское поселение на Дальнем Востоке – острог Албазин. Группа беглых сибирских казаков во главе с Никифором Черниговским в 1665 г., отправляясь на Амур, берёт с собой священнослужителя – иеромонаха Гермогена (Киренского). Есть несколько версий по поводу приезда Гермогена. Так, некоторые исследователи считают, что иеромонах мог силой забрать на незаселённые территории. Есть и предположение, что священнослужитель мог пойти с казаками добровольно. Прибыв на Амур, Гермоген становится основателем первых храмов. Им была построена Воскресенская церковь и Воскресенская часовня, а также часовня во имя св. Николая Чудотворца. В 1671 г. иеромонах возводит Спасский монастырь, где помещает икону «Слово плоть бысть» (Албазинская икона Божией Матери) – чудотворную, согласно православной традиции, икону, ставшую с тех пор главной святыней Приамурья. В 1685 г. после осады острога маньчжурами Гермоген с уцелевшими албазинцами возвращается в Забайкалье. Вместе с собой иеромонах уносит икону «Слово плоть бысть» и оставляет её в Сретенске.

В начале XIX в. в Приамурье вновь стало проникать православие, уже с северных территорий Дальнего Востока. На Амур, где проживали тунгусы, стали приезжать православные миссионеры из Якутского и Удского острогов. В 1840 г. по инициативе священнослужителя И.Е. Попова-Вениаминова (будущего архиепископа Иннокентия) Святейшим Синодом было принято решение о создании самостоятель-

ной Камчатской, Курильской и Алеутской церковной епархии (округа). В этом же году Иннокентий был назначен главой епархии.

 Одной из важных форм деятельности Русской православной церкви в Приамурье является миссионерство. Амурская миссия была учреждена в 1856 г. при содействии архиепископа Иннокентия (Вениаминова). Целью миссии была христианизация аборигенов-инородцев, проживавших на территории Дальнего Востока. Для этого в миссии были созданы специальные подразделения – станы. Проповеди миссионеры читали на местных языках (тунгусском, нивхском, нанайском, якутском).

В 1849 г. Иннокентий знакомится с генерал-губернатором Восточной Сибири графом Н.Н. Муравьёвым, с которым его отныне будут связывать тесные личные и деловые отношения, во многом определившие историю Дальнего Востока. В это же время у него возникает идея перенесения кафедры Камчатской епархии на Амур. В 1854 и 1856 гг. архиепископ Иннокентий, неутомимый миссионер и исследователь, совершил путешествия на р. Амур, откуда вернулся с новыми наблюдениями и твёрдым убеждением в необходимости скорейшего решения «амурского вопроса».

Весной 1858 г. епископ Иннокентий вместе с Н.Н. Муравьёвым отбыл из Иркутска на Амур, чтобы принять участие в крупном сплаве к заложённому ранее посту Усть-Зейский. Отсюда предполагалось вести дипломатические переговоры с китайскими властями о передаче России левого бе-

Илл. 131. Нательная икона
«Слово плоть бысть».
Серебро.

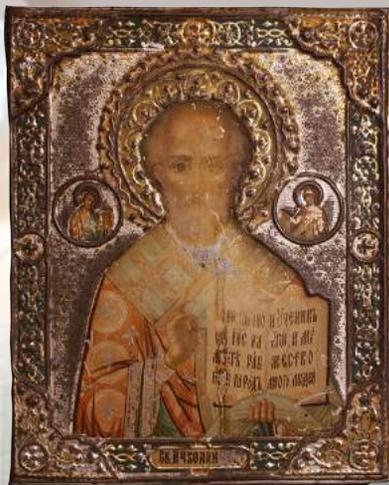
Илл. 132. Складень «Смоленская
Божия Матерь». Бронза. XIX в.

Илл. 133. Крест «Распятие
Христово с предстоящими
и избранными иконами».
Бронза. XIX в.

Илл. 134. Складень «Двенадцатые праздники».
Бронза, эмаль. Середина XIX в.

Илл. 135. Икона «Св. Николай Чудотворец»
в окладе. Металл, дерево. Конец XIX в.

Илл. 136. Икона «Христос с слепотами».
Бронза. Середина XIX в.

Илл. 137. Складень «Денсус (Денсусный чин): Спас Вседержитель, Богоматерь, Иоанн креститель».
Бронза (медь). XIX в.

рега Амура. В результате переговоров Н.Н. Муравьева с цинскими дипломатами в г. Айгуне был заключён новый мирный договор, по которому все приамурские земли перешли к Российской империи. В ходе начавшегося присоединения Приамурья и Приморья архиепископ Иннокентий перенёс в декабре 1858 г. кафедру в Благовещенск и в 1862 г. переселился сюда сам на постоянное жительство.

На своё место в 1868 г. Иннокентий назначил епископа Селенгинского Вениамина (Благонравова), который привёз из Сретенска икону Албазинской Божией Матери. При нём же в 1871 г. была открыта Благовещенская духовная семинария – первая на Дальнем Востоке. В 1882 г. при Благовещенской духовной семинарии начало действовать Духовное училище. При епископе Гурии (Буртасовском) в 1885 г. был утверждён епархиальный праздник в честь Албазинской иконы «Слово плоть бысть», который стал праздноваться 9/22 марта. В 1886 г. Гурием было основано Православное братство Пресвятой Богородицы, построена церковь во имя Св. апостолов Петра и Павла. Он же ввёл традицию крестного хода с иконой Албазинской Божьей Матери. С 1894 г. Благовещенской духовной семинарией начали издаваться «Камчатские Епархиальные ведомости». Выходили они два раза в месяц в Благовещенске. В 1896 г. был заложен Благовещенский Троицкий храм в честь коронавания импе-

раторской четы Николая Александровича и Александры Фёдоровны.

1 января 1899 г. Камчатская епархия была разделена на Благовещенскую и Владивостокскую. Епископ наделялся титулом «Приамурский и Благовещенский». После разделения в Благовещенской епархии осталось 87 церковных приходов. Спустя год в 1900 г. в епархии насчитывалось 99 часовен и 81 церковь. В 1901 г. на Ремесленной площади (ныне перекресток улиц Чайковского – Ленина) был построен один из главных храмов города – Благовещенский Троицкий храм. В 1902 г. он был освящён. В народе храм получил второе название – Шадринский, в честь мецената Шадрина, на чьи средства было осуществлено строительство собора. В 1904 г. был заложен, а в 1907 г. освящён храм в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость».

В 1917 г. в Благовещенске действовало более 20 православных храмов, в Благовещенскую епархию входило 96 церквей, 2 монастыря и 83 церковно-приходские школы. Во время революции были уничтожены все храмы Благовещенска, кроме сохранившегося ныне храма в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Во время гонений на церковь начинаются массовые репрессии в отношении священнослужителей.

В 1940-е гг. начинается возрождение религиозной жизни. Амурскими приходами в 1943–1946 гг. управлял Новосибирский и Барнаульский архиерей.

В разное время епископами Русской православной церкви в Амурской области были:

Архиепископ Иннокентий (Вениаминов) (1840–1868)

Вениамин (Благонравов) (1868–1873)

Павел (Попов) (1872–1877)

Мартиниан (Муратовский) (1877–1885)

Гурий (Буртасовский) (1885–1892)

Макарий (Дарский) (1892–1897)

Евсевий (Никольский) (1897–1899)

Иннокентий (Солодчин) (1899–1900)

Никодим (Боков) (1900–1906)

Владимир (Благоразумов) (1906–1909)

Евгений (Бережков) (1909–1914)

Евгений (Зернов) (1914–1923)

Иннокентий (Тихонов) (1930–1932)

Герман (Коккель) (1932–1935)

Иннокентий (Васильев) (1993–1994)

Гавриил (Стеблоченко) (1994–2011)

Лукиан (Куценко) (2011–наст. время)

Илл. 138. Албазинская икона Божией Матери «Слово плоть бысть» до и после реставрации в мастерских ХПМ «Софрино» и в ризе.

Албазинская икона Божией Матери «Слово плоть бысть»

В 2015 г. исполнилось 350 лет со дня появления чудотворной иконы Божией Матери «Слово плоть бысть» на Амуре. Главная святыня Приамурья прибыла на Амур во второй половине XVII в.: её привёз с собой иеромонах Гермоген, бывший в составе отряда беглых казаков Н. Черниговского, укрывшихся в Албазине. Гермогеном была основана Спасская пустынь, куда и была помещена икона.

Икона написана темперными красками на холсте – паволоке, приклеенном на деревянную доску. Она принадлежит к одному из древнейших иконографических типов – Оранта (от лат. *orans* – молящийся; в русской традиции – «Знамение»), встречающемуся уже в римских катакомбах. Своё название – «Албазинская» – икона получила благодаря пребыванию в Албазинском остроге: в христианской практике давно существует традиция связывать икону с местом, где та проявляла свою чудотворную силу.

В 1685 г. в результате осады Албазина маньчжурами Спасский монастырь был разрушен. Считается, что Гермоген в числе уцелевших албазинцев вернулся в Забайкалье и забрал икону с собой, после чего оставил её в Сретенске. С 1685 по 1854 г. об иконе нет никаких сведений. В 1854 г. Албазинской иконой был благословлён сплав по Амуру от Шилкинского завода. В 1868 г. назначенный на кафедру Камчатской епархии, епископ Вениамин (Благодеров) переносит икону в Благовещенск. Икону поместили в кафедральном соборе во имя Благовещения Пресвятой Богородицы; была изготовлена серебряная с позолотой риза, украшенная чайным топазом, аметистами и фианитами.

С благовещенским периодом связана новая волна почитания иконы. При епископе Гурии (Буртасовском) с миссионерской

целью было образовано Братство Пресвятой Богородицы, было положено начало еженедельному чтению акафиста перед иконой. С 1902 г. при епископе Никодиме (Бокове) начинаются ежегодные крестные ходы с участием иконы «Слово плоть бысть». 18 октября 1916 г. в присутствии иконы был отслужен молебен в г. Хабаровске по случаю окончания строения Транссибирской железнодорожной магистрали.

В 1924 г. стораёт Благовещенский кафедральный собор, и икону переносят в Пророко-Ильинскую церковь. В 1938 г. икона была передана в городской музей и с 1980-х гг. экспонировалась в зале истории православия. В 1991 г. по просьбам верующих икона с крестным ходом была возвращена в церковь.

8 августа 1992 г., впервые в истории новейшего времени, икона была привезена в с. Албазино по случаю перезахоронения по православному обряду останков 57 защитников Албазинского острога, обнаруженных в ходе археологической экспедиции А.Р. Артемьева.

С 1997 г. возобновляется традиция изнесения иконы и паломнических путешествий. В 2000 г. икона несколько дней путешествовала по БАМу в церквивагоне, а после – отправилась в Москву, где в течение недели находилась в Сретенском монастыре. В 2002 г. по благословению архиепископа Гавриила в мастерских художественно-производственного предприятия «Софрино» (г. Москва) была произведена полная реставрация иконы.

6 сентября 2015 г. в присутствии иконы была совершена заупокойная Божественная литургия в с. Албазино по случаю перезахоронения останков защитников острога, обнаруженных в ходе работы Албазинской археологической экспедиции, после чего были совершены крестный ход и погребение.

В 1946 г. учреждается самостоятельная Хабаровская и Владивостокская епархия, до 1988 г. амурскими приходами управляли Иркутские архиереи. С 1947 г. Русской православной церкви было разрешено совершать богослужения в здании бывшего католического костёла. В 1949 г. Хабаровская и Владивостокская епархия была упразднена, её приходы были переданы Иркутской и Читинской епархии. Вновь самостоятельная Хабаровско-Владивостокская епархия была образована в 1988 г., в неё вошли все амурские православные приходы.

28 декабря 1993 г. на заседании Священного Синода во главе со Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II была восстановлена Благовещенская епархия в пределах Амурской области, было принято постановление: «Восстановить Благовещенскую епархию. Епархиальным архиереям Благовещенской епархии носить титул «Благовещенский и Тындинский». Временно управляющим был назначен епископ Хабаровский и Приамурский Иннокентий (Васильев). Первым управляющим Благовещенской епархии 21 апреля 1994 г. был назначен епископ Гавриил (Стеблоченко). Кафедральным градом стал Благовещенск, а бывший католический храм, в котором проходили православные богослужения, стал кафедральным собором Благовещенской епархии. В 1997 г. был заложен собор «Благовещения Пресвятой Богородицы» (перулок Рёлочный, 15), ставший кафедральным собором епархии. Собор был построен на месте двух разрушенных церквей. В 1997 г. в честь 200-летия со дня рождения Святителя Иннокентия (Вениаминова) ему был установлен памятник. В 1998 г. в г. Тынде была совершена закладка Свято-Троицкого собора. С 2011 г. по настоящее время Благовещенскую кафедру возглавляет епископ Лукиан (Куценко). В этом же году Лукиан вернул епархии здание православного прихода храма в честь иконы «Всех скорбящих Радость»

(ул. Красноармейская, 53а) – единственной уцелевшей церкви в г. Благовещенске. 13 июля 2015 г. епископ Лукиан был утверждён Священным Синодом в должности священноархимандрита Свято-Троицкого мужского монастыря (с. Троицкое Ивановского района Амурской области).

По состоянию на конец 2015 г. Благовещенская епархия насчитывает 65 приходов, разделённых на 6 благочиннических округов (Центральное, Белогорское, Архаринское, Северное, Шимановское и Свободненское благочиние), два женских и один мужской монастырь, 4 монастырских подворья, 23 храма. Ведётся строительство ещё 20-ти храмов по всей территории Амурской области. Епархиальное духовенство составляют 53 священнослужителя, из них 49 священников и 4 диакона. В Благовещенском духовном училище обучаются 80 человек, функционируют 12 воскресных школ, число обучающихся в которых составляет более 700 детей, действуют катехизические курсы для взрослых.

Епархиальное управление г. Благовещенска включает в себя отдел катехизации и религиозного образования, миссионерский отдел, отдел по работе с молодёжью, отдел социального служения, отдел по взаимодействию с казачеством, отдел по взаимодействию с вооружёнными силами и силовыми структурами, канцелярию, бухгалтерию, пресс-службу и епархиальный склад.

Каждый месяц Епархиальным управлением выпускаются «Благовещенские епархиальные ведомости», «Благовещение», «Колокол», «Православный БАМ» (специальное приложение к газете «БАМ»). Еженедельно выходят телепередачи «Православие Приамурья» (канал Россия-24), «Свет Православия» (ТК «5-видеоканал», ТК «Союз»), функционирует информационный интернет-портал «Благинформ» (www.blaginformat.ru). 2016 год отмечен 350-летием принесения Албазинской иконы на Амур.

Илл. 139. Святитель Иннокентий (Попов-Вениаминов), митрополит Московский и Коломенский. Портрет. Посл. треть XIX в.

Илл. 140. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский и епископ Камчатский Иннокентий Вениаминов.

Илл. 141. Здание резиденции архиепископа Иннокентия.

Святитель Иннокентий (И.В. Попов-Вениаминов)

Иван Евсеевич Попов родился 26 августа 1797 г. в селе Ангинское Иркутской губернии в семье пономаря. В 1806 г. Иван был определён в Иркутскую семинарию, где получил фамилию Вениаминов. В 1817 г. был рукоположен в диаконы в одной из церквей Иркутска. Будучи в любви у прихожан, имея свой дом и семью, Иван Попов-Вениаминов неожиданно решает уехать служить в Русскую Америку. В 1821 г. он был рукоположен в сан пресвитера.

В 1824 г. в качестве миссионера молодой священник отправляется с семьей на о. Уналашка. До 1834 г. И.Е. Попов-Вениаминов ведёт миссионерскую и научную деятельность среди алеутов и других аборигенов Берингии на Алеутских о-вах и о-вах Прибылова. С 1834 по 1838 гг. миссионер вёл проповедь среди аборигенов-индейцев – тлинкитов на о. Ситха. В 1839 г. возведён в сан протоиерея. В 1840 г. был пострижен в монашество с именем Иннокентий и возведён в сан архимандрита. В этом же году Иннокентий был назначен епископом Камчатской, Курильской и Алеутской епархии. В 1858 г. И.Е. Попов-Вениаминов переносит кафедру епархии в Благовещенск.

В 1862 г. епископ Иннокентий переезжает в Благовещенск на постоянное местожительство. Резиденция Иннокентия была названа «Архиерейской заимкой». В комплекс построек также входил монастырь. До настоящего времени сохраняется одно из зданий «Архиерейской заимки».

За крупный вклад в географию, лингвистику и этнографию архиепископ Иннокентий был избран в члены Академии наук (1857), Московского университета (1868) и Географического общества (1869). В 1867 г. Иннокентий был вызван Святейшим Синодом в Санкт-Петербург, а 5 января 1868 г. был назначен митрополитом Московским. Скончался 31 марта 1879 г., похоронен в Троице-Сергиевой лавре. 23 сентября 1977 года Священный Синод Русской православной церкви причислил митрополита Иннокентия к лику святых.

В Благовещенске имя Святителя Иннокентия носит переулочек в центре города (до 1997 г. переулочек носил название Интернациональный). Святителю Иннокентию установлены два памятника. В посёлке Серышево Иннокентию посвящён храм.

Старообрядцы. 1910-е гг.

Старообрядцы на Амуре

Во время заселения Приамурья на территорию области в большом количестве прибывают переселенцы-староверы. В Амурской области сложились два течения старообрядчества: поповщина и беспоповщина. Беспоповцы не принимали церковную иерархию, в то время как поповцы считали необходимым наличие «попов» (священников) и священства. Поповцы также принимали к себе священников-беглопоповцев – бывших священнослужителей Русской православной церкви. В Амурской области наиболее крупным направлением старообрядчества является Белокриницкая церковь. Она возникла в с. Белая Криница на территории Австрийской империи, куда старообрядцы бежали из России от гонений в XVII-XVIII вв.

На территорию Приамурья большое количество крестьян-старообрядцев начинает переселяться со 2-й половины XIX – начала XX вв. Прибывая на Амур, старообрядцы селились в основном в сельской местности (преимущественно на территории современного Свободненского района) и в долинах рек. Большую часть из них составляли «семейские» – поповцы и беспоповцы, прибывшие из Забайкалья. В 1894 г. в области насчитывалось 2 588 старообрядцев, из них 506 поповцев австрийского толка, 200 «семейских», 1882 беспоповца. По данным Первой Всеобщей переписи населения, в 1897 г. в городах области проживало 4 574 старообрядца. В 1898 г. переселенцами из Могилёвской губернии была основана грибовская община беспоповцев. В 1909–1912 гг. значительную часть староверов составили зарубежные старообрядцы из Австрии (123 семьи), Румынии

(470 семей) и Болгарии (5 семей) – всего 2 750 человек.

В начале XX в. в Благовещенске существовала Свято-Троицкая старообрядческая община, а в с. Бардагон Успенская община. В 1910 г. проходил I Съезд амурских старообрядцев, на котором было решено разместить епископскую кафедру в с. Бардагон. В 1911 г. была открыта епархия Иркутско-Амурская и всего Дальнего Востока, объединяющая приходы Амурской, Приморской, Забайкальской, Якутской областей и Иркутской губернии. Центром епархии стал Бардагон. Возглавил кафедру Иосиф (Иаков Исакович Антипин).

В 20-е гг. XX вв. староверы-поповцы интенсивно мигрировали в Китай (в г. Харбин и в район Трёхречья). В 1934 г. из ссыльных староверов-беспоповцев была образована община беспоповцев в п. Апрельский Магдагачинского района. В 2001 г. после кончины последнего старовера, Д.И. Иродова, община фактически прекратила своё существование.

В 1986 г. в г. Свободном официально был зарегистрирован приход церкви «Преображения Господня», который объединяет староверов-поповцев в настоящее время. Продолжает существовать в Приамурье также грибовская община беспоповцев.

Уникальная коллекция предметов староверческой церковной жизни и домашнего быта хранится в Научном музее АМГУ. Она была собрана в 2000-х гг. в ходе этнографических экспедиций лаборатории археологии и антропологии в посёлках Апрельский, Грибовский, Саскали и других местах традиционного проживания амурских старообрядцев.

Илл. 142. Наряд женщины-староверки.
Середина XX в.

Илл. 143. Старобрядческий крест.

Илл. 144. Смертная рубашка старовера.
Начало XX в.

Илл. 145. Лестовка (чётки старообрядцев).

Молитвенный дом молокан после его открытия.

Семья духовных христиан (с. Гильчино).

Духовное христианство

Духовное христианство – русское религиозное движение, отделившееся от православия в конце XVII – второй половине XVIII вв. Для обозначения этого движения иногда употребляется название «старое русское сектанство». К духовным христианам традиционно относят молокан, духоборов, субботников, прыгунов, хлыстов, скопцов и некоторые другие течения.

В Амурской области духовные христиане появляются с начала заселения территории Приамурья в середине XIX в. Причинами массовой миграции духовных христиан, в особенности молокан и духоборов, были религиозные и экономические свободы, предоставленные властями переселенцам для заселения новоприобретённой части России.

Духоборы. Движение духоборов возникло в центральных губерниях в конце XVII – второй половине XVIII вв. Приверженцы духоборства называли себя «борцами за дух и истину». Одним из главных принципов духоборства является равенство всех людей на земле. В связи с этим в среде духоборов возникли попытки введения общности всякого материального имущества. Первые упоминания о появлении духоборов в Амурской области относятся к 1862 г. В 1864 г. духоборами была основана дер. Покровка, названная по религиозному празднику – Покровскому дню. В Амурской области духоборы проживали в Благовещенске, Покровке, Андреевке, Тамбовке, Толстовке, Жариково, Гильчине, Ново-Троицком и некоторых других небольших селениях, где создали зажиточные духоборческие хозяйства. Молитвенный дом духоборов в г. Благовещенске находился на Иркутской улице, между улицами Кузнечной и Станичной (ныне ул. Трудовая).

В 1905 г. на территории области проживало 2 100 духоборов, в 1914 г. – 2 037. Давление на них властей, а также переход части верующих духоборов в протестантизм, по большей части в баптизм, сильно ослабили движение духоборов не только в Амурской области, но и по всей территории России.

Хлысты, скопцы, прыгуны, субботники. Хлысты, скопцы, прыгуны и субботники появляются в Амурской области в 1860-е гг. одновременно с другими представителями духовного христианства. По сравнению с духоборами и молоканами численность хлыстов, скопцов, субботников и прыгунов в области была незначительной. Так, в 1896 г. на территории Приамурья проживало 78 хлыстов и скопцов, а в 1905 г. 250 представителей хлыстовства и скопничества. По данным отчёта военного губернатора Амурской области за 1912–1913 гг., хлыстов насчитывалось 1 551 человек. Количество прыгунов в 1914 г. составило 63 человека, субботников – 388 человек.

Молокане. Молоканство возникло в центральных регионах в начале XVIII в. Название движения восходит, по мнению некоторых исследователей, к сравнению Библии с «духовным млеком», питающим душу верующего. Возможно, он связано также со следующими новозаветными фразами: «как новорожденные младенцы возлюбите чистое словесное молоко» (1 Пет. 2:2), «я питал вас молоком» (1 Кор. 3:2), «для вас нужно молоко» (Евр. 5:12–13), др.

В Амурской области первые молокане, высланные из Таврической и Самарской губерний, появляются в 1859 г. Численность молокан превосходила количество представителей других течений духовных христиан области. В публикациях некоторых амурских авторов Благовещенск рубежа XIX–XX вв. называется «молоканским городом». Проживали молокане также в Тамбовке, Сергеевке, Толстовке, Новотроицком, Андреевке, Астрахановке и некоторых других деревнях. Молокане в области занимались ремеслом, торговлей, купечеством. Были известны крупные предприниматели-молокане. В 1905 г. в Амурской области проживало 14 500 молокан. Численность молокан в 1914 г. достигала, по разным данным, от 5 565 до 13 095 человек. В 20-х гг. XX в. наблюдался переход части молокан в баптизм.

В 1905 г. городская дума вынесла постановление о разрешении постройки молитвенного дома молокан, который был открыт в 1908 г. Здание молитвенного дома молокан сохранилось, оно является памятником архитектуры (современный адрес – ул. Горького, 97).

Илл. 146. Семья молокан Косицыных и Шукных.

Илл. 147. Магазин С.К. Косицына. Благовещенск. Начало XX в.

Илл. 148. Магазин И.И. Кувшинова. Благовещенск. Начало XX в.

Католицизм в Приамурье

В присоединении Приамурья к России определённую роль играли поляки и представители других славянских народов, исповедовавших католицизм. Они входили в состав военных формирований, которые осваивали этот край. В конце 1859 г. в Приамурье, по данным прибывшего в этот край католического священника о. Кшиштофа Швермицкого (1812–1894 гг.), было 323 католика и 26 католичек. В большинстве своём это были солдаты и офицеры. В 1860 г. в Благовещенске служили 3 офицера и 45 солдат католического вероисповедания. В первые десятилетия среди католиков было немало поляков, сосланных на Дальний Восток за участие в борьбе за выход Польши из состава Российской империи. Долгое время специального места для совершения католических богослужений в городе не было, а священнослужители приезжали из других городов. Ходатайство о возведении костёла было подано Казимиром Радзишевским – первым куратором римско-католических церквей по территории Дальнего Востока. Городской думой была отведена земля в центре города на пересечении улиц Иркутской и Садовой (ныне пересечение улиц Горького – 50 лет Октября). 6 августа 1896 г. костёл был заложен. Деньги на строительство были собраны поляками, сосланными в Приамурье. К этому времени (1897 г.) католицизм в городах области исповедовало 316 человек, в основном польской, литовской и белорусской национальности. В Приамурье прихожане-католики занимались разными видами деятельности, но в основном преобладали аптечное дело, торговля и медицина. Первым священнослужителем прихода в 1902 г. был назначен о. Пётр Бульвич. В 1910 г. священнослужителем и настоятелем при-

хода был назначен Антоний Жуковский. Большую роль в амурском католицизме играла миссионерская работа. Так как в деревнях области проживали переселенцы и ссыльные католики, священнослужители периодически совершали миссионерские поездки по всей области. В двух деревнях области Козловке и Рогачевке были установлены польские часовни – каплицы. В Козловке до настоящего времени сохранился первый этаж здания.

В 1912 г. к благовещенскому костёлу по инициативе о. Антония Жуковского была пристроена колокольня. Здание приобрело окончательный вид. В этом же году настоятелем прихода был выбран Болеслав Вольнец, а в 1917 г. был назначен польский священник отец Владислав Каминский, который был арестован в 1924 г. После о. Каминского данные о католических священнослужителях отсутствуют. В 1932 г. прихожан вынудили отказаться от костёла и Римско-католический приход Преображения Господня прекратил своё существование. Помещение костёла использовалось как воинский склад вплоть до 1947 г. С 1947 г. в здании было разрешено совершать богослужения Русской православной церкви, все крупные церкви которой после революции были уничтожены. 28 июня 1994 г. Апостольским администратором азиатской части России было принято решение об открытии Римско-католического прихода Преображения Господня в г. Благовещенске, первыми прихожанами которой стали потомки поляков-католиков. С 1999 г. в Благовещенске появились постоянные священнослужители и жизнь амурских католиков начала приобретать привычные для католической церкви формы.

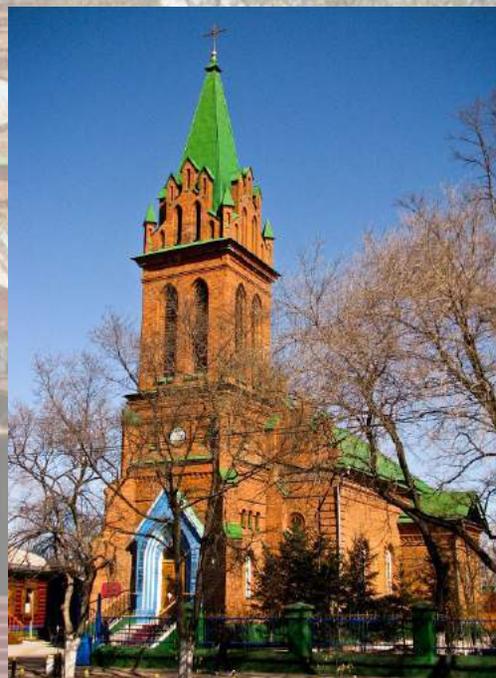
Илл. 149. римско-католический собор Преображения Господня (без колокольни).
Благовещенск, 1910 г.

Илл. 150. Отец Антоний Жуковский отпевает
умершего. Благовещенск, 1911 г.

Илл. 151. римско-католический собор
Преображения Господня.
Благовещенск, 1912 г.

Илл. 152. Здание римско-католического
костёла. Современный вид.

Русский Харбин

Основание города Харбина связано со строительством Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), задуманной как южная ветвь Транссибирской магистрали. Харбин начал отстраиваться русскими в 1898 г. вначале как узловая железнодорожная станция Сунгари-первая. Её заселили русские железнодорожные рабочие: строители и служащие КВЖД со своими семьями.

История Дальнего Востока, в том числе Приамурья, тесно связана с русским Харбином. После событий Гражданской войны в России в 1917–1922/1923 гг. около 200 тысяч русских, не принявших советскую власть, оказались в Северной Маньчжурии. Центром восточной ветви русской эмиграции стал Харбин. Для многих эмигрантов Благовещенск и р. Амур были последними русскими «островками» на пути в Китай. Летом эмигранты переплывали Амур на лодках, зимой переходили реку по льду. Сюжеты о переправе появились в творчестве некоторых харбинских поэтов и прозаиков:

Голубели Амурские воды.
В этот тихий вечерний час
Он бежал из «страны свободы»,
Чтоб спокойно вздохнуть хоть раз!
(М. Колосова «Беглец»)

Среди харбинских беженцев были солдаты и военные чины белой армии, амурские и забайкальские казаки, предприниматели, чиновники, учёные, публицисты, священники, представители других профессий и сословий. Обживаясь на новом месте, русское население создало уникальный город с сохранившимся до революционным бытом и укладом. Русские названия улиц и русская архитектура, русская мебель и лич-

ные вещи – всё в городе напоминало о жизни в России. До сих пор в Харбине сохраняется большое количество зданий, спроектированных русскими архитекторами и возведёнными русскими строителями. Архитектурный облик и планировка Харбина были организованы по образцу северной столицы России и создавались петербургскими инженерами и архитекторами, поэтому город иногда называли «восточным Петербургом».

 Русское население в Харбине было самым многочисленным за пределами России.

Помимо русских в нём проживали представители 35 народов и национальностей. Харбин был многонациональным и поликонфессиональным городом. В нём активно развивались образование и наука, бурно протекала культурная жизнь: проходили балы, демонстрации мод, театральные представления и кинопоказы, собрания литературных кружков и т.д.

Особое место в духовной культуре дальневосточного зарубежья занимало православие. Возведённые в Харбине православные храмы стали духовным центром русской эмиграции. В дни православных праздников церкви Харбина не могли вместить всех желающих посетить богослужение. Первой православной постройкой Харбина стала деревянная церковь Николая Чудотворца (Мирликийского). В 1922 г. в Харбине утвердилась самостоятельная епархия Русской православной церкви.

Свято-Никольская церковь (церковь Николая Чудотворца (Мирликийского)) первоначально была храмом

Илл. 153. Железнодорожный вокзал в Харбине.

Илл. 154. Задние Железнодорожного собрания.

Илл. 155. Главное здание торгового дома «И.Я. Чурин и Ко» на углу Большого проспекта и Новоторговой улицы.

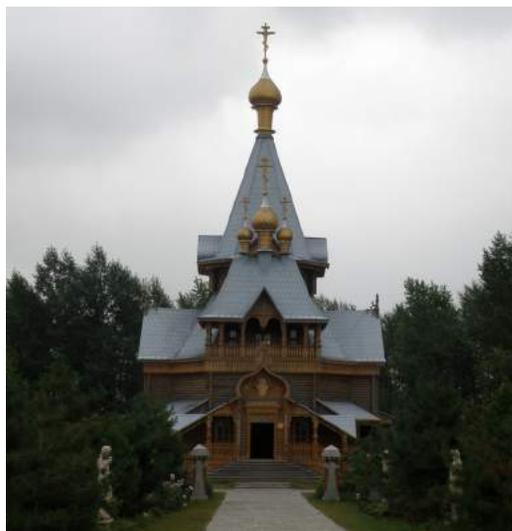
пограничной стражи, позднее – железно-дорожной церковью. В 1908 г. церковь Николая Чудотворца была преобразована в собор. После утверждения самостоятельной епархии в Харбине Свято-Никольская церковь получила статус Кафедрального собора Харбинско-Маньчжурской епархии Русской православной церкви за границей. В 1957 г. храм стал кафедральным собором Харбинской епархии Китайской православной церкви. Во время Китайской Великой пролетарской культурной революции 23 июня 1966 г. собор был разрушен. В 2009 г. церковь была восстановлена в усадьбе «Волга» (пригород Харбина), где действует как туристический объект.

 Один из колоколов Софийского собора в Харбине – это уцелевший колокол Свято-Николаевской церкви.

Не менее известной церковью Харбина был храм в честь Иверской иконы Божией Матери (Иверская церковь), считавшийся одним из самых красивых в городе. Памятником культуры является Софийский собор, построенный по образам Бого-явленской церкви в Санкт-Петербурге и Шадринского собора (Троицкой церкви) в Благовещенске. Сегодня Софийский собор действует как музей истории города и является одной из самых главных достопримечательностей Харбина, его символом.

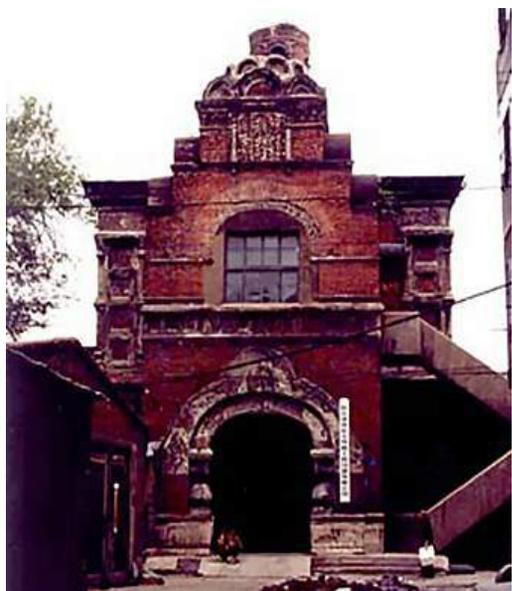
С судьбой КВЖД было связано развитие общественно-политической жизни белой эмиграции в Китае. Огромное влияние на общественно-политическую жизнь дальневосточной эмиграции оказали лидеры военно-политических движений, руководители белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке. Действовали также Российская фашистская партия (РФП), Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ), Христианский союз молодых людей (ХСМЛ) и многие др.

Большую роль в жизни русского Харбина играла эмигрантская перио-

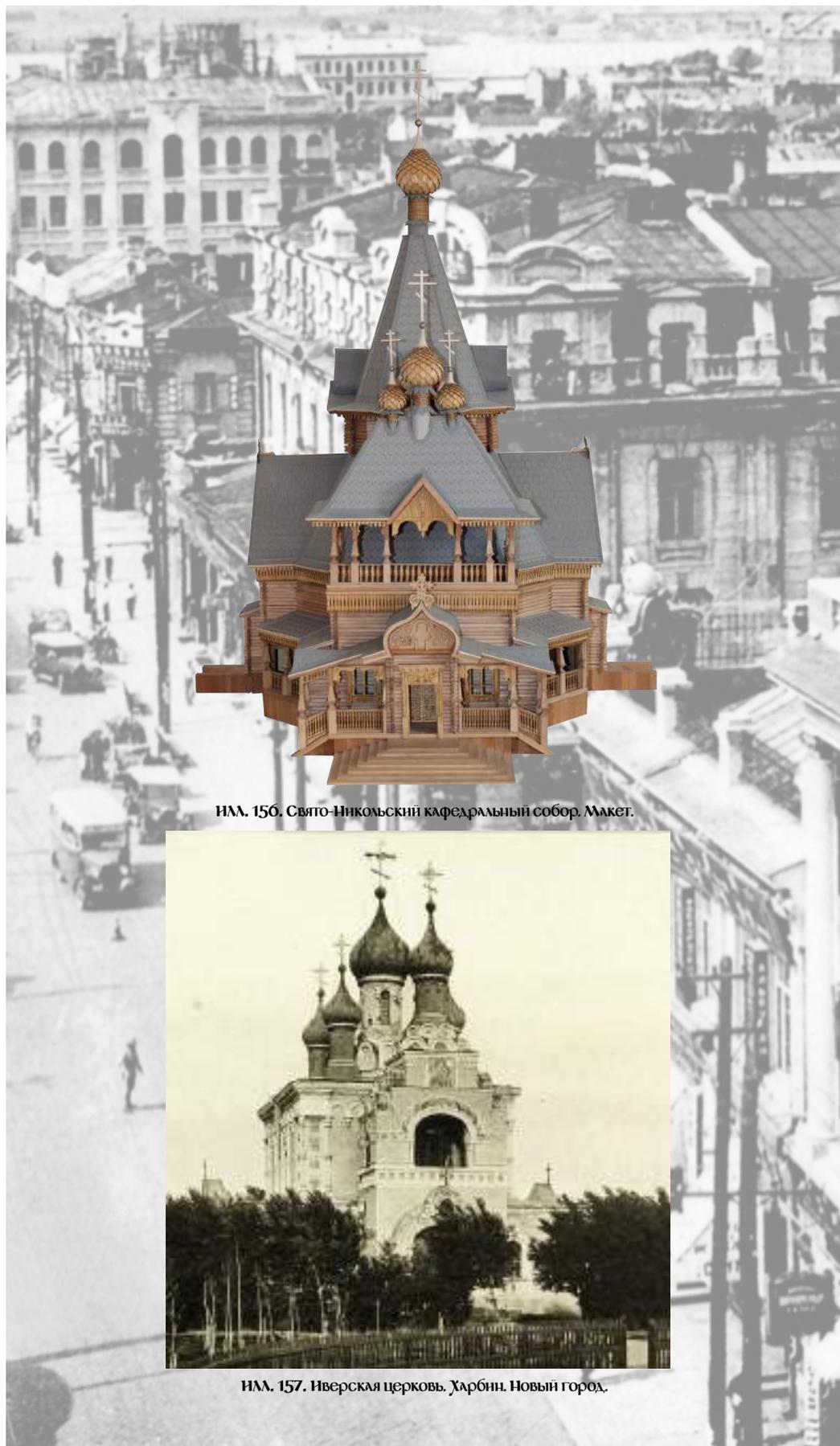

Свято-Никольская церковь, восстановленная в усадьбе «Волга».

дика. В Харбине издавалось более 50 газет и более 20 журналов разной жанровой направленности. Периодические издания были ежедневными, еженедельными и ежемесячными, многие из них выходили большими тиражами. В 20-е гг. в Харбине выходили такие газеты как «Заря», «Копейка», «Гун-Бао», «Рупор», «Гонг» и др. Издавался ряд общественно-политических журналов. Научными организациями выпускались журналы «Вестник Азии», «Вестник Маньчжурии», «Известия Общества изучения Маньчжурского края» и др.

Иверская церковь. Современный вид.

Илл. 156. Свято-Никольский кафедральный собор. Макет.

Илл. 157. Иверская церковь. Харбин. Новый город.

Большой популярностью в Харбине пользовались литературно-художественные газеты и журналы «Чураевка», «Прожектор», «Парус», «Луч Азии», детские журналы «Ласточка», «Юный читатель "Рубежа"».

Самым популярным литературно-художественным журналом был «Рубеж», выпускавшийся еженедельно в харбинском издательстве «Заря» с 1926 по 1945 гг. Многие поэты и прозаики русского Харбина стали известны благодаря публикациям на страницах «Рубежа».

Литературное наследие русского Китая очень содержательно и многообразно. Долгое время именно в Харбине сосредоточивалась литературная жизнь. Здесь в первые два десятилетия эмиграции проживало немало талантливых поэтов, прозаиков, мемуаристов, критиков и журналистов. В Харбине действовали литературные кружки: кружок им. П.Н. Краснова, кружок им. адмирала А.В. Колчака, кружок им. Н.А. Байкова и др. Но наиболее известным объединением творческой молодёжи стал литературно-художественный клуб «Молодая Чураевка», основанный в 1926 г. бывшим казачьим полковником, поэтом Алексеем Ачаиром. В литературных вечерах «Чураевки» участвовали такие поэты и прозаики как Лариса

Андерсен, Лидия Хаиндрова, Валерий Перелешин, Николай Щеголев, Николай Петерец, Владимир Слободчиков, Альфред Хейдок, Василий Обухов и многие другие.

Организатор «Чураевки» – Алексей Алексеевич Ачаир – являлся русским председателем харбинского отделения Христианского союза молодых людей (ХСМЛ). В Харбине он выпустил 5 сборников стихов: «Первая» (1925), «Лаконизмы» (1937), «Полынь и солнце» (1938), «Тропы» (1939), «Под золотым небом» (1943).

В числе первых участников «Молодой Чураевки» был молодой поэт и журналист Николай Щеголев. Позже Щеголев был назначен председателем литературно-художественного клуба «Чураевка». Его рассказы были напечатаны в журналах «Рубеж», «Парус», «Чураевка» и др. В фондах Научного музея хранится рукопись его черновика ненапечатанного романа «Перекресток», а также личные письма и лекции, написанные им уже по возвращению в Советский Союз.

Одним из наиболее плодовитых поэтов «Чураевки» был Валерий Перелешин. Им было издано 14 сборников стихотворений; из них в Харбине вышли следующие: «В пути», «Добрый улей», «Звезда над морем», «Жертва».

Литературно-художественный кружок «Молодая Чураевка».

Русские писатели и поэты Харбина

Илл. 158. Поэт Алексей Ачур.

Илл. 159. Поэтесса и танцовщица Ларисса Андерсен.

Илл. 160. Поэт и писатель Бенедикт Март.

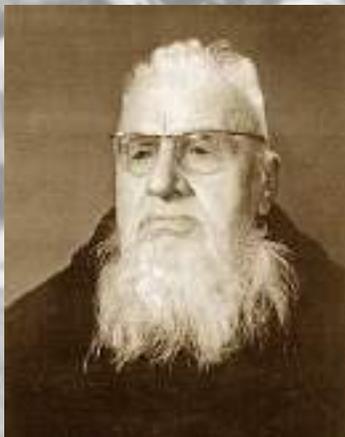
Илл. 161. Поэтесса Александра Парка.

Илл. 162. Поэт и прозаик Арсений Несмелов.

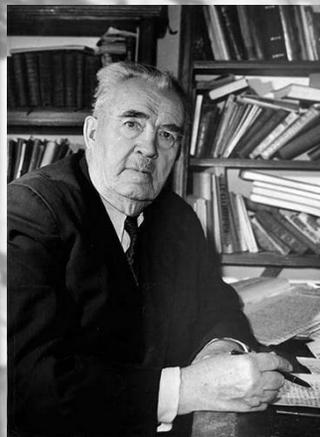
Илл. 163. Поэтесса Маринна Колосова.

Илл. 164. Писатель Альфред Хейдок.

Илл. 165. Поэтесса Нина Завадская.

Илл. 166. Писатель Всеволод Иванов.

Перелешин издал многочисленные антологии переводов из китайской поэзии, а также перевод китайского трактата «Дао Дэ Цзин».

«Музой» харбинских поэтов была известная поэтесса и танцовщица Ларисса Андерсен. В Шанхае вышел её поэтический сборник «По земным лугам». В 2006 г. в России увидел свет сборник её стихотворений, воспоминаний и писем «Одна на мосту». С 2003 г. сотрудники кафедры литературы Амурского государственного университета поддерживали с Лариссой Андерсен контакты, вели переписку и лично встречались во Франции, где прошли последние годы поэтессы. Она ушла из жизни в 2012 г. В фондах и экспозиции Научного музея АмГУ хранятся личные вещи, полученные в дар от поэтессы или её наследников, архивы и публикации, связанные с её творчеством и яркой судьбой, видеоматериалы интервью с поэтессой.

Этнографическая тема (маньчжурская тема, тигры, женьшень, мифы и легенды коренных народов Северо-Востока Китая) стала одной из основных в дальневосточной литературе (Венедикт Март, Павел Шкуркин, Борис Юльский). Известным прозаиком-натуралистом был писатель-натуралист Николай Байков.

Большой вклад в поэзию русского Харбина внесли поэтессы Марианна Колосова, Александра Паркау, Лидия Хаиндрова.

Заметную часть литературного наследия русского Харбина составили прозаические произведения. К числу наиболее известных писателей принадлежат Арсений Несмелов, Альфред Хейдок, Всеволод Никанорович Иванов, Яков Лович, Николай Байков, Борис Юльский, Михаил Щербаков и др.

В 1930-е гг. многие поэты, прозаики и журналисты были вынуждены перебраться в Шанхай. Это было связано с оккупацией Маньчжурии Японией и созданием марионеточного государства Маньчжоу-го. В 1935 г. многие рус-

ские харбинцы, бывшие гражданами СССР, были репатриированы, после чего большую часть из них обвинили в шпионаже.

В 1945 г. Советская Армия вошла в Харбин. Для большинства русских это было долгожданное радостное событие. Однако для многих оно обернулось трагедией – тысячи русских были отправлены в Россию в лагеря и ссылки по обвинению в сотрудничестве с Японией и принадлежности к Белому движению. К началу 1960-х гг. почти всё русскоговорящее население русского Харбина и Маньчжурии оставило Китай. Часть уехала в СССР, часть – в Австралию, США, Канаду, Бразилию и другие страны.

Однако Харбин, его история и культура первой половины XX в., навсегда останутся частью общей истории и культуры России и Китая. Этот город своим прошлым и настоящим сближает наши страны и народы.

Литературно-источниковедческая лаборатория «Центр изучения дальневосточной эмиграции» и кафедра литературы и мировой художественной культуры АмГУ внесли за многие годы работы значительный вклад в исследование и популяризацию культурного наследия русского Харбина. Созданный трудами сотрудников зал «Русский Харбин: история, культура, литература» Научного музея является единственным в России и за рубежом музейно-экспозиционным ресурсом и архивным фондом, целиком посвящённым дальневосточной ветви русской эмиграции. В настоящее время он концентрирует в совокупности наиболее полную коллекцию экспонатов и документов, раскрывающих историю и культуру русской эмиграции в Китае. Фонды музея насчитывают более 10 000 единиц хранения архивных документов, связанных с литературой и публицистикой Харбина и Шанхая. Значительная часть экспонатов, архивных документов, текстов и других источников знаний о русской эмиграции в Китае открыта для свободного доступа на сайте Научного музея АмГУ.

Илл. 167. Ларисса Андерсен.
Клуб «Глуэр», Шанхай, 40-е гг. XX в.

Илл. 168. Платья Лариссы Андерсен.

Слева направо: копия платья с ласточками и поясом, Харбин, 1930-е гг.; оригинал платья; копия сценического костюма для испанского танца, Шанхай, 1940-е гг.; копия платья.

Этнокультурное многообразие Приамурья во второй половине XIX – XX вв.

Амурские эвенки

Задолго до XVII в. в таёжных районах, на склонах хребтов Яблоневого, Станового, Большого и Малого Хингана, Джагды, Буреинского обитала большая этническая группа – тунгусы. Тунгусами русские называли неоднородную по этническому составу общность, которая на Верхнем и Среднем Амуре была представлена по большей части этногруппами, которые позже стали называть эвенками. Происхождение тунгусо-маньчжурской общности до сих пор остаётся дискуссионной проблемой. Этногенез тунгусо-маньчжурской общности разные исследователи соотносили с Алтаем, Прибайкальем, Забайкальем, Приамурьем, средним течением Хуанхэ, некоторыми другими регионами северо-восточной части Евразии. Малоизученной остаётся проблема взаимосвязи древнейших тунгусов (пратунгусов) и тунгусов этнографического времени, известных с XVII в. по письменным источникам и позднейшим исследованиям.

Часть тунгусов вела кочевой образ жизни в условиях горно-таёжной местности. Для перекочёвок использовались одомашненные олени, которые также служили эвенкам источником шкур, мяса и молока. Оленных верхнеамурских тунгусов именовали ороचनाми (от *орон* – олень, *орончон* – олений). Другая часть тунгусов держалась полуоседлого образа жизни, связанного с коневодством. Эта группа «конных тунгусов» принадлежала, прежде всего, к роду Манагир (Манегир), от названия рода произошло слово *манееры*, которым позднее именовали всех конных эвенков. Большую роль в хозяйстве оленных и

конных тунгусов, обитавших в горно-таёжной местности, играли охота (прежде всего, на соболя) и рыболовство. Некоторые родовые группы переходили к земледелию – таких называли «пашенными тунгусами». Распространение коневодства и земледелия среди тунгусов было обусловлено влиянием их соседей – дючеров и дауров. На Среднем Амуре, по р. Зее русские в XVII в. встретили немало «одаурившихся тунгусов». Известны наименования некоторых родовых групп пашенных тунгусов – Баягир, Шемагир, Ежегун, Дулган, которые вели хозяйство на берегах Зеи и Селемджи.

Кочевой образ жизни, основанный на охоте и рыболовстве, труднодоступность многих горно-таёжных районов Приамурья способствовали тому, что военные события второй половины XVII в. оказались для большинства тунгусов менее драматическими, чем для дауров и дючеров. Существенно пострадали «пашенные тунгусы», которые частично были уничтожены, частично уведены в 50-е гг. вместе с даурами в Маньчжурию. Эта тунгусская группа фактически исчезла к концу XVII в.

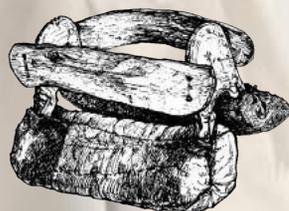
К концу века начинаются важные для истории северных тунгусов процессы. Обезлюдивание территорий, прилегающих к крупным рекам – Амуру, Зее, Бурее, необходимость в торговле и некоторые другие причины обусловили миграции местных тунгусов из дальних горно-таёжных районов на юг, к устьям рек, ближе к обжитым землям и сохранившимся поселениям. В это движение с севера и запада включаются тунгусы востока Забайкалья и юга Якутии, чьи

Илл. 169. Эвенк-охотник верхом на олене.

Илл. 170. Девочка на олене.

Илл. 171. Эвенкийские сёдла: вьючное седло – эмэгэн, женское седло – нама и детское седло – эмкору.

Жизнь в седле верхом на олене

Около миллиона лет назад наши предки вышли из Африки и начали заселять огромные территории Земли. Вначале человек был пешим кочевником, преодолевавшим расстояния с помощью ног. За долгую историю расселения по планете люди открыли множество других способов передвижения по воде и по суше. Одомашнивание крупных животных сопровождалось использованием их в качестве средства передвижения.

Олени были одомашнены, по-видимому, позднее других крупных копытных животных. Некоторые сибирские народы открыли возможность верховой езды на оленях. Вероятно, первыми оседлали оленя эвенки. Верховом на оленях эвенки расселились на огромной территории Сибири.

Эвенкийское седло максимально приспособлено для езды на олене и к суровым условиям сибирской тайги. Каркас седла изготавливается из дерева и рога. Луки седла украшаются резьбой и орнаментом. Часто орнамент включает символы, указывающие на род хозяина седла.

Боковые части седла (полки) со всех сторон обшиваются оленьей шкурой мехом внутрь. Обшитое шкурой седло является мягким и тёплым. Эвенкийские сёдла имеют два основных типа – вьючное (эмэгэн, даннэ), которые служат для перевозки груза, и ездовые (нама) – для перевозки людей. Сёдла-нама имеют свои разновидности – мужские, женские и детские сёдла. Мужские и женские сёдла-нама имеют боковые выступы («крылья»), которые снизу поддерживают бёдра ездока. Размер этих выступов и общие размеры седла соответствуют фигуре ездока. Детское седло (эмкору) имеет дополнительные деревянные дощечки, которые с двух сторон поддерживают ребёнка во время езды.

Эвенкийские сёдла не имеют стремян, поэтому для того, чтобы сесть на оленя и удержаться в седле, эвенки используют специальный посох (аргал, туун, тьевун, тьсывун). Эвенк, с детства приученный ездить в седле, чувствует себя верхом на олене настолько свободно, что иногда позволяет себе даже спать во время движения. Седло соединяет оленя и человека в одно целое.

родовые территории были затронуты эпидемиями, резким уменьшением поголовья соболей в результате хищнической охоты, объясачиванием и некоторыми другими неблагоприятными процессами. Из-за Станового хребта в Приамурье кочуют новые родовые группы тунгусов. Эти миграции значительно меняют прежнюю картину расселения тунгусских родов в Приамурье.

В XIX в. эвенки наряду с другими народностями тунгусо-маньчжурской группы составляли основу аборигенного населения Приамурья. Орочны занимали обширные территории, расположенные вдоль левого и правого берегов верхнего течения Амура, они по-прежнему вели кочевой и полукочевой образ жизни, занимались преимущественно охотой и рыболовством. В общественном устройстве ороchnов сохранялись элементы родового строя. Общество делилось на устроенные по отцовской линии преемственности роды. В начале 80-х гг. XIX в. по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири среди амурских ороchnов была проведена перепись населения. Согласно данным этой переписи, орочны разделялись на 6 родов: Кандыгирский, приписанный к Амурской области, состоял из 137 человек (62 муж.); Кандыгирский, при-

писанный к Якутской области, – 132 человека (70 муж.); Никагирский (Шологонский) – 154 человека (80 муж.); Бульдотский (Булётский) – 275 человек (137 муж.); Нинаганский (Нинагайский) – 158 человек (81 муж.); Боягирский – 90 человек (44 муж.). Всего в 6 родах насчитывалось 946 человек (474 муж. и 472 жен.).

Родовая организация ороchnов в XIX – начале XX вв. трансформировалась под воздействием этнических миграций, хозяйственного и социального развития. Большую роль начинает играть вовлечённость многих эвенков в отношения с русскими, торговля пушниной, участие в транспортировке грузов и т.д. В результате шло постепенное разложение родовых отношений, крупные родовые объединения ороchnов разделялись на более мелкие сообщества родственников. Трансформация родовой организации приводила к возрастанию роли отдельной семьи. Семья становилась основной хозяйственной ячейкой общества и важнейшим социальным организмом. Важнейшую роль в семье ороchnов играло оленеводство.

В XIX в. некоторые районы Приамурья были заселены манеграми, которые в 50-х гг. XIX в. занимали обширные территории, расположенные в верхнем и среднем течении Амура и его притоков. На Верхнем Амуре ко-

Тунгуска на олене. Фото В. Нухельсона, 1898.

Илл. 172. Перевозка орочноном ребёнка на олене.

Илл. 173. Эвенкийская колыбель – эмкэ, бэбэ.

Эвенкийская колыбель – эмкэ, бэбэ

Кочевой образ жизни – трудное испытание для взрослого человека. Но ещё более трудным испытанием такой образ жизни является для детей. Длительный опыт кочевой жизни выработал у народов Сибири и Дальнего Востока особую культуру заботы о детях.

К числу наиболее ярких общих признаков кочевой культуры оленеводов относится детская колыбель. В своих основных чертах детская колыбель кочевников Сибири и Дальнего Востока сходна и издавна распространена на огромной территории. В 1959 г. в ходе раскопок неподалёку от Хабаровска А.П. Окладниковым была обнаружена глиняная модель колыбели, которая относится к польцевской культуре и датируется ранним железным веком, серединой I тыс. до н.э. А.П. Окладников полагал, что польцевская культура тесно связана с этногенезом тунгусо-маньчжурской группы.

У тунгусо-маньчжурских народов колыбель имела форму овальной коробки, согнутой приблизительно посередине под углом около 150 градусов. Устройство колыбели хорошо приспособлено для перевозки ребёнка на олене. Оно имеет ремни для надёжного крепления к животному. В такой колыбели ребёнок находится в полусидячем положении, поэтому в процессе движения может наблюдать

за всем, что происходит вокруг. Для того, чтобы ребёнок не выпал, его привязывают специальными кожаными ремешками. Для большей надёжности и удобства в верхней части колыбели находится дугообразная ручка. Эвенки колыбель изготавливают из дерева (тонкие берёзовые доски, береста), дно крепится кожаными ремнями (некоторые тунгусо-маньчжурские народы скрепляют деревянные части корнем кедра, а эвенки использовали также и корни черемухи). Внутри колыбели для утепления укладываются шкуры. На дне колыбели, под ребёнком, с гигиеническими целями размещаются какие-либо гигроскопические материалы – это может быть сухая берёзовая (лиственничная) труха, остывшие угли от костра, уложенные в мешочек, или куски мха. Наличие этих своеобразных таёжных памперсов позволяет сделать перекочёвку с ребёнком менее обременительной для малыша и матери. На стоянках такая колыбель подвешивалась к шесту или ветвям дерева. В чуме колыбель тоже чаще всего находилась в подвешенном положении.

Раньше внутри колыбели или на её стенках, как правило, размещали вырезанные из дерева, кожи амулеты, защищавшие ребенка от злых духов, а также наносили изображения-обереги на стенки.

чевья манегров располагались по обоим берегам Амура от устья Невера до устья Кумары. Манегры населяли также берега р. Зея и её притоков (главным образом правый берег этой реки на пространстве между притоками Зеи – р. Большая Пера и р. Деп). На Среднем Амуре поселения манегров встречались по обоим берегам вплоть до р. Дичун (левый приток Амура, впадающий в Амур ниже станицы Раде). Встречались также манегры и в долине р. Буряя

В годы советской власти произошли крупные изменения в укладе жизни эвенков. Эти изменения развивались в русле общих процессов преобразования российского общества. Коренные изменения в укладе жизни амурских эвенков начались под влиянием проводимой в 30 гг. XX в. государственной политики коллективизации. В разных районах области были образованы сельхозпромысловые артели, экономической основой которых стали изъятые из личной собственности стада оленей. Эвенки во всё более возрастающем числе были вынуждены поселяться в специально созданных для этого на-

циональных сёлах. Положительной стороной этих противоречивых процессов был свободный доступ эвенкинской молодёжи к образованию всех уровней, резкое улучшение медицинского обслуживания как людей, так и оленей. Безграмотность и страшный бич прошлого – эпидемии, выкашивавшие в прошлом поголовно многие семьи и их стада, – становились редкостью, а со временем практически исчезли. Массовый голод, как и эпидемии, тоже становится крайне редким гостем эвенкийских кочевий. Государство, советский общественный строй принимают на себя заботу о сохранении жизни таёжных кочевников и переустраивают основы их существования так, как в то время представлялось наиболее прогрессивным и перспективным.

В эти годы существенно меняются маршруты перекочёвок многих родов и семей. Масштабное освоение Дальнего Востока в ходе индустриализации страны, резкое расширение лесозаготовок и золотодобычи, строительство дорог и посёлков потеснили некоторые семьи с прежних угодий.

Тунгусский чум. Фото В. Нохельсона, 1898.

Илл. 174. Наму 40-е гг. XX в. и наму 1972 г., р. Нюкля.

Илл. 175. Муручун – кожаные коробки для хранения семенных ремквнй.

Наму – образ мира на оленьей шкуре

Наму – небольшой коврик, изготовленный из обработанной до состояния замши оленьей шкуры (ровдуги) и используемый исключительно в ритуальных целях. Коврик расписывался и украшался лентами, бахромой и кисточками шерсти. На наму отражена традиционная эвенкийская картина мира. Некоторые эвенки раньше считали, что наму предшествовала традиция создания наскальных рисунков. Ритуальный коврик-наму удобен при кочевой жизни, его можно легко перевозить с собой. Наму хранили в ритуальной шкатулке муручун и старались не показывать посторонним.

Существуют два вида наму – оленьи и охотничьи. Использовались наму при общеродовом шаманском обряде сэвэкан (оживление природы и окружающего мира), при мелких обрядах благодарения Сэвэки (покровителя растительности и животного мира) за удачную охоту, при просьбах ниспослать благополучие роду, здорового стада оленей, детей и т.д. Во время ритуалов эвенки окуривали наму, брызгали на него кровь жертвенного оленя и приносили небольшие жертвы изображённым на нём духам (например, бросали в огонь кусочек жира). Наму – это своеобразная таёжная икона.

Одним из образцов наму является коврик шаманки Федосьи Павловой, хранящийся в Научном музее АмГУ. Ритуальный предмет был передан в 2003 г. сыном шаманки Трофимом Павловым участником научной экспедиции А.И. Мазину, А.П. Забияко и Р.А. Кобызову. Экспонат представляет собой коврик из цельного куска ровдуги шириной 68 см и высотой 32 см, украшенный бахромой, кожными жгутами и кончиками лосиных хвостов. На наму слева изображены красной охрой месяц, 13 звёзд, 2 изюбря; чёрной краской нарисованы 3 лося, 2 оленя и человеческая фигура шамана с протянутой в сторону лосей правой рукой. В правой части находятся выполненные охрой изображения солнечного диска и небольшого светила, 9 птиц и 18 оленей.

Другой наму из экспозиции Научного музея АмГУ – это ритуальный коврик 1972 г., изготовленный по просьбе А.И. Мазина. Коврик выделан из цельного куска ровдуги шириной 50 см и высотой 31 см. На экспонате изображены солнце, луна и стадо оленей во главе со священным оленем. Из антропоморфных фигур на коврике представлен человек с маутом (арканом), пасший оленей. Чуть ниже солнца представлен Сэвэки – покровитель растительности и животного мира.

Работая в образованных в посёлках совхозах и колхозах, эвенки начали заниматься нетрадиционным для них типом ведения хозяйства – земледелием. Однако при этом сохранялись и традиционные эвенкийские типы хозяйствования – так, основными источниками прибыли в основанных в эвенкийских посёлках сельскохозяйственных предприятиях всегда являлись оленеводство и охота. В ряде эвенкийских посёлков для обеспечения женской занятости и развития местного производства были открыты мастерские по пошиву национальных изделий из оленьего меха – шуб и унтов, шапок и рукавиц, спальников и сумок. Это национальное ремесло эвенков очень пригодилось в годы Великой Отечественной войны: на фронт отправляли тёплую одежду, которая спасала от самых лютых морозов. Многие эвенки пополнили ряды Советской армии, став отважными фронтовиками. Немалая их часть отдала свои жизни во имя Великой победы.

В послевоенные годы эвенки содействовали освоению Дальнего Востока. В 60–70 гг. быстрыми темпами стало развиваться оленеводство – стада стали многотысячными.

Улучшились условия жизни оленеводов – для них в тайге были выстроены стационарные дома, а связь каждой отдельной оленеводческой бригады с посёлком поддерживалась через рацию. Однако в таком крупномасштабном оленеводстве были и свои недостатки: многотысячные стада начисто вытаптывали пастбища с ягелем, который восстанавливается чрезвычайно медленно – миллиметр в год.

«Золотой век» амурского оленеводства постепенно сменился тяжёлым кризисом 90-ых гг. Одно за другим стали разваливаться оленеводческие хозяйства, поголовье оленей резко сократилось. Оставленные без помощи государства, эвенки стали заводить частных оленей, кочевать небольшими группами со своими стадами (в среднем по 20–30 оленей) в надежде, что природа-мать прокормит в тайге оленевода-охотника.

В Амурской области ныне проживает около 1 300 эвенков, большая их часть живёт в пяти сёлах области: Бомнак Зейского района, Ивановское Селемджинского района, Усть-Уркима, Первомайское и Усть-Нюкжа Тындинского района. Несколько эвенкийских семей административно связаны

Орочонки у берестяной юрты. Фото неизв. автора, 1890-е гг.

Илл. 176. Шаманский костюм И.И. Яковлева из эвенкийского рода Буллет.

Илл. 177. Металлические подвески шаманского костюма И.И. Яковлева.

Эвенкийский шаманский костюм

Шаманские практики в среде тунгусов существовали с древних времён и играли огромную роль в жизни тунгусо-маньчжурских народов. Шаман – центральная фигура в шаманизме, обладающая большим авторитетом в общении с миром духов. В посёлках т на стойбищах амурских эвенков шаманы проводили обряды (камлания) вплоть до начала XXI в.

Традиционные костюмы амурских эвенкийских шаманов обычно шили из шкур животных (оленя, лося, медведя) и снабжали металлическими подвесками, бахромой. Внешний вид костюма, набор подвесок зависел от опыта шамана, его силы, а также от родовой принадлежности. Облачение шамана – большая музейная редкость, в Амурской области сохранилось всего три эвенкийских шаманских костюма. Один из них принадлежал И.И. Яковлеву из эвенкийского рода Буллет. Костюм изготовлен в первой половине XX в. из шкуры дикого оленя. Он представляет собой куртку и нагрудник

с поясной бахромой и металлическими подвесками (илл. 176). Металлические подвески включают кости «скелета» шамана, фигурки духов-помощников, планеты, колокольчики и погремушки (илл. 177, 1). Металлический «скелет» шамана продолжается по всей длине рукавов костюма, позвоночника и рёбер (илл. 177, 3). Подвески, изображающие духов-помощников, расположены на спине. Центральным атрибутом является металлическая голова лося (илл. 177, 6). На остальных подвесках представлены тигры, медведи, волки (илл. 177, 4) и антропоморфные фигурки (илл. 177, 5), которые располагаются под рукавами. Две фигуры на костюме представляют Солнце и Землю. Земля изображена прямоугольником с заovalными углами (илл. 177, 2). Солнце изображено окружностью с двумя отверстиями для крепления.

Этот шаманский костюм экспонировался в 2014–2015 гг. в Научном музее АмГУ. Хранится он в краеведческом музее г. Зеи.

с с. Майским Мазановского района, но кочуют в тайге в верховьях р. Норы. Далеко не всё население ведёт традиционный для эвенков образ жизни – лишь около половины из них, подобно своим предкам, разводят оленей, охотятся в тайге, считая её своим домом. Большинство эвенков живут в посёлках в достаточно благоустроенных домах, работают на приисках, в школах, детсадах и сельских администрациях, а говорят преимущественно на русском языке.

В начале XXI в. социально-экономическая и культурная ситуация в районах компактного проживания эвенков постепенно стабилизировалась и даже в определённой мере в сравнении с недавним прошлым улучшилась.

Укрепилась организация этнических (родовых) общин, между ними в рамках Ассоциации коренных народов севера Амурской области растёт взаимодействие: регулярно раз в два года проводятся встречи эвенков разных посёлков в форме народного праздника «Бакалдын», в ходе которого проводятся обряды «Кормление огня», «Проводы на охоту», конкурсы «Меткий стрелок». «Лучшая хозяйка чума», «Эвенкийская национальная

кухня», показ образцов национальной обуви и одежды, выставка-продажа национальных изделий, спортивные состязания по национальным видам спорта. Каждый год в марте в национальных сёлах организуются традиционные праздники «День оленевода и охотника». Оживилась деятельность по сохранению этнической самобытности и языка, новые импульсы получила в эвенкийских селах творческая деятельность музыкальных и танцевальных коллективов. Меняются в направлении развития этнических начал образовательные программы в школах и детских садах эвенкийских посёлков.

В течение многих лет сотрудники лаборатории археологии и антропологии АмГУ ведут полевые исследования в местах компактного проживания амурских эвенков. В Научном музее широко представлены предметы эвенкийской старины – бытовые и ритуальные вещи, орудия охоты и рыбной ловли, сёдла, инструменты для обработки кожи и т.д. Эвенкийская этнографическая коллекция, одна из наиболее полных среди музейных коллекций страны, бережно хранит историю амурских эвенков и открывает доступ к ней исследователям и всем желающим.

Юный оленевод, пос. Ивановский. 1971 г.

Илл. 178. Коврик-кумалан со знаком рода Якуткар. XX в.

Илл. 179. Сэвэкичан, р. Нюкля,
1978 г. изготовления.

Илл. 180. Мешочек с защитным
внутри шариком шерсти (бубун) –
эвенкийский оберег. XX в.

Илл. 181. Эвенкийский нож (кото)
в ножнах (энэки). XX в.

Илл. 182. Дух - покровитель семьи. XX в.

Илл. 183. Пальма (гида, кото) – эвенкийский топор-копье. XX в.

Китайцы

Согласно историческим документам, первые китайцы (ханьцы) появились на берегах Амура в начале XV в. В 1411 г. император Чэн-цзу направил экспедицию во главе с придворным евнухом Ишыха для сбора дани с племён, проживавших в низовьях Амура. Участники этой экспедиции построили на скале Тыр кумирню, посвящённую бодхисатве Гуань-инь. Однако этот храм просуществовал недолго. Следующая экспедиция, направленная сюда в 1432 г. уже по приказу императора Сюань-цзу, по прибытии на место обнаружила только развалины кумирни. Эпизодические случаи появления китайских отрядов не могли оставить сколько-нибудь заметного влияния на жизнь местного населения Нижнего Амура. Данные о появлении китайцев на Среднем и Верхнем Амуре в этот период отсутствуют. Между Китаем и Приамурьем лежала огромная территория Маньчжурии, значительная часть которой фактически не контролировалась властями Минской династии. Проникновение на эти земли, а тем более дальше на берега Амура сколько-нибудь многочисленных групп этнических китайцев (ханьцев) было затруднено запретами, отсутствием свободных земель, в нередких случаях – враждебностью местного населения.

В середине XVII в. в ходе завоевания Китая правители маньчжурской династии Цин создали из перешедших на их сторону китайцев военные формирования Зелёного знамени. В составе цинской армии китайцы воевали в Приамурье против русских казаков во второй половине XVII в. Сохранились сведения о том, что в 1655 г. были взяты в плен китайцы из военного отряда маньчжуров, осаждавшего Кумарский острог. Двое китайцев впоследствии подали на имя царя Алексея Михайловича

прошение о принятии их в православную веру. После крещения они с обозом ясачной казны были отправлены в Москву.

Войны, которые вели цинские власти, постепенно приводили к сокращению маньчжурского населения и запустению земель Маньчжурии. В начале 50-х гг. XVII в. правительство принимает решение о привлечении на территорию Маньчжурии китайских арендаторов. В 1653 г. император Шульжжи издаёт первый указ, согласно которому разрешается переселение китайцев в Ляодун и бассейн нижнего течения р. Ляохэ. Подобные указы, стимулирующие миграцию китайцев в Маньчжурию, издавались в 1659, 1663, 1667 гг. Через Маньчжурию часть китайцев продвигалась, легально и нелегально, дальше в Приамурье.

Первыми китайскими переселенцами на Амуре были беглые преступники, ссыльные, промысловики и земледельцы; регулярно сюда проникали китайские купцы для торговых и обменных операций, организации ярмарок и сделок с местным тунгусо-маньчжурским населением и монголоязычными даурами. Численный состав китайцев на протяжении длительного периода времени оставался незначительным. Так, на территории «маньчжурского клина», наиболее плотно заселённого участка Амура, в 1858 г. насчитывалось около 10 500 жителей. Из числа этого населения собственно китайцы составляли только третью часть, а остальные две третьих приходились на маньчжуров и дауров. Во второй половине XIX в., в период, когда активно шла русская колонизация Приамурья и Приморья, китайское правительство осуществляло заселение Маньчжурии, что привело к значительному увеличению численности китайского населения не

Илл. 184. Китайская кумирня. Приамурье. XIX в.

Илл. 185. Китайское кладбище. Приамурье. XIX в.

Илл. 186. Китайская могильная насыпь. Приамурье. XIX в.

только в пределах самой Маньчжурии, но и на прилегающих к ней территориях, входящих в состав России.

По данным официальной статистики, в конце XIX – начале XX вв. доля китайского населения на Дальнем Востоке России в среднем составляла около 10% от общего населения региона. По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи в 1897 г. численность жителей Амурской области составляла 120 306 чел., Приморской области – 223 336 чел. Всего в двух областях проживало 343 642 чел., из них китайцев и маньчжуров – 41 901 чел., или 12,2% общего числа населения. Мужчины составляли около 92%, женщины – 8%. Более ровное соотношение полов наблюдалось в Приамурье – 72% мужчин и 28% женщин. В Приморье соотношение полов составляло 99% и 1%. Среди возрастных групп преобладали лица от 20 до 49 лет – 75 %. По этим данным в Амурской области насчитывалось 7 816 китайцев, составлявших 6,5% от общего количества населения. В г. Благовещенске соответственно – 32 834 и 8,9%. Китайцы представляли вторую по численности (после русских) этническую группу населения и играли заметную роль в хозяйственной и духовной жизни дальневосточного региона.

Китайцы занимались торговлей, промыслами, ремесленным производством, охотой, земледелием и т.д. Китайцев можно было встретить в городах, в сельской местности, на отдалённых приисках и стройках, в глухой тайге. Их присутствие оказывало существенное влияние на социокультурный облик Дальнего Востока. Для покинувших родину китайцев очень важным было сохранение своих религиозных традиций, поэтому, поселяясь на новых местах, они начинали сооружать кумирни, устраивать алтари и святилища. Исследователи Приамурского края в конце XIX – начале XX вв. отмечали, что на его территории по-

всюду – у маньчжурских военных постов, в небольших деревушках, у одиноко стоящих фанз, на перекрёстках дорог, по берегам рек, в живописных уголках в горах и тайге – встречались разнообразные предметы китайского культа. Переселившись на новые земли, китайцы сохраняли свою этническую самобытность и практически не ассимилировались с другими народами, проживавшими на этих территориях. Приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской в докладе в Главный Штаб в 1898 г. отмечал, что «китайцы не смешиваются с населением новой страны, не перенимают ни костюма, ни обычаев и вообще не подчиняются новым культурным условиям».

Центрами этнокультурной обособленности китайцев выступали землячества и коммерческие общества. На рубеже XIX–XX вв. подобные образования существовали во Владивостоке, Благовещенске, Хабаровске, Никольске-Уссурийском, Спасске, Имане, Сучане, Ольге, Посъете и многих других населённых пунктах и районах Дальнего Востока. Наряду с торговой, благотворительной и культурной деятельностью, эти общества осуществляли гражданское самоуправление и судопроизводство среди соотечественников, выступали в качестве посредников между русской администрацией и китайцами края, финансировали буддийские храмы и т.д.

На судьбу китайской диаспоры трагический отпечаток наложили события, вызванные восстанием ихэтуаней (боксёрское восстание) в Китае в конце XIX в. Летом 1900 г. отряды ихэтуаней и примкнувшие к ним войска численностью около 6 тыс. человек вышли к берегам Амура. 1 июля начался пушечный обстрел города Благовещенска. Начались военные столкновения вдоль границы. Среди русских жителей упорно ходили слухи, что «заяские маньчжуры» уже мобилизованы, вооружены и готовятся поддержать штурм Благовещенска,

Илл. 187. Торговая лавка. Китайский квартал. Благовещенск. Начало XX в.

Илл. 188. Жители Поднебесной. Китайский квартал. Благовещенск. Начало XX в.

Илл. 189. Стронтели. Китайский квартал. Благовещенск. Начало XX в.

что город наводнён переодетыми ихэтуанями и вражескими солдатами, заранее скрытно пробравшимися в китайский квартал города. 2-3 июля в китайском квартале появились красного цвета листовки ихэтуаней, в которых маньчжуро-китайскому населению приказывалось принять участие в скором штурме Благовещенска. Эти происшествия привели к изгнанию с российской территории тех китайцев, которые здесь проживали. Так, только в первые дни июля, 4-7 числа, русскими военными отрядами при поддержке добровольцев из Благовещенска было выдворено, а большей частью уничтожено, до 5 тыс. китайцев. Вскоре были сожжены деревни «маньчжурского клина», другие поселения китайцев на левом берегу Амура. Основная часть китайского населения бежала на правый берег. Вскоре боевые действия переместились на правый берег Амура - 20 июля была взята, а затем дотла сожжена расположенная напротив Благовещенска деревня Сахалян.

Следует заметить, что уже через несколько лет численность китайского населения в Амурской области восстановилась и даже увеличилась. В Амурской области количество китайцев к 1905 г. достигло довоенного, а к 1910 г. более чем в три раза его превысило, составив, по официальным данным, 31 872 человека.

В 30-е гг. XX в. основная масса китайцев в ситуации резкого обострения отношений с Японией, оккупировавшей Маньчжурию, была депортирована из приграничной полосы, фактически - репрессирована. Однако многие остались в городах и районах Приамурья.

Примечательным примером сохранившейся с конца XIX в. китайской диаспоры являются потомки китайцев, проживающие в Зейском районе Амурской области.

В конце XIX - начале XX вв. Зейский район Амурской области стали

активно заселять китайцы из провинции Шаньдун. В 1883 г. был основан прииск Иннокентьевский. В начале XX в. на Иннокентьевском прииске обосновалось большое количество китайцев, селившихся в фанзах на левой стороне ручья Джалта. В 1934 г. прииск обрёл современное название и стал называться «Кировский». Расселялись китайцы по приискам в посёлках Кировский, Дамбуки, Белая, Гальчи-ма, Магот. Занимались золотодобычей, сельским хозяйством. В летнее время в п. Кировский и в его округе собирались до 10-15 тыс. человек - китайцев и русских. Китайцы селились отдельно в каменных фанзах. Развалины фанз и сегодня можно увидеть в районе устья ручья Джалта. Со временем многие китайцы обрусели, женились на русских женщинах или обрусевших китаянках. Оставшись жить в России, китайцы сохраняли свои национальные обычаи и традиции. Ежегодно праздновался Китайский новый год, к празднику заготавливали красные фонари. В настоящее время в г. Зей проживают потомки китайских переселенцев, сохранившие китайские фамилии (Хаунзо, Чанхуси, Цикун, Чухай, Цимур, Чандашин, Лау, Трисун). До сих пор они готовят блюда китайской кухни (ташо, маньтоу, пельмени), считают себя китайцами, хотя китайский язык не сохранили.

Справа Екатерина Чернышева (Чухай), слева Елена Хаунзо

Илл. 190. Справа Михаил Чухай, слева Иван Чухай.

Илл. 191. Семья Чернышовых (Чухай).

Илл. 192. Анна Король (Чухай) и Владимир Король (Чанхуси).

Немцы

Первым немцем на Амуре был Афанасий Бейтон, выходец из Пруссии, возглавлявший оборону Албазина в 1685–1689 гг. Затем немцы в Приамурье появляются в XVIII в. Среди них были учёные, исследователи, путешественники, военнослужащие. В основном это были подданные Российской империи. Первые сведения о немецких поселениях в Амурской области относятся к концу XIX – началу XX вв.: немецкие выходцы из Причерноморья, Алтая и Оренбуржья заложили ряд сёл вдоль Амура (Зильберфельд, Блюменорт, Шумановка и др.). Занимались немцы в основном сельским хозяйством и животноводством; были врачами и учителями, участвовали в

благотворительности. С 1887 г. в Благовещенске начало работать отделение Торгового дома «Кунст и Альберс», с 1901 г. – компания «Зингер» и др.

С 1941 г. в СССР начинается депортация немцев с Запада в Восточную Сибирь, куда они отправлены в ссылки и трудовые армии. После отмены спецпоселений в 1956 г. количество немцев в Амурской области стало снижаться. По вероисповедному признаку большинство немцев относилось к протестантам (евангелическим лютеранам и меннонитам), а также к католикам (в меньшинстве). Богослужение велось на немецком языке. Немцы и сейчас живут в Амурской области, сохраняя свои традиции и историческую память.

Евреи

Евреи появились в Амурской области ещё в середине XIX в., в основном в составе ссыльных, каторжан и кантонистов. В 1880 г. в Благовещенске проживало 27 евреев.

В 1926 г. евреев было уже более 500 человек. В 1910 г. в Благовещенске функционировали синагога, разрешённая Министерством внутренних дел, и еврейское кладбище. Иудейский молитвенный дом находился на

ул. Мастерской (ул. Шевченко), между ул. Амурской и Иркутской (ул. Горького). Синагога была построена на частные пожертвования. В 1929 г. она была разрушена. В этот же период еврейская община прекратила свою деятельность.

В 1997 г. в Благовещенске появляется филиал еврейского агентства в России. С 2000 г. функционирует еврейская община «Лехаим».

Поляки

Поляки в Амурской области появляются в середине XIX в. С переселением поляков связано появление католицизма в области. В 1896 г. сосланными на Амур за участие в национально-освободительном движении поляками и их потомками на собранные деньги осуществлено строительство Благовещенского римско-католического костёла (ул. Горького, 131). Поляки занимались в основном торговой и медицинской деятельностью, в особенности аптечным делом. Некоторые сёла Амурской области основаны польскими переселенцами и названы по фамилиям их основателей (напри-

мер, с. Козловка). В настоящее время поляки по-прежнему живут на территории области, часть из них сохранила католические традиции.

Польские дети в будничной одежде.

Илл. 193. А.М. Клосс - управляющий благовещенским отделением Торгового дома «Кунст и Альберс» с супругой. 1912 г.

Илл. 194. Японцы. Фото из фондов Амурского областного краеведческого музея им. Г.С. Новикова-Дурского.

Илл. 195. Переселенческий пункт на станции Бирл. Еврен. 1932 г.

Илл. 196. Татарская семья. Начало XX в.

Илл. 197. Коренцы с речки Самарки. Фото В. Ланна, 1870-е.

Татары

Татары в Амурской области появляются со второй половины XIX в. в составе Восточно-Сибирского линейного батальона. В своём большинстве татары исповедовали ислам. В первой половине XX в. в Благовещенске функционировала мечеть (ныне не существует), в настоящее время начато строительство мечети и медресе. В досоветский период в городе действо-

вало татарское начальное училище им. Исмагила Гаспринского. В 2009 г. татары вошли в учредительный состав первой мусульманской общины Приамурья (г. Благовещенск), относящейся к Центральному духовному управлению мусульман. В Благовещенске существует крупная татарская община, которая в 2012 г. вошла в состав Дальневосточного конгресса татар.

Японцы

В Амурской области первые японские поселенцы появляются в 1880-е гг. Количество японцев в Приамурье увеличивалось летом и уменьшалось зимой, что было связано с рыбным промыслом. Оседлое японское население было немногочисленным. В 1910 г. в Амурской области проживало 313 японцев, из них 260 – в г. Благовещенске, 46 – в г. Зее. Первые японские переселенцы по роду занятий были прачками, фотографами, работниками публичных заведений,

часовыми мастерами, парикмахерами, плотниками. В течении 1918–1925 гг. продолжалась японская интервенция Дальнего Востока, в том числе и Амурской области до 1920 г. До 1933 г. наибольшее количество японцев составляли рыбаки, приезжавшие на территорию области сезонно. С 1933 г. въезд японских рабочих был запрещён. По результатам Всероссийской переписи населения 2010 г. на территории области насчитывалось 6 японцев.

Корейцы

Корейцы впервые появляются на территории Амурской области в составе цинских отрядов, принимавших участие в албазинских войнах (1654 и 1658 гг.). После включения Приамурья в состав российских владений в Амурскую область в 1871 г. из пограничных районов с Кореей были переселены 103 корейских семьи. В Приамурье корейцы основали с. Богословенное (ныне Октябрьский район ЕАО). В 1910 г. в Амурской области проживало 1 538 корейцев. Оседлые корейцы занимались земледелием. Большая часть корейцев, в основном пришлых, работала на приисках области. После оккупации Кореи Японией часть корейцев организовала антияпонские партизанские отряды. В 1921 г. около 3 тыс. корейцев в составе партизанских отрядов перешла на территорию Амурской области и была расквартирована в районе г. Свободного. Летом 1921 г. произошёл конфликт между

этими отрядами и частями красной армии, в результате которого корейские отряды были расформированы. Эти события получили название «Амурский инцидент». В 1937 г. происходит принудительная высылка корейцев. После распада СССР корейцы стали возвращаться в область. По данным Всероссийской переписи населения в 2010 г. в Амурской области насчитывалось 1 756 корейцев.

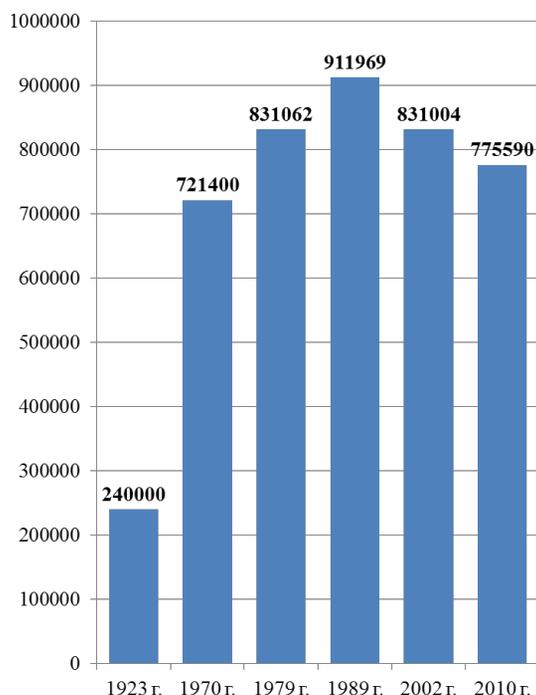
Корейские женщины в русском поселении. 1930-е гг.

ДИАГРАММЫ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КАРТЫ

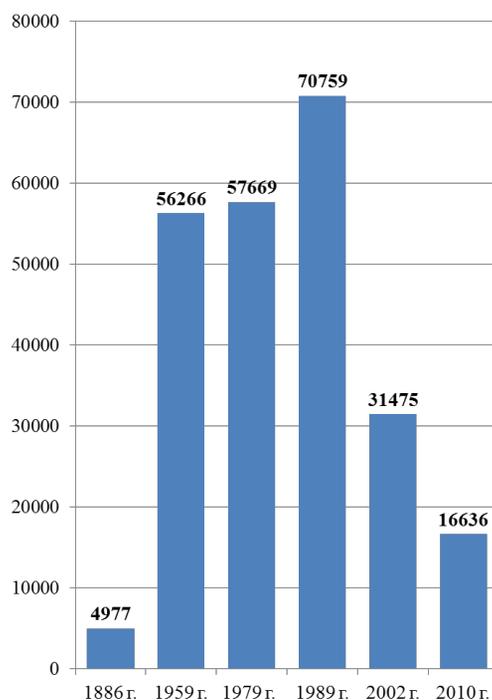

Динамика численности этнических групп в Амурской области

(по результатам Всероссийских переписей населения)

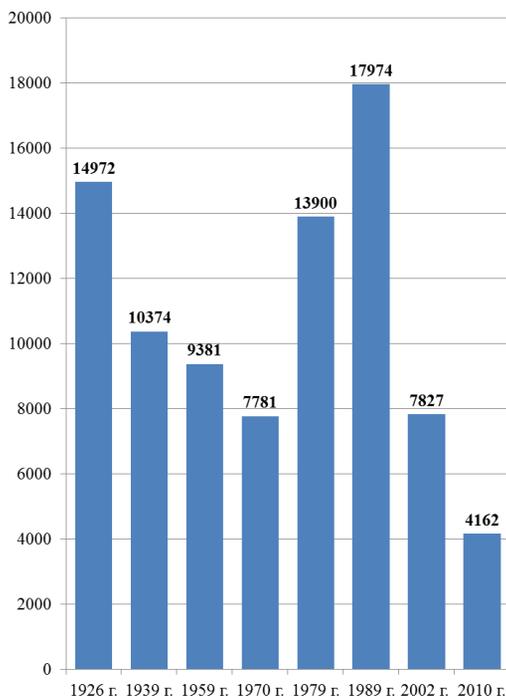
Динамика численности русских в Амурской области

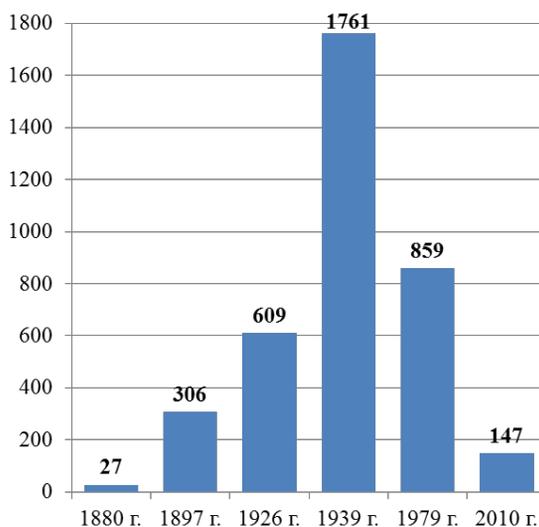
Динамика численности украинцев в Амурской области

Составитель И.С. Воронина

Динамика численности этнических групп в Амурской области (по результатам Всероссийских переписей населения)

Динамика численности белорусов в Амурской области

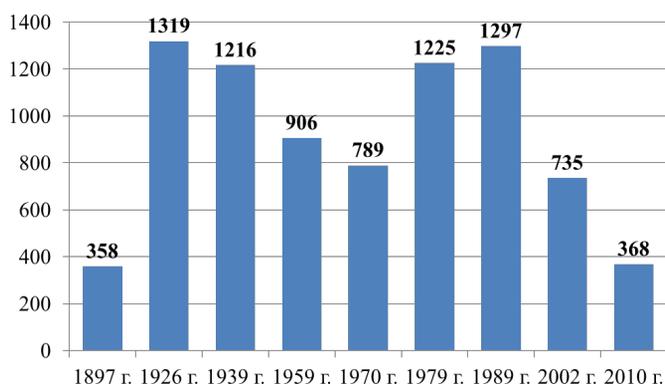

Динамика численности евреев в Амурской области

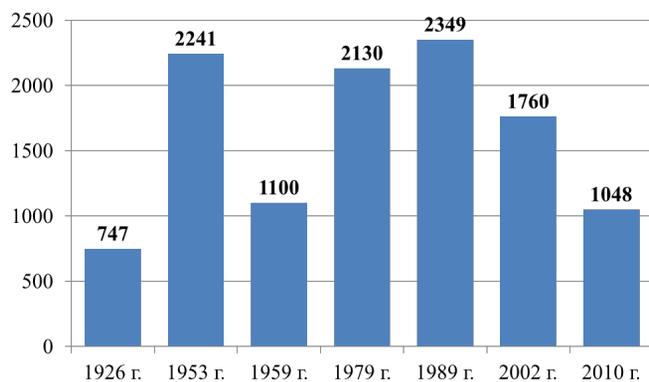
Составитель И.С. Воронина

Динамика численности этнических групп в Амурской области

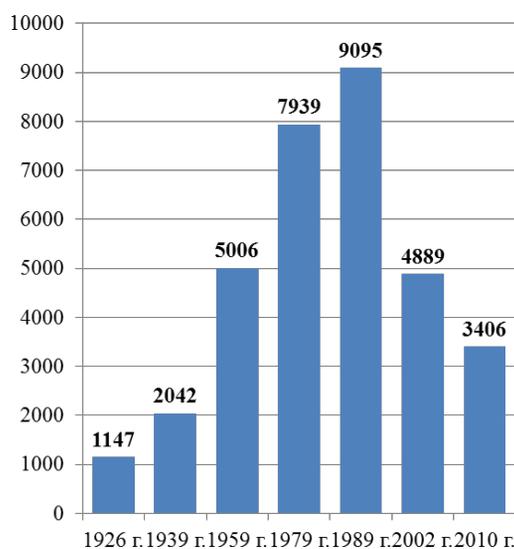
(по результатам Всероссийских переписей населения)

Динамика численности поляков в Амурской области

Динамика численности немцев в Амурской области

Динамика численности татар в Амурской области

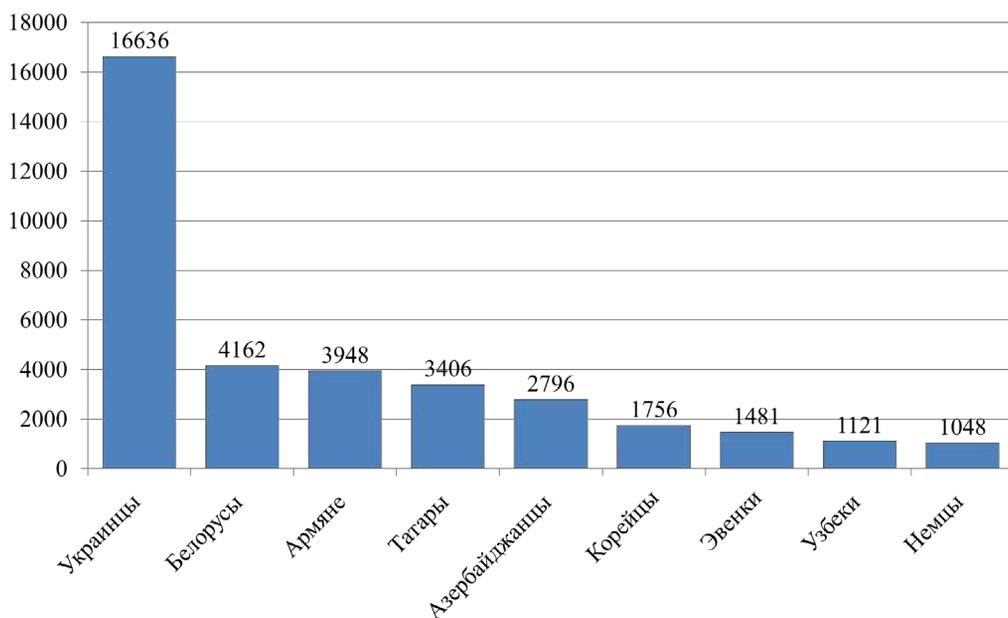
Составитель И.С. Воронина

Современная этническая ситуация в Амурской области

(по результатам Всероссийской переписи населения, 2010 год.)

Русские в структуре населения Амурской области
(численность всего населения 830103 человек)

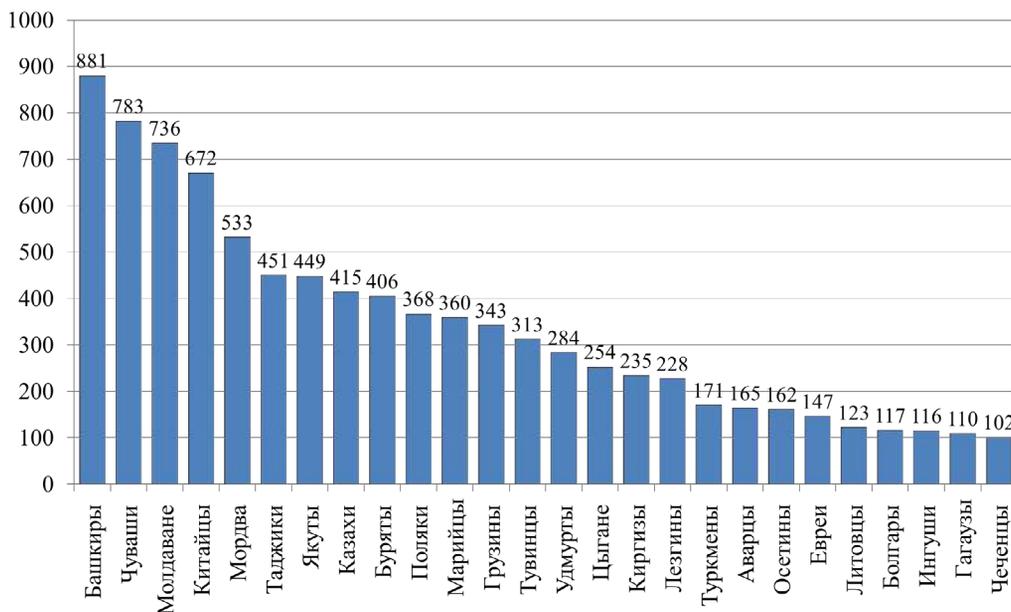

Этнические группы Амурской области
(численностью более 1 000 человек, кроме русских)

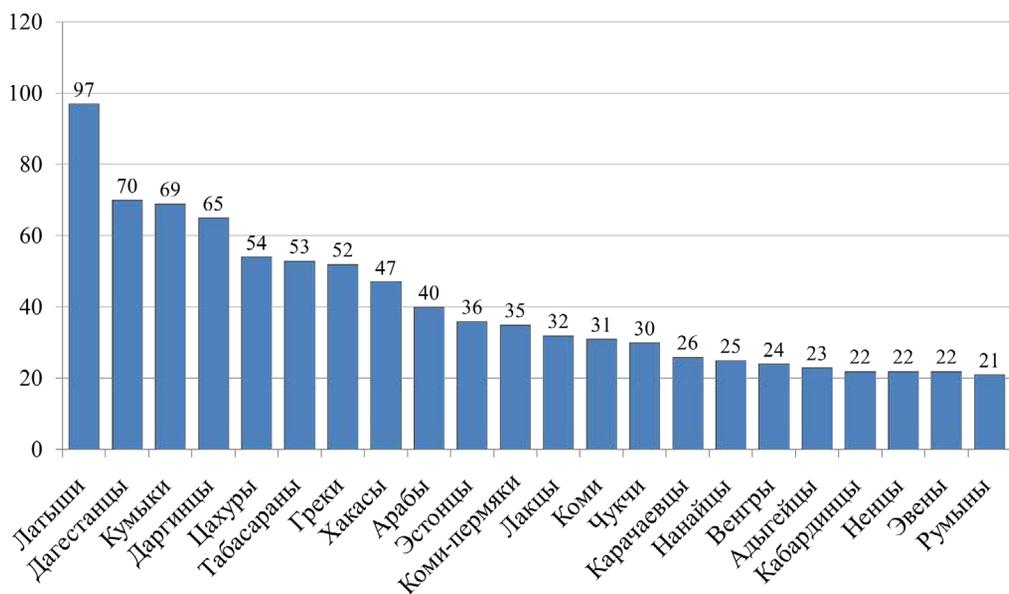
Составитель И.С. Воронина

Современная этническая ситуация в Амурской области

(по результатам Всероссийской переписи населения, 2010 год.)

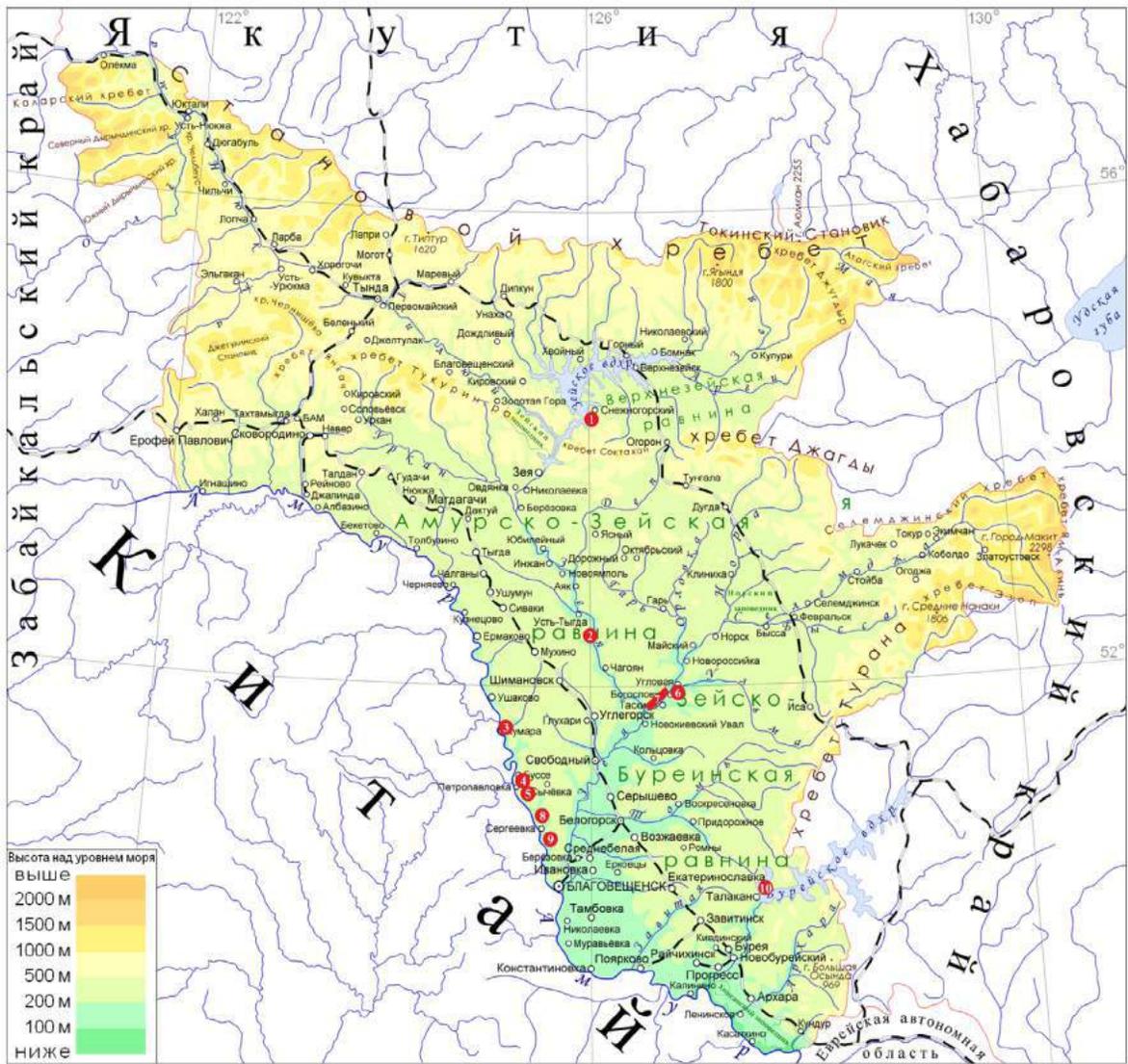

Этнические группы Амурской области
(численностью от 1 000 до 100 человек)

Этнические группы Амурской области
(численностью от 100 до 20 человек)

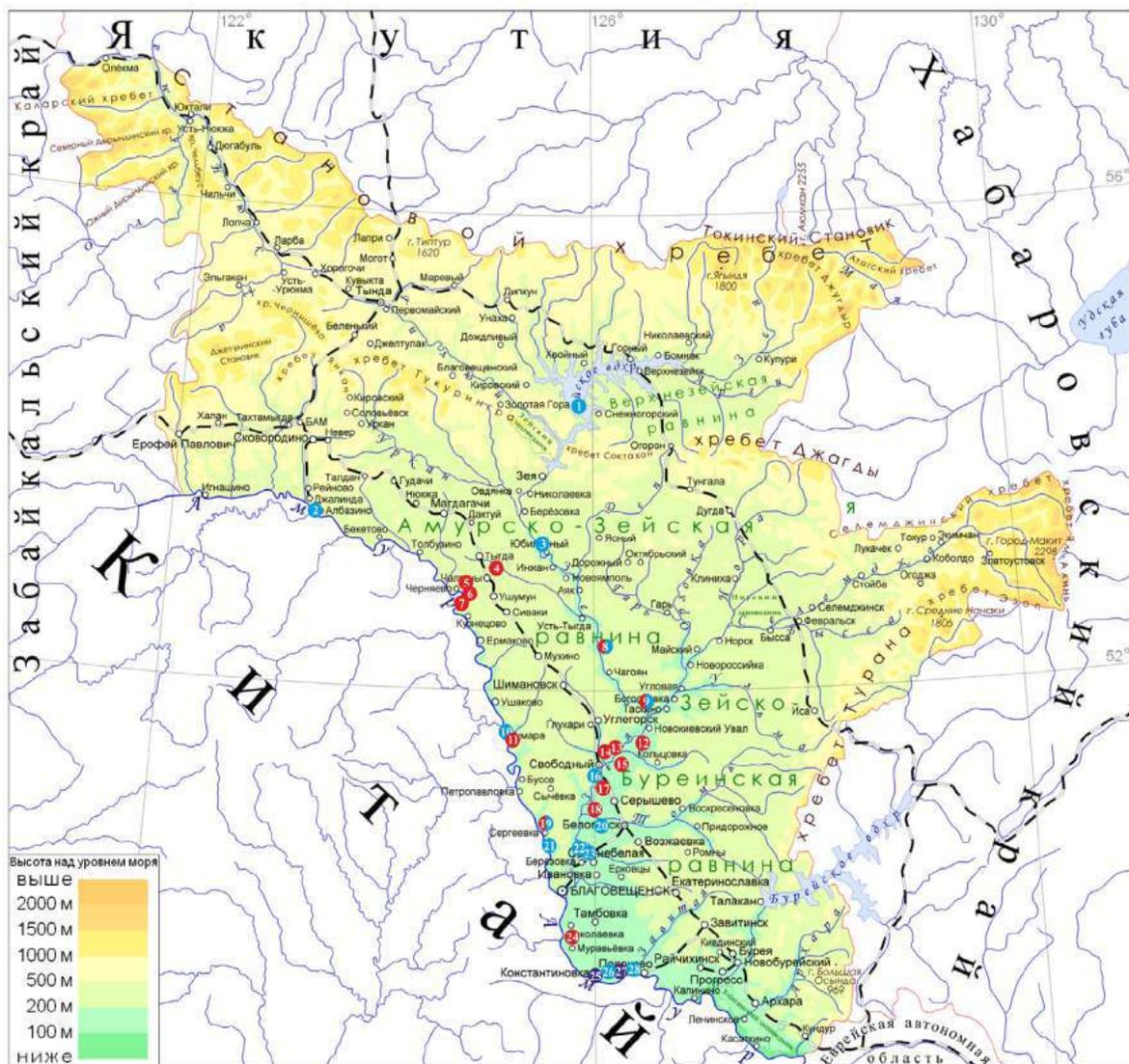
Составитель И.С. Воронина

Археологические памятники эпохи палеолита на территории Амурской области

- 1 - Филимошки
- 2 - Усть-Гу
- 3 - Кумары I-III
- 4 - Буссе, стоянка-I
- 5 - Петропавловка
- 6 - Усть-Ульма
- 7 - Селемджинский комплекс
- 8 - Бибиково
- 9 - Комплекс Ходулиха
- 10 - Малые Куруктачи-I

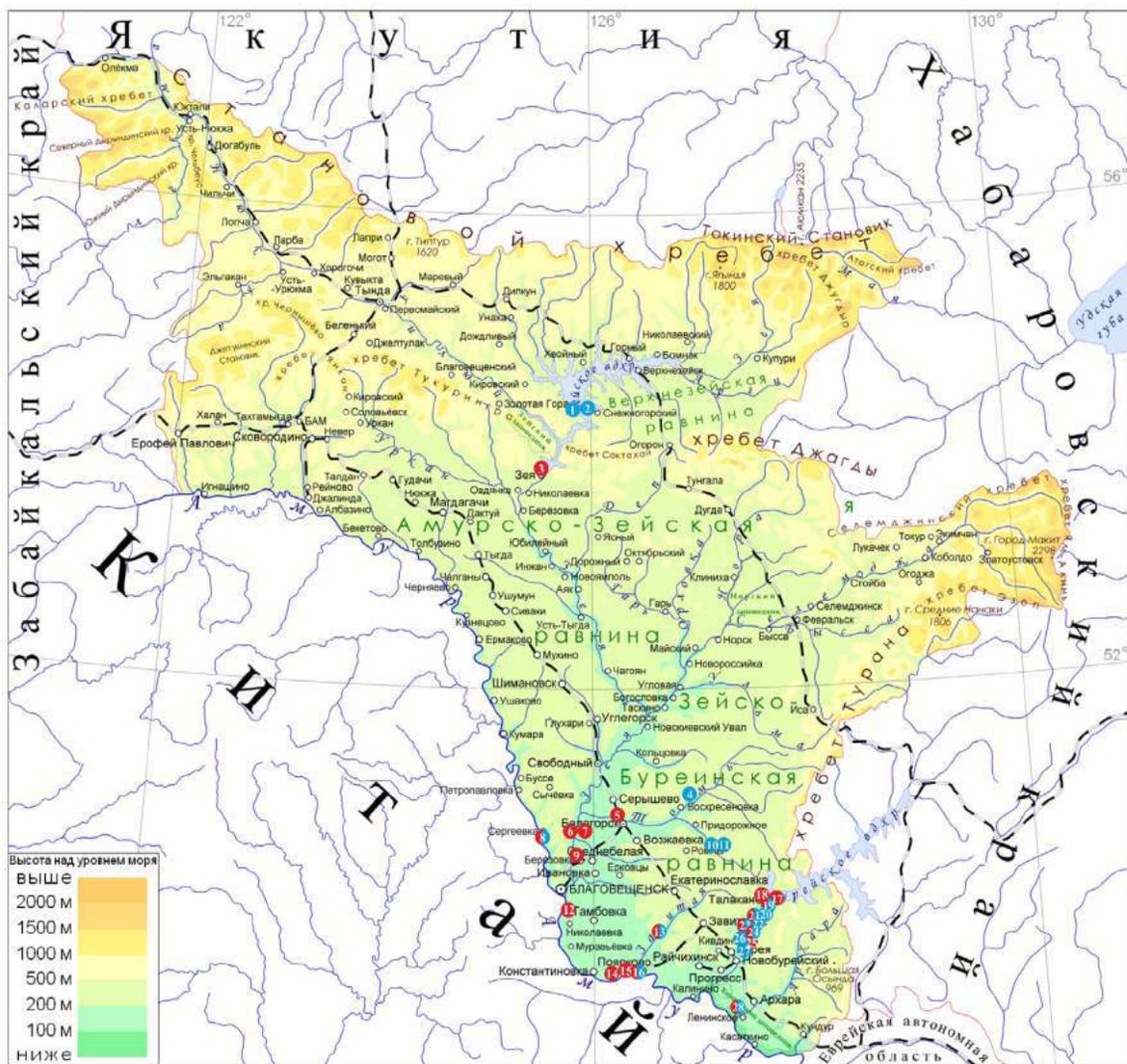

Археологические памятники эпохи неолита
на территории Амурской области

1 - Гладковский Бугор	16 - Свободный-1
2 - Ульдугичи-1	17 - поселение у ст. Арга
3 - Поляковский	18 - Калиновка-1
4 - Тыгда	19 - Сергеевка
5 - Источная	20 - Киселеозерка-11
6 - Черняево, стоянка-III	21 - Михайловка Ключ
7 - Калиновка, писаница-1	22 - устье р. Белой
8 - Горный	23 - Озеро Табор
9 - Громатуха	24 - Духовское Пункт 33
10, 11 - Кумары	25 - Константиновка
12 - Каменка	26 - Осинное Озеро
13 - Черниговка, стоянка-IV	27 - Новопетровка
14 - Черниговка на Зее	28 - гора Шапка
15 - Молчаново	

- - памятники громатухинской культуры
- - памятники новопетровской культуры
- - памятники осиноозерской культуры

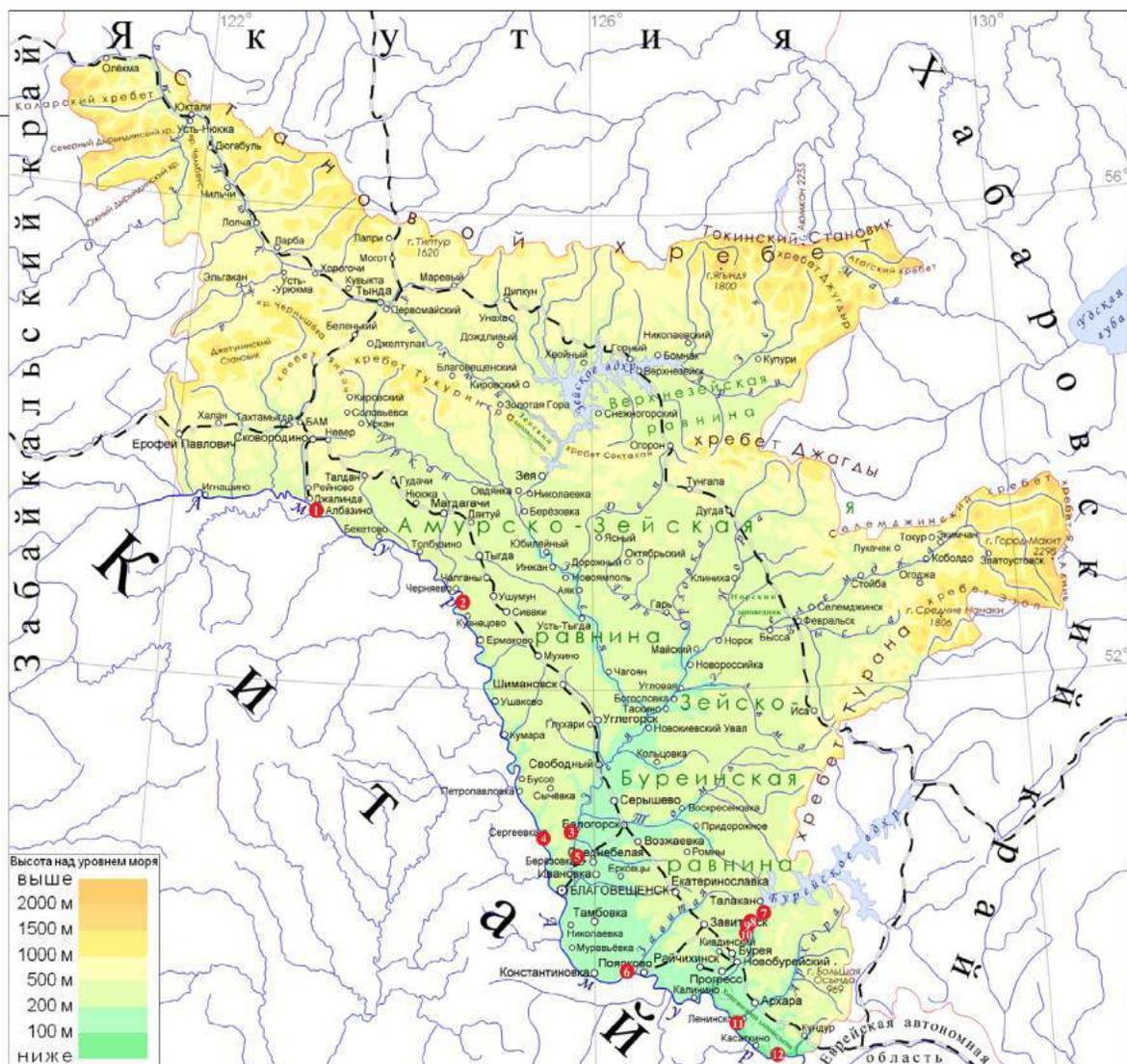

Археологические памятники талаканской и михайловской культур на территории Амурской области

1 - Большой Гармакан	17 - Усть-Талакан
2 - Гладковский Бутор	18 - поселок Талакан
3 - район г. Зей	19 - Сухие Протоки-II
4 - Костерское городище	20 - Сухие Протоки-I
5 - Томское	21 - Букинский Ключ-I
6 - Прядчино	22 - Букинский Ключ-II
7 - Великокнязевка	23 - Безумка
8 - Алексеевский Бутор	24 - Большие Симичи
9 - Семизерка	25 - Малые Симичи
10 - Амаранка, городище-I	26 - Малосимичинское городище
11 - Амаранка, городище-II	27 - Иршикино городище
12 - Гродковское городище	28 - Озеро Долгое
13 - Михайловское городище	
14 - Новопетровка	
15 - Поярково, поселение-I	
16 - гора Шапка	

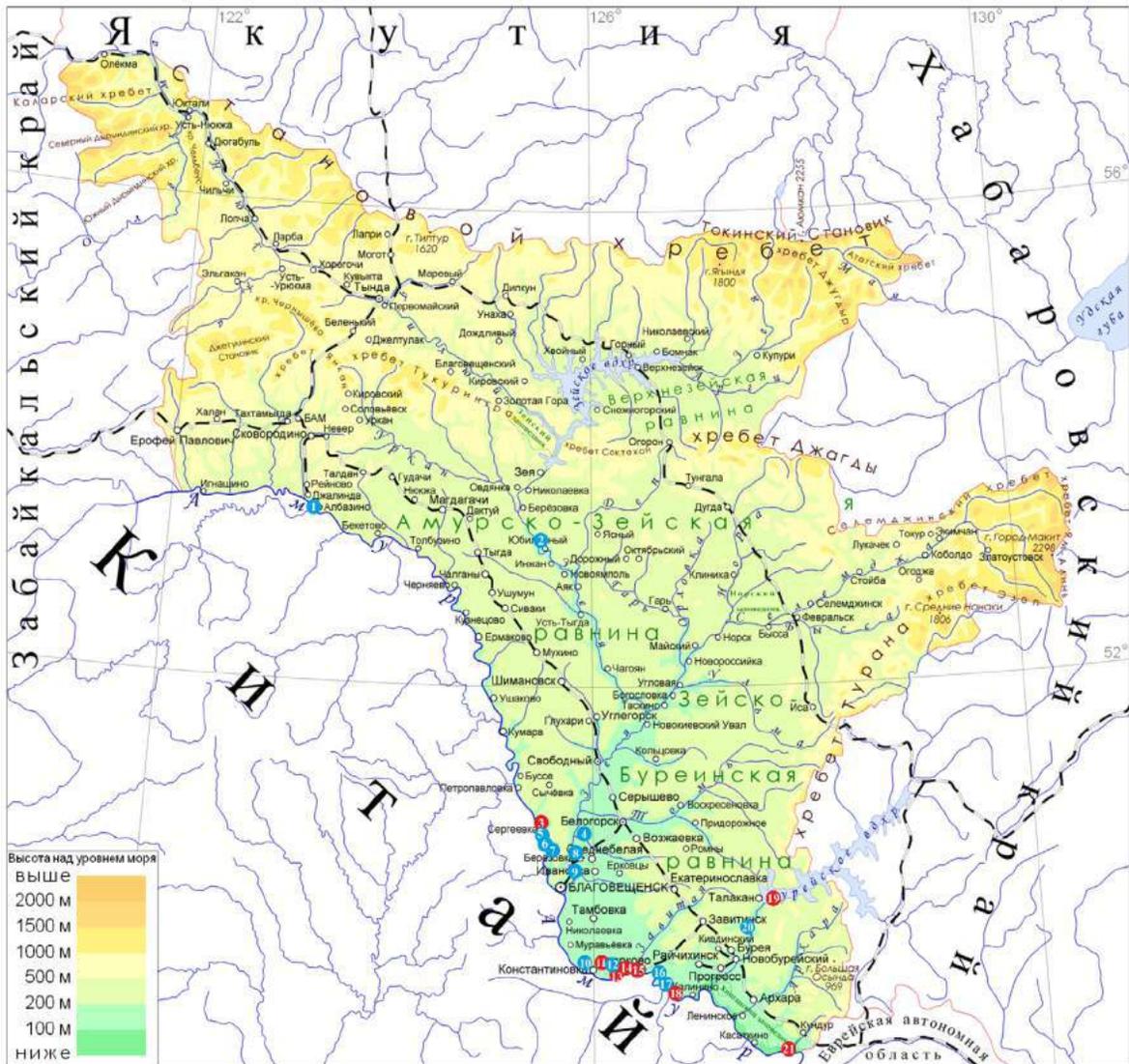
● - памятники с находками керамики талаканского типа
● - памятники михайловской культуры

Археологические памятники урильской культуры на территории Амурской области

- 1 - Ульдугичи-I
- 2 - Калиновка, писаница-I
- 3 - Прядчино
- 4 - Алексеевский Бугор
- 5 - Семиозерка
- 6 - Поярково, поселение-I
- 7 - Сухие Протоки-I, II
- 8 - Букинский Ключ-I
- 9 - Безумка
- 10 - Малые Симичи
- 11 - Михайловка
- 12 - о. Урильский

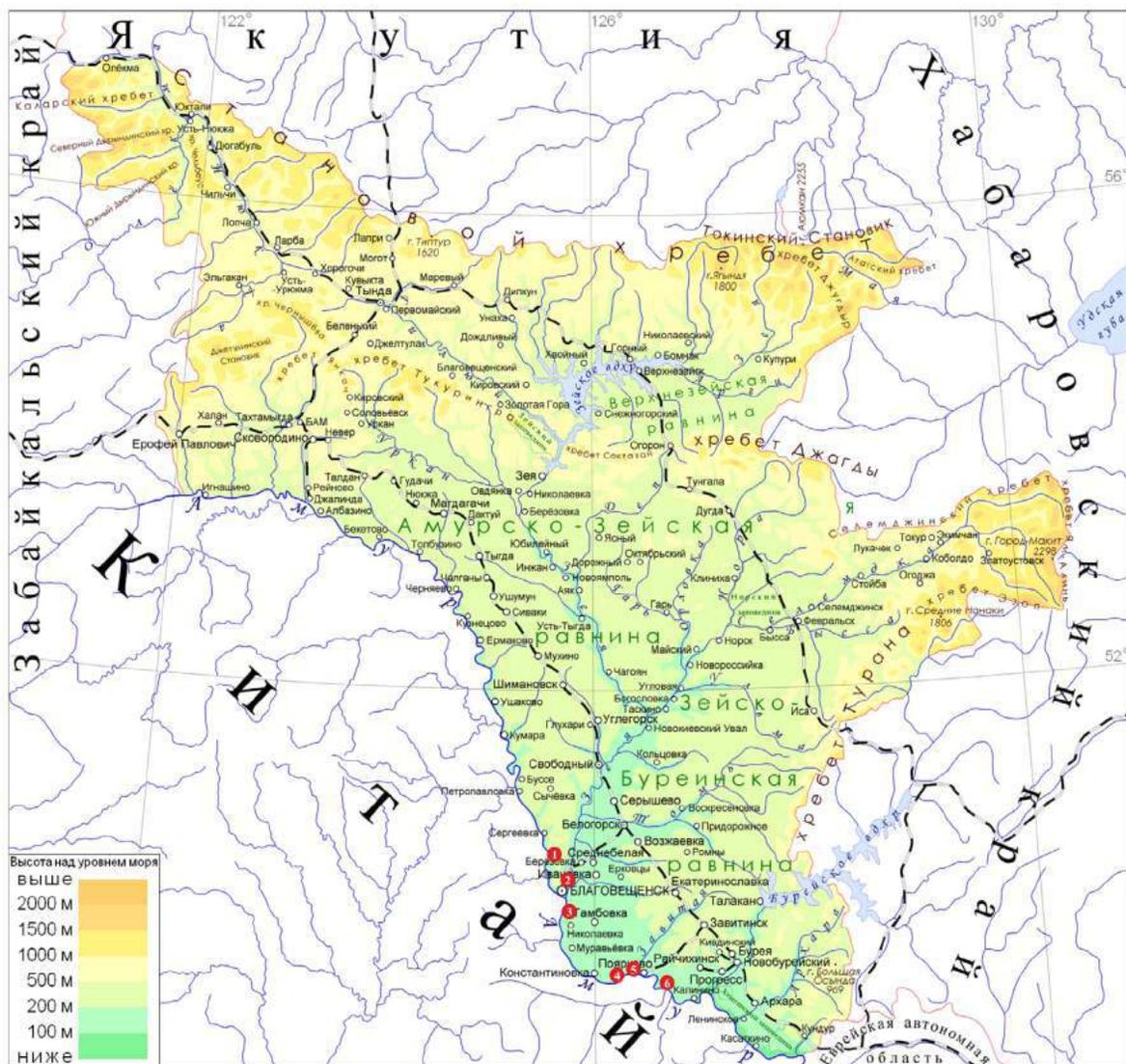
Археологические памятники мохэской эпохи
на территории Амурской области

- 1 - Ульдугичи-I
- 2 - Ураловка
- 3 - Сергеевка
- 4 - Троицкий могильник
- 5 - Алексеевский Бугор
- 6 - Лишовой Бугор
- 7 - устье р. Грязнушка
- 8 - Семнозерское городище
- 9 - Черемхово
- 10 - Красный Бугор
- 11 - Белоберезовое

- 12 - Осинное Озеро
- 13 - мог. Новопетровский
- 14 - мог. Шапка
- 15 - гора Шалка
- 16 - Падь Прибрежная
- 17 - Шапочка
- 18 - Кузряново
- 19 - Усть-Талакан
- 20 - Безумка
- 21 - Сагибово

- - памятники троичкой группы мохэ
- - памятники наифельдской группы мохэ

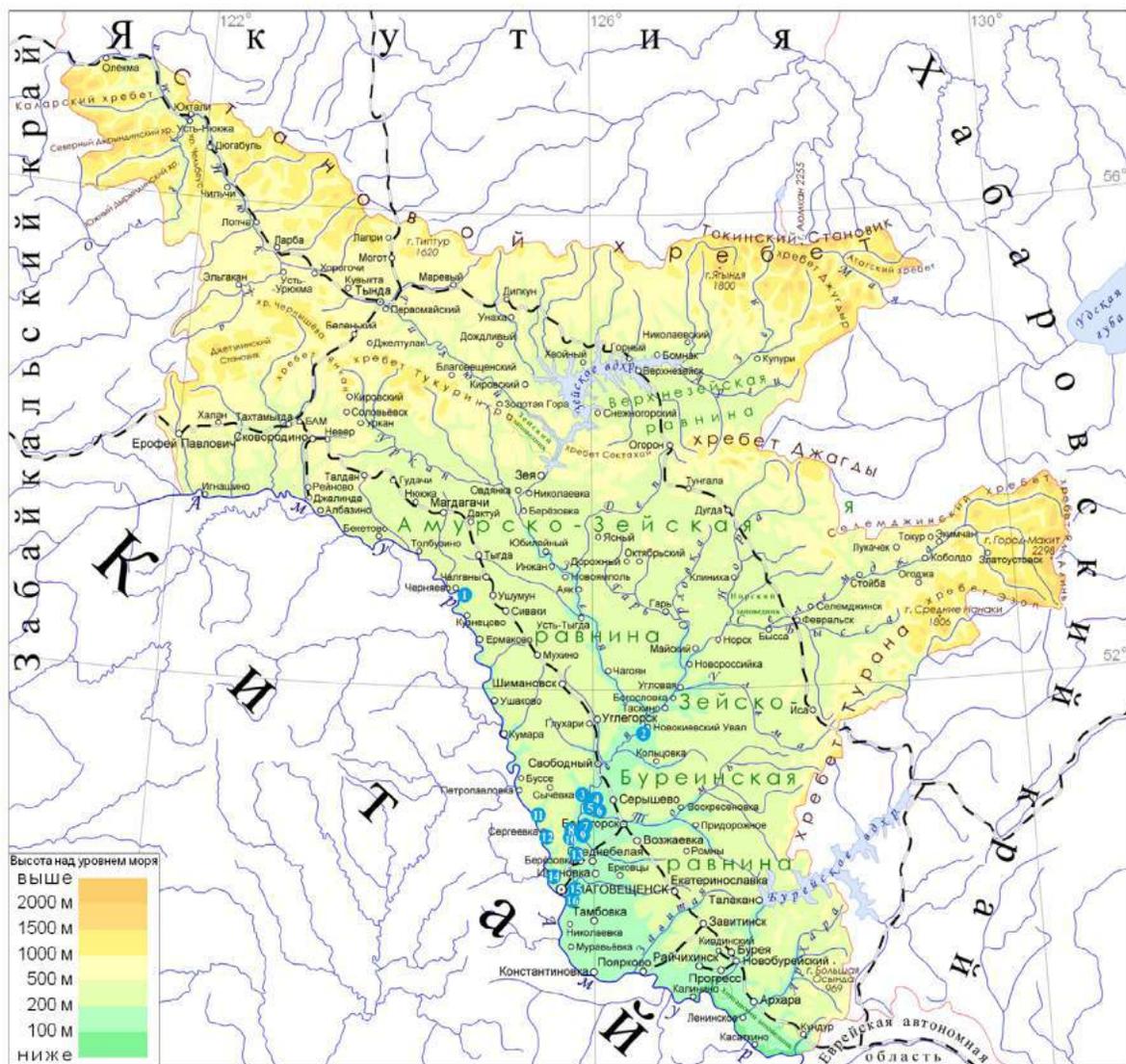

Археологические памятники чжурчжэньской и дючерской культур на территории Амурской области

- 1 - Марково, городище (Кучутуры)
- 2 - Белогорье, городище (Утесное)
- 3 - Продеко, городище
- 4 - Новопетровка, городище
- 5 - Городище Шапка
- 6 - Шапочка

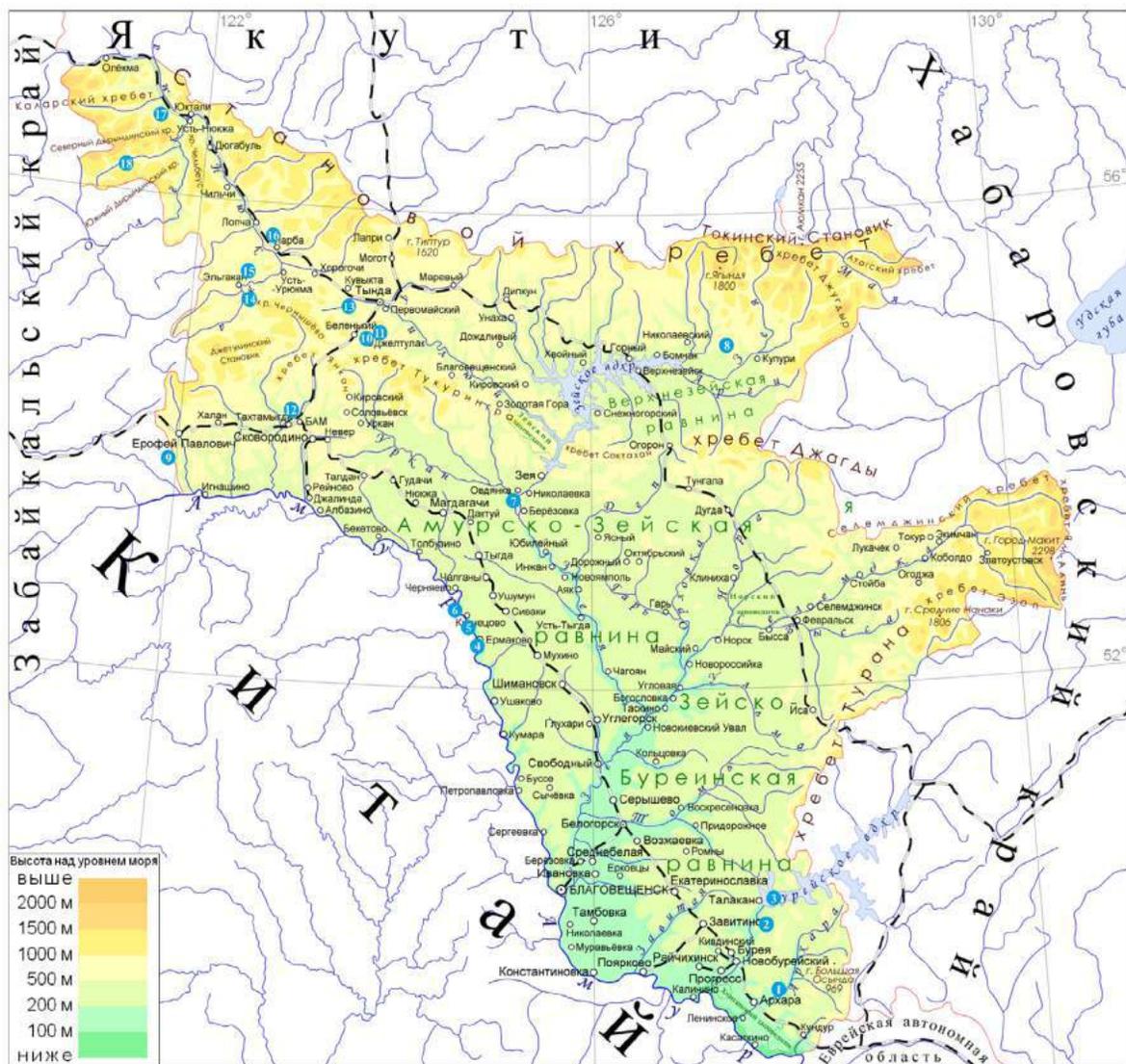

Археологические памятники даурской культуры на территории Амурской области

- 1 - Черняево, могильник-III
- 2 - Мазаново, городище-I
- 3 - Новгородка, городище-I, II
- 4 - Большая Сазанка, городище (Дубовая релка)
- 5 - Воронжа, городище-I, II
- 6 - городище у оз. Тетерятниково
- 7 - Великокнязевка, городище
- 8 - Прядчино (городище; могильник-I, II)
- 9 - Повоандреевка, городище
- 10 - Егорьевка, могильник
- 11 - Бибиково, городище
- 12 - Сергеевка, городище
- 13 - Семиозерка, могильник
- 14 - Игнатьево, городище
- 15 - Владимировка, могильник
- 16 - Каникурган, могильник

Петроглифы на территории Амурской области

- 1 - Архара
- 2 - Сиктагль
- 3 - Талакан
- 4 - Смирновка
- 5 - Два Брата
- 6 - Калиновка
- 7 - Арби
- 8 - Онёни (правый приток р. Зея)
- 9 - Утени
- 10 - Большой Онон-I
- 11 - Большой Онон-II
- 12 - Ольдой
- 13 - Геткан
- 14 - Горелый
- 15 - Средняя Нюкжа-I, II
- 16 - Нюкжа (усть Онёни)
- 17 - Олёкма
- 18 - Ковуабут

НАУЧНЫЙ МУЗЕЙ ЯМГУ И ЛАБОРАТОРИЯ АРХЕОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Центр древней истории культуры
阿勒泰
河流域古代

Научный музей АмГУ и Лаборатория археологии и антропологии

Научный музей

В 1999 г. ректор Амурского государственного университета Андрей Долиевич Плутенко предложил идею создания музея. В основу Научного музея вошли первые экспонаты – археологические артефакты эпохи неолита, переданные в фонд будущего музея академиком Анатолием Пантелевичем Деревянко, руководившим археологической экспедицией 2000 г., прошедшей по р. Зея от Зейского моря до г. Благовещенска.

В ноябре 2000 г. приказом ректора АмГУ был создан Научный музей АмГУ. На пост директора Научного музея АмГУ был назначен Сергей Владимирович Волегов, ранее уже имевший опыт музейной работы. На посту директора С.В. Волегов оставался вплоть до 2014 г. Он внёс большой вклад в создание и развитие музея, выезжал в дальние районы области для сбора экспонатов, формировал музейные фонды и коллекции, вёл большую экскурсионную работу.

Ректором университета А.Д. Плутенко было принято решение о локализации музея в строящемся корпусе № 7. Была разработана концепция залов музея, сочетавшая экспозиционную и экскурсионную работу с учебным процессом. В разработке дизайн-проектов залов активное участие преподаватели и студенты факультета дизайна и технологий АмГУ.

С начала возникновения Научный музей АмГУ тесно связан с кафедрой религиоведения и истории, а также с лабораторией археологии и антропологии АмГУ. Преподавате-

лями кафедры, сотрудниками лаборатории были предложены и реализованы концепция музея, планировка экспозиций, проводились этнографические и археологические экспедиции для формирования фондов музея. В августе 2014 г. Научный музей АмГУ, кафедра и лаборатория были соединены в трёхчленную структуру.

В 2014 г. на базе Научного музея АмГУ при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-00308) был создан центр коллективного пользования. Сотрудничество с РФФ сыграло существенную роль в открытии в 2015 г. нового зала – «Русский Харбин: история, культура, литература», созданного, прежде всего, благодаря деятельности Центра дальневосточной эмиграции кафедры литературы и мировой художественной культуры АмГУ.

В настоящее время Научный музей АмГУ состоит из 4-х залов: Зал «Археология и этнография Амурской области»; Зал «Русские на Амуре в XVII в. История православия»; Зал «Приамурье в XIX – начале XX века»; Зал «Русский Харбин: история, культура, литература».

В рамках сотрудничества с РФФ в главном корпусе Амурского государственного университета была оборудована выставочная площадка Научного музея. В главном корпусе были открыты выставки «История и культура народов Амура в свете новых археологических открытий и этнографических источников», «История Великой Победы в лицах», «Народы Приамурья» и другие.

Этнографические исследования.
В гостях у шамана Савея. С.С. Васильев,
А.П. Забияко, А.И. Мазин (слева направо).
Якутия. 2002 г.

Археологический памятник Каминовка-1.
Общий вид. Полевой сезон 2007 г.

Полевые исследования наскальных изображений. Средняя Нюкжа. 2009 г.

Полевые исследования наскальных изображений. Геткан.

Археологический лагерь Каминовка.

Археологический памятник Каминовка-1.
Раскоп 5. Полевой сезон 2015 г.

Раскопки Английского могильника
близ Алаззинского острога.
Полевой сезон 2015 г.

Раскопки Английского могильника
близ Алаззинского острога. Расчистка захоронения. Полевой сезон 2015 г.

Лаборатория археологии и антропологии

Вместе с появлением Научного музея в Амурском государственном университете была учреждена в 2000 г. лаборатория археологических исследований, переименованная в 2013 г. в лабораторию археологии и антропологии. Основной задачей лаборатории является развитие научных исследований в области истории Приамурья, генезиса и развития археологических культур, формирования этнических групп и межэтнических отношений. К приоритетным направлениям научной работы сотрудников лаборатории относится изучение наскальных изображений, неолитической гromатухинской культуры, генезиса и эволюции этнокультурных традиций тунгусо-маньчжурских групп населения, прежде всего, эвенков, а также исследование традиционных религий Восточной Азии. В последние годы большое внимание уделяется изучению истории русского населения Приамурья, участию в археологических раскопках в окрестностях Албазинского острога XVII в.

Ежегодно сотрудники лаборатории организуют археологические экспедиции, которые проходят не только по территории Амурской области, но также соседних регионов – Восточного Забайкалья, Якутии, Приморья. У лаборатории есть базовый

археологический лагерь, расположенный близ археологического памятника Калиновка (406 км Верхнего Амура), где на протяжении более 10 лет проводятся раскопки. В ходе изучения наскальных изображений полевыми исследованиями охвачены большие районы Северо-Восточного Китая, Внутренней Монголии и Центрального Китая (пров. Хэнань).

Антропологические полевые исследования сосредоточены в районах средневековых захоронений местных и пришлых народов, компактного проживания эвенков Амурской области, а также тунгусо-маньчжурских народов Северо-Восточного Китая – орохонов Большого Хингана и других. В течение нескольких лет полевые исследования проводились в районе компактного проживания потомков русских в Трёхречье (Внутренняя Монголия, КНР).

В течение всего периода существования лаборатория тесно сотрудничает с ведущими научными центрами России, Китая, Франции, Японии и ряда других стран. Лаборатория входит в качестве подразделения в совместную Амурскую лабораторию археологии и этнографии Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск). Она связана договорами о научном сотрудничестве с Даляньским универси-

Открытие российско-китайского Центра древних культур и народов Амур.
Слева направо: Ван Юйман, И.П. Деревянко, И.Д. Пугенко, И.П. Зубяко.

Полевые исследования наскальных изображений. Большой Хинган, Китай. 2013 г.

Полевые исследования 2014 г. Академик А.П. Деревянко и сотрудники АмГУ рядом с гротом Цзиньнюшань, Китай.

Антропологические исследования. Совместная с НИИ антропологии МГУ экспедиция. Усть-Уркима. 2015 г.

Антропологические исследования. Совместная с НИИ антропологии МГУ экспедиция. Ивановское. 2015 г.

Антропологические исследования. Совместная с НИИ антропологии МГУ экспедиция. Первомайское. 2015 г.

Антропологические исследования. Совместная с НИИ антропологии МГУ экспедиция. Ульген. 2015 г.

тетом (КНР), Даляньским университетом народов Китая (КНР), Хэйхэским университетом, Албазинской археологической экспедицией. Совместные исследования проводятся с НИИ и Музей антропологии им. Д.Н. Анучина МГУ, Центром палеоантропологии (Москва) и другими научными учреждениями. На базе лаборатории действует российско-китайский научно-исследовательский Центр древней истории культур и народов Амура.

В ходе научных исследований сотрудников лаборатории успешно реализованы более десяти научных проектов (российских и международных), поддержанных грантами Российского научного фонда, Российского гуманитарного научного фонда, ФЦП «Интеграция науки и высшей школы» Министерства образования и науки РФ и других пре-

стижных донаторов. Опубликованы более трёхсот статей в авторитетных российских и зарубежных научных изданиях, более десяти сборников статей и монографий.

Сотрудники лаборатории и Научного музея – авторы «Этнокультурного атласа Приамурья». Карты археологических памятников подготовлены научным сотрудником лаборатории М.А. Мироновым. Картографический материал составлен на основе архивно-библиографических данных, а также по материалам археологических разведок и раскопок сотрудников лаборатории и Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области. Археологические и этнографические коллекции лаборатории, фонды Научного музея положены в основу книги, которую читатель держит в руках.

Совместные полевые исследования с китайскими археологами.
Ван Юйман и И.П. Забияко. Амурская область.

Научные сотрудники
Лаборатории археологии и антропологии –
авторы книги

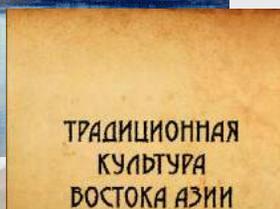
А.П. Забяко,
главный научный сотрудник
Лаборатории археологии и
антропологии, заведующий.
E-mail: sciencia@yandex.ru

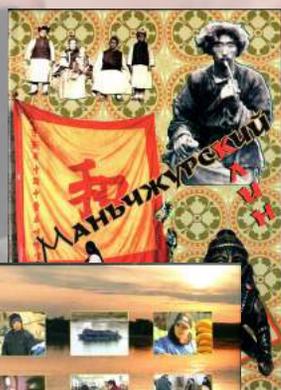
А.О. Беяков,
старший научный сотрудник
Лаборатории археологии и
антропологии.
E-mail: aob11111@gmail.com

С.С. Гаврилов,
научный сотрудник
Лаборатории археологии и
антропологии.
E-mail: mr.deathless@mail.ru

Е.И. Конталева,
научный сотрудник
Лаборатории археологии и
антропологии.
E-mail: narbeleth@bk.ru

Публикации сотрудников Лаборатории археологии и антропологии.

С.В. Волегов, директор Научного музея АМГУ с 2001 по 2014 гг.

К.И. Родионова, научный сотрудник Научного музея АМГУ.

Экскурсии в Научном музее АМГУ. Проводит К.И. Родионова.

ИССЛЕДОВАТЕЛИ ИСТОРИИ ПРИАМУРЬЯ. СЕРЕДИНА XIX – ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX ВВ.

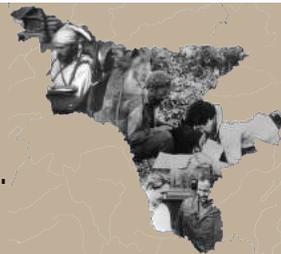
Центр древней истории культуры

阿
穆
爾

河 流 域 古 代

Исследователи истории Приамурья. Середина XIX – вторая половина XX вв.

Леопольд Иванович
Шренк
(1826–1894)

Шренк Леопольд Иванович – натуралист, зоолог, географ, этнограф. В 1854–1856 гг. возглавлял естественно-научную экспедицию в Приамурье и на Сахалин. Весной и летом 1855 г. Шренк отправился вверх по Амуру, ведя подробное описание местности и населения. На основании материалов экспедиции был составлен капитальный труд Л.И. Шренка «Путешествия и исследования в Амурском крае в 1854–1856 годах» с ценнейшей информацией по этнографии, географии и зоологии, который издавался на немецком языке отдельными выпусками с 1856 по 1895 гг. На русском языке была издана этнографическая часть этой работы «Об инородцах Амурского края»

Капитальный труд «Об инородцах Амурского края» – первое в литературе подробное описание этнического состава населения Амура – является одним из лучших исследований по этнографии.

Григорий Степанович
Новиков-Даурский
(1881–1961)

Новиков-Даурский Григорий Степанович – амурский краевед, археолог и журналист. В Амурской области проживал с 1914 г. С 1928 г. он постоянно выезжал в районы области, где обследовал, описывал, составлял планы памятников и собирал подъёмный материал. К 1961 г. им было обработано свыше 200 памятников археологии, написано 50 статей и подготовлен сборник статей, который А.П. Окладников назвал путеводной звездой для многих археологических экспедиций.

Г.С. Новиков-Даурский одним из первых начал заниматься паспортизацией памятников археологии Амурской области.

Александр Васильевич Кириллов
(1851–1910)

Кириллов Александр Васильевич – учёный, краевед, общественный деятель. С огромным интересом изучал он жизнь и быт местного населения, природу и климат Приамурья. Летом 1881 г. он совершил научную поездку вниз по Амуру до Николаевска, результатом которой стали путевые заметки «От Благовещенска до Николаевска» («Сибирская газета», 1882).

В конце 80-х гг. А.В. Кириллов приступил к составлению географического словаря Приамурья, который увидел свет в 1894 г. Вскоре после выхода «Географическо-статистического словаря Амурской и Приморской областей» был опубликован капитальный труд Кириллова «Переселения в Амурскую область».

Алексей Яковлевич Гуров
(1872–1934)

Гуров Алексей Яковлевич – казак, учитель, первый амурский археолог. Совместно с членом Приамурского географического общества Г.Ф. Белосусовым, в 1902 г. обследовал окрестности хутора Сторожевой и острова Урильский. В 1915–1916 гг. участвовал в экспедиции под руководством М. Широкогорова. В течение 1889–1932 гг. занимался обследованием археологических памятников Приамурья. Составил первую археологическую карту. Им была собрана первая коллекция каменных предметов для Благовещенского музея.

Иннокентий Александрович
Лопатин
(1839–1909)

Лопатин Иннокентий Александрович – геолог, географ, горный инженер, путешественник. В 1863 г. проводил геологические изыскания на территории Амурской области и перечислил пункты, где местные жители находили каменные орудия. Итоговая работа «Сведения о 49 древних урочищах» была закончена автором в 1870 г. и отправлена в Археологическую комиссию.

За время полевых изысканий собрал значительную коллекцию каменных орудий (свыше 200 предметов). Именно он первым призвал дальневосточных и сибирских археологов к точности стратиграфических наблюдений, обратил внимание на необходимость исследований не только пещер, но и стоянок, вмещающих культурные слои в делювиальных отложениях.

Сергей Михайлович
Широкогоров
(1887–1939)

Широкогоров Сергей Михайлович – антрополог, этнограф, лингвист и педагог. В 1915–1916 гг. возглавив Маньчжурскую экспедицию, посетил Амурскую область. В ходе данного визита Широкогоров знакомится с известным учёным и путешественником В.К. Арсеньевым, археологом и краеведом А.З. Федоровым, совместно с которыми составляет план будущих археологических (палеоэтнологических) работ в Амурском регионе.

При участии краеведа-археолога А.Я. Гурова и сотрудника Амурского музея М.К. Толмачева Широкогоров проводит обследование берегов Амура, в ходе которого были открыты 4 неолитических стоянки и целая серия поселений и могильников более поздних эпох. В Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН хранится собранная С.М. Широкогоровым археолого-антропологическая коллекция с острова Урильский, в состав которой входят каменные орудия, керамика, железные орудия, кости животных и человека.

Алексей Павлович Окладников
(1908–1981)

Окладников Алексей Павлович – археолог, этнограф, историк. В 1926 г. вышла его первая научная работа «Неолитические стоянки на Верхней Лене». В 1928 г. он сделал открытие Шмикинских петроглифов. В 1939–1940 гг. совместно с Н. Синельниковым и М. Гремяцким вел раскопки в Средней Азии в долине Тешик Таш, где обнаружил останки (скелет) и стоянку палеолитического человека, доказав, что древний человек жил в глубинной Азии.

В 50-е гг. А.П. Окладников развернул масштабные исследования на Дальнем Востоке. С 1953 г. во главе Дальневосточной археологической экспедиции Института истории материальной культуры Академии наук СССР вел разведки и раскопки, открыв многочисленные археологические памятники от древности до средневековья. Под его руководством участники экспедиции проводили исследования в Амурской области.

А.П. Окладников внёс крупный вклад не только в изучение материальной культуры народов Дальнего Востока и Сибири, но и их искусства, религии, мифологии.

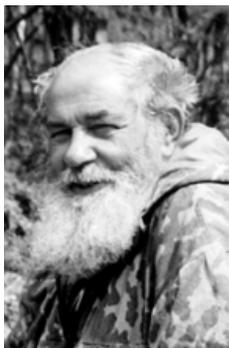
Борис Семенович Салунув
(1937–2006)

Салунув Борис Семёнович – археолог, историк, исследователь древних и средневековых культур Дальнего Востока. Одним из первых с начала 60-х гг. принял участие в археологических экспедициях под руководством А.П. Окладникова на территории Дальнего Востока. В течение более сорока лет участвовал вместе с А.П. Окладниковым и А.П. Деревянко в открытии и изучении археологических памятников Дальнего Востока. Всесторонне знал дальневосточный археологический материал практически всех исторических эпох. Провёл огромный объём полевой работы по обнаружению, фиксации и интерпретации следов жизнедеятельности древнего и средневекового населения Приамурья. Особое значение придавал поиску и исследованию палеолитических памятников. Собрал и описал большую археологическую коллекцию, которая стала основой многих музейных экспозиций.

Анатолий Пантелеевич
Деревянко
(род. в 1943 г.)

Деревянко Анатолий Пантелеевич – археолог, историк, первооткрыватель селемджинской, громатухинской и многих других археологических культур Дальнего Востока, Сибири, Евразии. Начинал археологические изыскания на Дальнем Востоке в составе экспедиций, которыми в 60-е гг. руководил А.П. Окладников. Уже в конце 60-х гг. А.П. Деревянко зарекомендовал себя как учёный крупной формации, организатор и руководитель важнейших для изучения археологии Дальнего Востока научных исследований. В результате деятельности А.П. Деревянко решены многие фундаментальные проблемы древней и средневековой истории Приамурья, Дальнего Востока и сопредельных территорий – формирования человеческих популяций и основных археологических культур, хронологии и направлений миграционных процессов этнических групп, возникновения и смены исторических эпох, т.д. Публикации А.П. Деревянко стали одной из основ современных научных знаний об археологии, антропологии, истории, культуре Дальнего Востока, Сибири, Китая и других регионов Евразии.

Анатолий Иванович Мазин
(1938–2008)

Мазин Анатолий Иванович – исследователь истории и культуры народов Дальнего Востока, археолог и этнограф. Со студенческих лет начал участвовать в археологических экспедициях. Многие годы проводил полевые исследования вместе с А.П. Окладниковым и А.П. Деревянко, исследовал памятники древнейших культур Приамурья – селемджинскую культуру и другие. Внёс большой вклад в обнаружение и изучение наскальных изображений Верхнего и Среднего Амура, сопредельных территорий. Важное значение А.И. Мазин придавал изучению прилегающих к скалам с петроглифами жертвенников, проводил раскопки сохранившихся жертвенных площадок. В амурской тайге собирал ценнейший этнографический материал среди эвенков-орочонон, обращая особое внимание не только на их материальную культуру, но также на верования и обряды, почитание наскальных изображений, мифологию.

Евгения Ивановна Деревянко
(род. в 1938 г.)

Деревянко Евгения Ивановна – археолог, исследователь истории Приамурья. С начала 60-х гг. принимала участие в археологических экспедициях под руководством А.П. Окладникова на территории Дальнего Востока. Руководила археологическими раскопками на Троицком и Новопетровском могильнике, на горе Шапка и многих других памятниках Среднего Амура. Е.И. Деревянко был внесён крупный вклад в изучение, прежде всего, средневековых культур Дальнего Востока. В результате археологических исследований Е.И. Деревянко была всесторонне изучена культура мохэ, в первую очередь, троичской группы мохэ, а также локальные варианты культуры чжурчженей. Большое значение имеют труды Е.И. Деревянко в области антропологии древнего и средневекового населения Приамурья и этногенеза народов Дальнего Востока.

Григорий Анисимович
Федосеев
(1899–1968)

Федосеев Григорий Анисимович – инженер-геодезист, известный советский писатель-этнограф. Первооткрыватель сложнейших маршрутов, именем которого названо множество пиков. В 1948–1954 гг. работал в составе Нижне-Амурской экспедиции СО АН СССР на севере Амурской области. За время своих разведывательных экспедиций скрупулёзно и грамотно собрал материал о религиозных представлениях, обычаях и ритуалах эвенков Приамурья («Таежные встречи», «В тисках Джугдыра», «Тропью испытаний», «Смерть меня подождет», «Злой дух Ямбуя», «Последний костер» и др.); запечатлел эвенкийскую мифологию, лингворелигиозные особенности мышления этноса. Произведения Федосеева внесли весомый вклад в отечественную этнографию и определили новый этап развития дальневосточной художественной этнографии.

Археологические раскопки на р. Селемджа, 80-е гг. XX в.

Раскопки памятников Селемджинской культуры. 80-е гг. А.И. Мазин, А.П. Деревянко, П.В. Волков и другие.
Из архива П.В. Волкова.

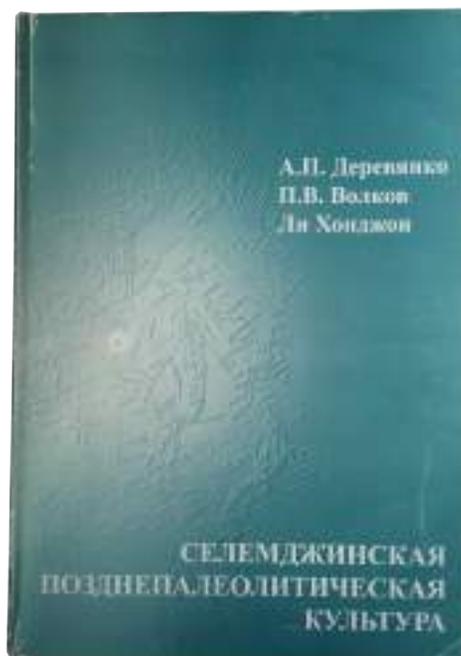
Раскопки памятников Селемджинской культуры. 80-е гг. П.В. Волков, один из руководителей раскопок (слева).
Из архива П.В. Волкова.

Раскопки памятников Селемджинской культуры. 80-е гг. Один из раскопов.
Из архива П.В. Волкова.

Раскопки памятников Селемджинской культуры. 80-е гг. А.И. Мазин (справа).
Из архива П.В. Волкова.

Итог исследования. Монография.

КОМПЕНДИУМ
НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

COMPENDIUM
IN ENGLISH

Центр древней истории культуры

阿
勒
泰

河流域古代

ANCIENT CULTURES OF THE AMUR REGION. PALEO-AMUR PEOPLES

The Paleolithic Age

The Amur region is well placed in East Asia: even in ancient times people could travel great distances along the river banks of this region in search of convenient places to live and, passing the watersheds, leave the region to reach warm seas (Sea of Japan, East China Sea, etc.). The upper reaches of the Amur, Shilka and Argun rivers connect the territory of the Amur region with Transbaikalia, Mongolia and Central Asia and Altai to the east. The Songhua River connects the area with Northeast China and, further to the south – with Central China and Korea. In these regions, long before human colonization of the Amur River basin, there was a process of anthropogenesis and the formation of human populations. Probably, the ancient inhabitants of our land came to the Amur region from western and southern territories, adjacent to it.

In 1961 on the bank of the Zeya River, near the village of Filimoshki, an expedition run by A.P. Okladnikov discovered pebbles, which had traces of human processing. In the 1960–70s a few sites (Kumara-I, Kumara-II, Kumara-III, Ust-Tu) with pebble tools of archaic type were found near the Zeya and Amur rivers. In 1989 B.S. Sapunov in the estuary of the Guran River discovered stone wares specific to the transition period between the middle and late Paleolithic and closed to the tools of Kumara II. Pebble tools of Filimoshki along with other data let A.P. Derevyanko put forward the idea that people populated the southern part of Siberia and the Far East in the end of the

The Neolithic Age

In 1961, the Far Eastern archaeological expedition led by A.P. Okladnikov found a settlement at the mouth of the small Gromatukha River into the Zeya. In 1965–1966 and 2004 there were archaeological excavations conducted. Sites of the Gromatukha culture are found not only in the Zeya basin, but also in the Amur one (Busse, Grodekovo, Sergeyevka, Kalinov-

ka, Dzhalinda and other locations, including ones in East Transbaikalia). Contemporary dating of the Gromatukha culture corresponds to a period of 15–9 thousand years ago.

Bearers of the Gromatukha culture were mostly engaged in hunting, fishing and gathering. Nomadic and semi-nomadic lifestyle of the population led to a middle – early Upper Pleistocene (about 350 thousand years ago) – and, probably, even earlier.

Archaeological excavations of the 1980s, conducted under A.P. Derevyanko, revealed the existence of the late Paleolithic Selemdzha archeological culture, which sites are located mostly in the lower reaches of the Selemdzha River, left tributary of the Zeya, as well as on the Amur banks near the villages of Mikhaylovka (Hodulikha), Bibikovo and a number of other areas. The Selemdzha culture existed during the period of 25–10 thousand years ago. The vastness of river valleys, the tundra were inhabited by representatives of the “mammoth fauna” – woolly mammoths and rhinoceroses, bison, horses, reindeer, moose, muskoxen and other large herbivores.

Due to climatic conditions and a number of other factors, the Selemdzha culture was one of the most developed in East Asia and adjacent areas. The representatives of this culture were mostly nomadic and engaged in gathering, hunting and fishing. In the spiritual culture of the Selemdzha community rather complicated religious and mythological ideas, reflecting the human lifestyle, could already exist. The population of the Selemdzha culture belonged to the group of Paleo-Asiatic Mongoloid race.

Close archeological links between the Selemdzha culture and archeological sites of Northeast Asia, Alaska, Kamchatka and Transbaikalia, the Lower Amur (the Osipov culture), Primorye, Northern China, Japan and Korea are reliably traced.

wide range of cultural contacts not only in the east, down the Amur, but also in the north and north-west – in Yakutia. Successful adaptation to the natural conditions allowed them to move gradually to a sedentary life, organizing settlements and creating ground dwellings of tent (chum) type. It is fair to say that there were succession and kinship of the Selemdzha and Gromatukha groups in the ancient Amur region.

Since 2004, at the Kalinovka archaeological site located on the Upper Amur bank 406 km from Blagoveshchensk, the Laboratory of Archaeology and Anthropology of AmSU has been conducting research expeditions. The Kalinovka site is an ancient sanctuary, including rock paintings and sacrificial place. During stationary archeological works there were some specific findings discovered: ceramics of the late Neolithic Lake Osinovie culture and of the early Iron Age, referring to the Uril culture, as well as items of earlier Neolithic era – microliths, blades, flakes and others, including things for non-utilitarian purpose – for example, stone images, which could be linked to the religious life of the ancient Amur peoples.

In the Middle Amur below the mouth of the Zeya River there was another early Neolithic culture – the Novopetrovka archeological culture. It was discovered near the village of Novopetrovka and studied in the first half of the 1960s by A.P. Okladnikov, A.P. Derevyanko and B.S. Sapunov. In 2002–2004 excavations were continued under S.P. Nesterov.

A notable feature of the Novopetrovka culture is the abundance of knife-like stone blades, which gave reason to call it the “culture of blades”. Radiocarbon dating of the main Novopetrovka monuments marked chronological period of about 11–8 thousand years ago. The representatives of the Novopetrovka culture lead a sedentary life in dwellings of shallow dugout type and were engaged primarily in fishing and hunting.

Stone processing technology, people’s lifestyle and some other important features bring the Novopetrovka culture

together with the Anangxi culture existed in Northeast China. This culture was discovered in the late 1920s by the Russian archaeologist A.S. Lukashkin worked in Harbin. Cultural monuments of the Anangxi culture are located primarily in the middle basin of the Nenjiang River. According to the Chinese archaeologist Wang Yulang, the Anangxi culture was already developed about 6 000 years ago; the people, sedentary living within the boundaries of that culture, were engaged in hunting, fishing and skillfully making the tools. It is noteworthy that the Novopetrovka culture, according to the contemporary dating, is older than the Anangxi one and, perhaps, it gave birth to the Anangxi culture.

Third Neolithic culture of the Amur region is the culture of Lake Osinovie (5–3 thousand years ago). It was discovered in 1961 and began to study by A.P. Okladnikov, A.P. Derevyanko and B.S. Sapunov. Archaeological excavations of the 1960s marked the most important aspects of the lifestyle of the bearers of the Osinovie culture. They lived sedentary, and were engaged in hunting and fishing. They also have a new kind of economy – agriculture.

Radiocarbon data obtained from the materials of archaeological sites in the Amur region indicate a significant chronological break in 3 000 years between the Early Neolithic cultures (the Gromatukha and Novopetrovka ones) and the developed Neolithic Lake Osinovie culture. This is either the result of insufficient state of knowledge of the territory of the Neolithic Middle Amur, or an emphasis on a process of depopulation and desolation of the area at that time.

Ethnic and cultural differences between populations of the Neolithic Middle and Upper Amur region, due primarily to the differences in economic and cultural types and migrations, do not cancel their common membership of the Paleo-Asiatics. Paleo-Asiatic substrate already formed in East Asia and the Amur region in the Paleolithic era.

Taking into account the polysemanticism of the concept of the Paleo-Asiatics,

and the diversity of peoples relating to it, it is advisable to use the concept of Paleo-Amur peoples in respect to the ancient Amur region. The Paleo-Amur peoples is the ancient population of the Amur

region, multicultural ethnic community, which belonged to the Mongoloid race and inhabited the Amur River basin in the period from the Paleolithic to the Early Iron Age.

Rock Art of the Amur Region

The Amur region is the land rich in monuments of ancient rock art. Ancient artists, using mineral color – ocher – created images of animals (moose, deer), spirits, dancing shamans, and people of the sun, moon, and stars. The earliest drawings were created about 10 thousand years ago. These are one of the oldest paintings not only in the Far East and Siberia, but also in Russia and the world. Quite a number of the later petroglyphs were made in the last century.

Rocks with drawings and adjacent

ritual sites were the open-air temples, or shrines for the archaic peoples. Near the drawings they made sacrifices of stone and, later, iron arrowheads, knives, pottery and other things important for the people of previous times. It is noteworthy that the Evenks, who have inhabited the Amur region for several centuries, are still preserving the ancient tradition of honoring petroglyphs as the habitat of spirits. Traces of Evenk sacrifices – ammunition, matches, coins, and colored ritual ribbons can be found in the taiga.

Amur Peoples in the Early Iron Age

The first archaeological culture of the early Iron Age in the Middle Amur is the Uril culture. It was discovered in 1961 by A.P. Okladnikov on Uril Island in the Middle Amur. In 1963 excavations on Uril Island were conducted under A.P. Derevyanko. In the 1980–1990s a great contribution to the study of this culture was made by S.P. Nesterov, P.V. Volkov, L.N. Tabarev and other archaeologists excavated and interpreted the artifacts of the Uril archeological sites (Bezumka, Sukhie Protoki 1, Sukhie Protoki 2, Bukinsky Klyuch 1, etc.). The Uril culture dates back to the 12th–4th centuries BC.

Uril tribes were engaged in farming and breeding pigs. Fishing and hunting also had great importance for the tribes who lived in winter pit-dwellings. The Uril culture has similarities with the Yankovskaya culture in Primorye, as well

as signs of contact with some other neighboring cultures of the 1st millennium BC. According to popular opinion, the Uril population belonged to the Paleo-Asiatics.

In virtue of the archaeological excavations of the 1990s in the middle and lower reaches of the Bureya River and of the exploring the territory of the Middle Amur by S.P. Nesterov the existence of the Talakan culture was justified. The culture took its name from a seasonal site of Ust-Talakan on the Bureya River's banks. According to radiocarbon dating, the absolute age of the Talakan culture corresponds to the beginning of the 4th–2nd century BC – the 3rd century AD. Bearers of the Talakan culture built pit-dwellings and ground ones; were sedentary fishermen and hunters combined fishing with seasonal migrations. They were familiar with the primitive agriculture.

MEDIEVAL CULTURES OF THE AMUR REGION

Middle Ages

The early Middle Ages are marked by the existence of the Mikhaylovka culture on the Middle Amur. This culture existed on the banks of the Amur, Zeya and Bureya rivers from the 2nd almost to the 10th century BC. Some researchers believe that the Mikhaylovka ethnic culture was rooted in the new Mongolian community, famous in the Chinese annals as the Bei Shiwei (Northern Shiwei); others

admit that it was created by the ancestors of the Mohe. Another view suggests that the Mikhaylovka culture is a result of the synthesis of the Talakan and late Poltse cultures.

Bearers of the Mikhaylovka culture led mainly sedentary life and built small pyramidal dwellings of wood, skins, and turf. Hunting and fishing played great role in lifestyle of groups lived in the taiga.

The Mohe

In the 4th – 8th centuries the Mohe was the dominating ethno-cultural group in the Amur region. They were the descendants of the Jurchens, Manchus, Evenks and some other peoples. In early centuries Mohe people migrated to the Amur region from East Transbaikal, territories of the Upper Amur and North-east Mongolia. Archeologists distinguish two groups of the Amur Mohe – Nayfeld and Troitsk.

The Nayfeld group of the Mohe archeological culture dates back to the 7th – 13th centuries and is relevant to the population migrated to the Eastern Amur region from Manchuria. Nayfeld traditions replaced the Poltse culture of the Songhua-Ussuri region (the East Amur region) around the 4th century. In the late 7th century the Nayfeld culture replaced the Mikhaylovka one in the West Amur region.

The Troitsk group of the Mohe archeological culture is also associated with tribes of the 8th–13th centuries, migrated from the Upper Songhua ba-

sin, or South Manchuria, to the West Amur region. In the 8th century in the Amur region appeared Balhae people, or Sumo tribe, which were the bearers of the Troitsk culture and came from South Manchuria.

The Mohe archeological culture was distinguished by A.P. Okladnikov and later was studied by E.I. Derevyanko, O.V. Dyakova and S.P. Nesterov.

Mohe people were engaged in fishing and hunting, but really succeed in agriculture and husbandry, using plough and horses. The dominant religion was shamanism. The Mohe lived in unfortified shelters – pit-dwellings, as well as in hill-forts – fortified settlements. Mohe people also were “the warriors of the Amur prairies” – they rode horses and used swords, daggers, spears, arrows and armor.

In the 7th century the Sumo tribe created the first early state within the territory of the Russian Far East – the Balhae (Bohai) kingdom (698–926), which included territories of Manchuria, Primorye and North Korea.

The Jurchens

The Jurchens are the Tungus-Manchu tribes inhabited Manchuria, Central and East China, North Korea and Primorsky Krai in the 10th – 15th centuries. They were the descendants of Mohe people and the ancestors of the Manchus. They also related to the modern Evenks and Udege.

At the end of the 9th – the beginning of the 10th century Jurchen people inhab-

ited Central and North-Eastern parts of Manchuria: the upper and middle reaches of the Songhua River and the areas to the East of this region. The process of the unification of Jurchen tribes strengthened in the 11th century and resulted in the establishment of the Great Jin (1115–1234). In its golden age it occupied the whole of Manchuria, southern part of the Russian Far East, part of North Korea and most

of North China. Most of the population (about 87%) was Chinese. In the beginning of the 13th century the Jin came under pressure of the Mongols and ceased to exist in 1234.

Jurchen tribes did not have common economic structure. East and northeast Jurchens led semi-nomadic life and were engaged in husbandry, hunting and fishing. The Jurchens in Manchuria and Primorye led sedentary life and were farmers. Jurchen settlements were un- and fortified, located mostly on river banks. Semi-dugouts and ground-based houses were the main types of dwellings. A common religion was shamanism, but in the higher strata of the society was the spread of Buddhism, Taoism and Confucianism.

One of the largest Jurchen fortified settlements in the Amur region is a hillfort on mount Shapka (Mikhaylovka District). It has complicated system of fortification and held an important strategic position. Inside the hillfort were dwellings of summer and winter types (with

kangs), forge, and household buildings. In addition, there were parts where farmers and cattle breeders lived, and places for the military.

There are two legends about the origins of the mountain among the locals. According to one of them, the mountain was hilled by some people who brought earth in caps. Another legend says that hundreds of years ago one great commander came to the Amur River and ordered to build a fortress. People carried earth in caps and soon made a great hill, strengthened the top by inapproachable ramparts and ditches.

The hillfort was first surveyed by the Amur archeologist A.Ya. Gurov and the member of the Russian Geographical Society G.F. Belous. In the 1960s the site was explored by A.P. Okladnikov. The survey was continued by E.I. Derevyanko in the 1980s. In 2009–2011 the excavations were continued by the Center for Preservation of Historical and Cultural Heritage of Amur Oblast under N.N. Zaitsev.

The Duchers

The Duchers are the successors of the Amur Jurchen culture inhabited a vast area along the Amur River from the Zeya mouth to the Ussuri mouth (and even lower). The Ducher culture can be dated back to the second half of the 13th century. The Duchers were sedentary people, engaged in cultivation of rye, wheat, barley, oat, millet, buckwheat, field pea and hemp, and also in raising horses, cattle and pigs. Ducher people lived in small settlements – uluses, which were part of larger communities led by heads.

One of the largest survived monuments relating to the Duchers is Grodekovo hillfort, located near the village of Grodekovo on the Amur River, south of the city of Blagoveshchensk and the Zeya

mouth. The first mention of it dates to the middle of the 17th century. The hillfort was founded around the turn of the 1st-2nd millennium AD and had lasted until the middle of the 17th century – the time of the Ducher resettlement deep into Manchuria. At the beginning of the 18th century a new Manchurian settlement was founded at this place.

At present, powerful ramparts and ditches remain at the territory of the hillfort, and one can easily find ceramics underfoot. Most of the hillfort is now used as arable land, but agricultural work is almost underway on it, and that is why there is a chance to save the unique monument of cultural heritage of the Duchers.

The Daur

The Daur is Mongolian-speaking ethnic group close to the Mongols and Buryat, who emigrated from Transbaikal to the West Amur region in the first centuries of the 2nd millennium AD. Until the middle of the 17th century the Daur

lived on the banks of the Middle and Upper Amur and its tributaries – the Argun, Shilka, Zeya, Bureya, Songhua and other rivers.

The Daur had settlements (uluses) of un- and fortified type. Numerous for-

tified settlements had deep ditches and ramparts, walls and towers made of logs, as well as special secret passages to water in case of siege. Daur dwellings were water-and-daub with a gable roof or made of logs. The Daur grew vegetables and crops – wheat, rye, barley, oat, millet, buckwheat, and hemp for oil. Most of the domestic animals were pigs, horses and cattle. Trading with the Tungus, Manchus and Chinese played important role in the economic life of the Daur.

Features of the Daur lifestyle and traditions are presented by archaeological materials of the Vladimirovka archaeological culture, which dates back to the 13th–17th centuries. This culture is the result of a merger of cultures of local Tungus population (the Mohe) with the Mongolian-speaking ethnos (the Daur).

The Vladimirovka culture sites occupy the southern part of the Upper Amur and territory along the lower reaches of the Zeya River. There have been discovered more than four dozen hillforts, settlements and burial grounds so far. The culture reflects the Tungus, Mohe and Mongol traditions, most of all, in burial

rites (grave goods, inhumation and reinterment rituals), adornments and arrowheads.

The Daur had lived on the Amur as part of the “Manchurian wedge” peoples until 1900. In the middle of the 17th century the Daur, inhabiting the banks of the Amur River from its source in the west to the Zeya mouth in the east and in its basin to the influx of the Zeya and Umlekan rivers, amounted to 9,860 people. At the end of the 19th century there were about 1,000 Daur. They were still engaged in agriculture (wheat, oats, buckwheat, sorghum, millet, barley and maize), as well as vegetable growing, animal husbandry, hunting and fishing; blacksmith, leather and wood work were also developed. They practiced Shamanism and Buddhism (Tibetan branch).

Currently the Daur live in Inner Mongolia, Heilongjiang Province, as well as in the north-west of China, in the Xinjiang Uygur Autonomous Region. According to the census of 1990 their number was 120 thousand people; according to the Chinese census they were 132,394 people in 2000, in 2010 – 131,990 people.

The Manchus

The Manchus are the descendants of the Jurchens inhabited the territory from the mouth of the Songhua River to the Amur River, as well as part of South Manchuria.

In 1234 the Jurchens became subjects of the Mongolian state, established the Yuan Dynasty (1271–1368). Researchers believe that the Mongol invasion significantly undermined the development of the Tungus culture, determined the crisis of social relations and national identity. A large number of Jurchens were killed; craftsmen were deported to Mongolia; many cities razed to the ground. After the conquering Mongol invasion to Manchuria there were a lot of small scattered clans and tribes struggling against each other.

With the fall of the Yuan Dynasty, the Chinese Ming Dynasty (1368–1662) came to power. By that time, the Jurchen tribal organization had lost centralized

administration, so weak and scattered tribes sought protection in China or Korea. The revival of the people took place with the rise of the Manchus, who managed to unite the Jurchens. In the middle of the 17th century Manchus conquered the whole of China and established the Qing Dynasty (1636–1911), which had lasted until 1911.

The Manchus lived in ordinary villages and hillforts. The economy of the Manchus and life of their towns and settlements were largely based on the labor of slaves. Free people divided into common men and nobles. Main occupations were agriculture, cattle breeding, fishing and gathering, as well as smithcraft, gold-work, tanning and saddlery, woodworking, joinery, carpentry, shoemaking, etc. The nobility, Manchu and foreign slaveholders formed the ruling class of the society, the highest of which was the ruling clan Aisin Gioro (literally “Golden clan”).

Shamanism, Chinese traditional religions and Tibetan Buddhism were the most widespread.

The first groups of the Manchus in the Amur region appeared at the beginning of the 17th century. Manchu authorities have repeatedly sent military expeditions to the north and north-east, the Upper and Middle Amur to subdue the Daur and other peoples of this region.

In the second half of the 17th century the Manchus entered into armed conflict with the Russian Cossack troops aimed to connect the Amur region to Russia. The peak of this conflict was the siege of Albazin (1685–1689). After the conclusion of the Treaty of Nerchinsk in 1689 the Manchus took control of the Amur region.

Anthropology of the Angai Burial Ground

In 2014–2015 archaeological excavations were conducted at the Angai burial ground, located near the village of Albazino. Paleoanthropological data of the burial ground poorly preserved, which greatly affects the amount of information that can be received from the material. However, modern research methods allow us to draw some important conclusions. Researchers have fragmented bone remains of several individuals: three women and four men. Both women and men were of average height – 153–155 and 163–165 cm, respectively.

The skulls have common features of the Mongoloid scaffold. The features of the Angai skulls (at least of two well-preserved ones) make it possible to refer the individuals to the Far Eastern race, possibly in its northern Chinese version. The

A special role in the history of ethno-migrational processes belongs to the “Manchurian wedge” – the territory on the left bank of the Amur River, where the subjects of the Qin Empire resided after the conclusion of the Treaty of Aigun between Russia and China in 1858. The total number of settlements was from 44 to 64 villages, inhabited by more than 14,000 residents. It is worth noting that the “Manchurian wedge” is a unique phenomenon, as it was influenced by several cultures – the Daur, Chinese and Manchu ones. The ethnic diversity of the peoples living in the area has formed a specific cultural and spiritual heritage, which syncretism still needs to be explored.

latter is inherent part of the northern Chinese and indigenous peoples of the Amur River, especially its lower reaches. Due to the small population and poor preservation of skeletal remains it is premature to draw final conclusions. Excavations at the Angai burial ground are being continued; obviously, if new graves are discovered, the opportunities for anthropological reconstructions will be expanded.

In 2015, the reconstruction of one of the female skulls was started. The authors of the reconstruction are an anthropologist D.V. Pezhemsky (Research Institute and Museum of Anthropology n.a. D.N. Anuchin, Moscow State University) and a lecturer of plastic anatomy and academic drawing A.N. Ryzhkin (Stroganov Moscow State University of Arts and Industry).

«Manchurian Wedge» – Special Ethnocultural Region in Amur Oblast

In the middle of the 19th century there was an area that was called the “Manchurian wedge”. This area was located along the Amur River from the mouth of the Zeya to the village of Hormoljin. Its population was called “Trans-Zeya Manchus” (“zazeyskie man'chzury”), who were the subjects of the Chinese state. In the middle of the 19th century, when the Amur region became part of the Russian Em-

pire, the number of “Trans-Zeya Manchus” was about 10 500 people. The ethnic composition of the population included representatives of three ethnic groups: the Manchus, Daur and Chinese. The predominant ethnic group in this population was Chinese.

According to available data, most of the residents of Zazeysky District were men (56.5%). Women accounted for 43.5%. The population of the “Man-

churian wedge" was dominated by traditional family consisting of several generations. Families were based on patriarchal principles. Most of the population was engaged in farming and animal husbandry.

The population consisted of followers of Chinese religions and traditional folk beliefs. Most of the Manchu population (83.5%) and all the Daur population of the left bank of the Amur professed their traditional folk beliefs. The religious world of the Manchus was based on animistic ideas. In the ritual practice of the Manchus ancestor worship and spirits played a key role. Every Manchu clan has its own group of ancestral spirits, whose names were recorded on a special plate to which sacrifices were made.

Shamans played a significant role in the life of the Manchu and Daur population. The Trans-Zeya Manchus called their shamans "lamas". Shamans were asked for help in cases where self-exhortations and sacrifices could not eliminate or reduce the harmful influence of spirits, or when it was required to find out what kind spirits harms human, and

determine the cause these spirits are displeased. Shaman could predict the success or failure of any endeavor, and anticipate the future. Shamans were also asked for treatment. Specific development among the Trans-Zeya residents was got by Chinese religions having a great influence on the worldview, rituals and beliefs of the Daur and Manchus.

In 1900 conflict relationships between the Russian state and the "wedge" residents became more acute due to the anti-European national Boxer Rebellion, opposed the spread of Christianity and European influence in the Middle Kingdom. On July 1, 1900 armed conflicts broke out on the Amur River near Blagoveshchensk and Aygun. The "wedge" population fled to the right bank of the Amur, or was deported there; some died during the war. After the events of the summer of 1900 "Manchurian wedge" ceased to exist. However, archaeologists still find traces of economic activity and religious life of the people of "Manchurian wedge". Many interesting artifacts are featured in exhibitions and stored in funds of the Science Museum of the Amur State University.

Buddhism in the Amur region

In the Russian Far East Buddhism first appeared in the Balhae (Bohai in Chinese) kingdom (698–926). It was generally common to aristocratic elite of Balhae society. In the Middle Ages Primorye created conditions for the development of Buddhism in the Russian Far East, gave birth to cultural and political impact, and provided a competition with China. After the fall of the Balhae kingdom part of its population became the Khitans; other part, migrated to Primorye and the Amur region became known as the Jurchens. Presumably, Jurchen Buddhism descended from their ancestors – the Balhae.

Buddhism in the Great Jin was mainly presented by Mahayana, spreading among the nobility and ruling elite of the society. There also was some influence of Vajrayana. In addition, the Jurchens also practiced shamanism and Taoism.

The next period of the Far Eastern Buddhism is represented by Tyr's antiquities of the 15th century, and associated with the spread of Buddhist teachings among the population of the East Amur region by ambassadors of the Chinese Ming Dynasty. This event was reflected in the construction of the temple complex near the modern Tyr settlement in Khabarovsk Krai.

The further history of the development of Buddhism in the Amur region is related to the 18th – 20th centuries and territories historically belonging to Manchuria (first of all – territories of the Upper and Middle Amur). Judging by the artifacts and statistical data, there was Buddhism adapted to the Chinese traditions and Tibetan Buddhism of Vajrayana associated with such peoples as the Manchus, Daur and Evenks.

In the 19th – early 20th centuries Buddhism spread on the territory of

“Manchurian wedge” – the area on the left bank of the Amur River where the subjects of the Qing Dynasty lived. This region has formed as a result of signing the Treaty of Aigun in 1858 between the Russian Empire and Manchu rulers of China. There are assumptions about the existence of Buddhist temples near the village of Vladimirovka and in the city of Blagoveshchensk.

In general, despite the lack of a continuous succession of Buddhist teachings among ethnic groups and its coexistence with other religious traditions (which led to religious and cultural syncretism), we can state the fact of a significant impact of Buddhism on ethnic and religious situation of the region where it served as a transnational (transethnic) religion.

RUSSIANS ON THE AMUR IN THE 17TH CENTURY

In the second half of the 16th century a crusade of Ermak against the Siberian Khanate began the process of Russian historical moving to the east of the Ural Mountains and joining Siberia and the Far East to the Russian state. The penetration of Russian fishermen in East Siberia had begun even before the crusade to the lower reaches of the Yenisei. Further commercial development covered Transbaikalia and Yakutia, and traders – fishermen and hunters – became part of the Russian old residents of Siberia.

The Russian path-breakers – mainly from the Cossacks – appeared on the Amur lands in the middle of the 17th century. The first development of the territories began in the north during the expeditions under I.Yu. Moskvitin (1639), S. Shelkovnikov (1647), V.D. Poyarkov (1643–1646), Ye.P. Khabarov (1649–1653), A.F. Pashkov (1650) and others.

During the development of the Amur region Russians put fortifications on the mouths of rivers – mostly winter huts and ostrogs, many of which were transient and did not survive. Winter huts were usually small and made as log huts (izbas) with additional defensive storey for conducting of a combat. Ostrogs were larger settlements having fortified defensive walls and towers. Towns were the third, more advanced and late type of defensive architecture.

Ostrogs became centers of Russian life in the Amur region. The life and economy was gradually arranged; trade developed and business relations with the local people opened. It was a process of mutual exchange of economic and craft techniques: the Rus-

sians took over the household inventions (e.g., the construction of ski) and the specifics of the Amur fishing and hunting from the aborigines; the local population learned from the Cossacks horticulture and beekeeping, using the Russian tools, etc.

The beginning of the reclaiming the Amur region coincided with the schism in the Russian Orthodox Church: as a result of Church reforms initiated by Patriarch Nikon, there was allocated a separate group – the Old Believers, or “splitters”. Some of them had to flee from persecution and mass executions to the Far East; many of them were just exiled.

Since the beginning of the Russian expansion to the Far East, the first Orthodox missionaries have been penetrating in the Amur region. Due to the significant predominance of men among the Russian migrants, there were occasions of getting marriage with representatives of the indigenous peoples. All of these intensified the process of integration of the Russians into another culture, strengthening of their positions, and socio-cultural interaction among the peoples.

At the same time, the reclamation of the Far Eastern lands was often marked by confrontation with the indigenous peoples. Conflicts arose mostly because of the aggressive policy of the pioneers that not only complicated the process of colonization, but also often led to significant human losses on both sides. Thus, in 1644 the troop under V.D. Poyarkov was besieged by the Daurians. The Cossacks had to endure a terrible famine turned a large number of fatalities and cases of cannibalism.

In 1650 a troop under Ye.P. Khabarov occupied the settlement of Daurian Prince Albaza, where the first Russian settlement on the Amur – Albazin Ostrog – was founded. The history of Khabarov was also marred by clashes with the local population – the fame of his cruelty and abuse of rights spread along the Amur from one people to another.

After the departure of the Cossacks, Albazin had been empty until 1665 when Nikifor Chernigovsky and his troop arrived. There also was hieromonk Hermogenes, who founded Spassky Monastery in 1671 and brought to the Amur region its most sacred thing – the miracle-working Albazin icon of the Mother of God “The Word Made Flesh”.

The 1680s is the period of acute military conflicts between the Russian settlers and Manchu troops, representing the Qing Empire. In 1682 Albazin voivodship with its own coat of arms and seal was founded. A.L. Tolbuzin became the head of the voivodship and played a key role in the heroic defense of Albazin Ostrog against the Manchu troops in 1685–1686 years.

As a result of the military conflict, famine and pestilence, both sides suffered heavy losses. In 1689, the Treaty

of Nerchinsk signed by the two states, established the border between Russia and China. According to the treaty, Russia deprived the fort of Albazin. Only in the second half of the 19th century a new Cossack settlement was founded in this place.

The geopolitical position of the Amur region led to the beginning of the Russian expansion to the Far Eastern lands. By the end of the 17th century Cossacks and peasants have established a number of Russian villages, which became centers for the Russian administration, culture, trade and economic activities. At the same time the process of Christianization of the indigenous peoples of Siberia and the Far East began.

However, the colonization of the Amur region has not been completed. The situation was complicated by the longstanding conflicts with the locals, especially with the Manchu Qing Empire. The Treaty of Nerchinsk concluded the first phase of the reclaiming the Far East and interrupted Russian expansion in to the farness of the state and the formation of entire ethnic and cultural groups. The long process of joining the Amur region to the Russian Empire will have been completed only by the middle of the 19th century.

PANORAMA OF ETHNIC CULTURES IN THE AMUR REGION IN THE 19TH-21ST CENTURIES

The Russian People

The middle of the 19th century marks a new stage of the reclaiming the Amur region. The dependence of the "Amur issue" hampered the development of the region. The unlocated and unprotected land could easily fall prey to colonist countries (England, France, and the USA). During this period various expeditions initiating a scientific study of the Amur region began to be organized. Among the researchers of the Amur region were A.F. Middendorff, N.H. Agthe, R.K. Maak, G.I. Nevelskoy, M.I. Venyukov, G.I. Radde, L.I. Schrenck, S.V. Maksimov, K.I. Maximovich, N.P. Anosov, N.V. Busse, G.E. Grum-Grzymajło and others.

A major role in resolving the Amur issue was played by a Governor General N.N. Muravyov-Amursky. His faithful ally became G.I. Nevelskoy, a captain of the Baltic Fleet.

In 1856 Russia strengthened its positions in the Middle Amur. In the same year the military outpost of Ust-Zeysky was established, the following year transformed into the village, and then - into the city of Blagoveshchensk. At the same time the creation of the Amur Cossack army began - by the summer of 1857, 15 Cossack settlements had been founded on the left bank of the Amur, where about 2,000 people lived.

In 1858 Saint Innocent Metropolitan of Moscow, the Russian Orthodox missionary priest, the first Orthodox bishop and archbishop in the Americas, the Metropolitan of Moscow and all Russia arrived to Ust-Zeysky. He became the supporter of N.N. Muravyov-Amursky and played a key role in Orthodox missionary activity and establishing the eparchy in the Amur region.

On May 16 (28), 1858 the treaty between Russia and China was signed in Aigun. The Amur has defined the boundaries of the two states. Active participants of the Amur epics were highly decorated.

On December 8, 1858 Amur Oblast was formed by the decree of Alexander II and centered in the city of Blagoveshchensk. The first Governor General of Amur Oblast became N.V. Busse. In the same year, a few thousand Cossacks moved to the Amur region and founded 35 new settlements. A decree on the formation of the Amur and Ussuri Cossack regiments was issued on December 29. By the time 2,950 people had lived in the Amur Region.

The second wave of the development and settling of the Amur region was of peasant character; the bulk of the migrants was associated with central black-earth provinces of Ukraine. Resettlement process was greatly forced after the abolition of serfdom. The relocation of Transbaikalian Cossacks was constituent unit of the resettlement moving to the east in the second half of the 19th century.

In 1869 the first stage of the relatively intensive reclaiming of the Amur region ended. Despite some progress, it was marked by many difficulties that migrants faced: unusual weather conditions, weak immigration policy, daily household problems, diseases, floods in 1861 and 1863 and more frustrated the hopes of the settlers, created problems and claimed lives.

The Amur peasantry culture in the second half of the 19th - early 20th centuries had certain peculiarities. The so-called "commercial" family, where agriculture was not the main source of food, started to appear. The type of a small family of two generations had formed by the 1870s. Wattle-and-daub huts were unsuitable for the Far Eastern climate, so they were replaced by solid wood log cabins, which were richly decorated with carvings. An oven took pride of place inside the house; interior was simple and artless. The yard was fenced; wealthy families had a lot of outbuildings in the area behind the house.

Most peasants were Orthodox, although their level of religiosity was low in general: cult actions were often formal,

the elements of pre-Christian beliefs and perceptions of local and indigenous peoples were also presented in the cultural environment. The peasants were strong on icons. The main church holiday was Easter, celebrated in a big way all over the place. The Christmas week and Epiphany also had great importance.

The period from 1901 to 1917 is characterized by a new stage in the reclaiming the Amur lands. The majority of the population in the Amur region in this period was presented by Russians, or Great Russians, Little Russians and Belarusians held the Zeya-Bureya Plain. In 1901–1917 years more than 140,000 people in total moved from the European part of Russia to the Far East.

In the late 19th – early 20th centuries the Amur stratum of the intellectuals, which played a major role in social and cultural life of the region, began to actively develop. A key role in this process was played by the development of the gold mining industry: mining companies required to attract engineers and mining experts. By the end of the 19th century, about two hundred mines with nearly thirty thousand people had acted in the Amur region.

Along with the gold industry, leading sectors of the Amur economy were milling, distilling and brewing industry, as well as logging, fur trade and fishing. Prospecting and extraction of coal and other minerals were also developed and contributed to the extension of the river transport and road network. The Russian

population in the Amur was also actively involved in business.

In the beginning of the Civil War Blagoveshchensk became the center of the struggle for the liberation of Transbaikal and Primorye from the interventionists and White Guards. The period from 1922 to 1941 is the time for a new phase of resettlement. According to the census of 1923 there were 240,000 Russians. During the Great Patriotic War, more than 100,000 Amur inhabitants – almost half of the adult population of the region – went to the front voluntarily and at command. More than 60 of them awarded the title Hero of the Soviet Union; 13 became Full Cavaliers of the Order of Glory; 23 people were on the Victory Parade on Red Square in Moscow. The Amur military flotilla played a major role in the military conflicts with Japan.

1945–1974 years is the period of post-war resettlement. According to the 1959 census, the Russians made a significant group of 87.7%; to the census of 1970 the population consisted of 721,4 thousand people. Another stage of the reclaiming the Amur region was related to 1974 and connected with the construction of the Baikal-Amur Mainline. So, according to the census of 1979, there were 831,062 (88.7%) Russians in the Amur region. In 1989 the number of the Russian population increased to 911,969 people (86.8%). Since the 2000s the declining of the number of the Russian population has been observed: in 2002 – 831,004 people (92%), in 2010 – 775,590 (93.4%).

***

The Slavic population of the Far East has been complicated by ethnic, religious and social structure. Historically, there has been the merging of Russians, Ukrainians and Belarusians, so the indifference to the ethnic and cultural diversity led to the formation of a special substrate wherein the prevailing Russian culture contains elements of the Ukrainian and Belarusian ones.

The Ukrainian People

Ukrainians appeared in Amur Oblast along with the peasants and Cossacks in the late 19th – early 20th centuries, when the Amur region, as well as Primorye and Khabarovsk Krai, were part of Green Ukraine (Zeleny Klin) – his-

torical Ukrainian name of the south land in the Russian Far East.

In 1886 the Ukrainian migrants were in amounts of 4,977 people (46.5%). In the period from 1906 to 1912 they amounted to 25.9%. Ukrainians settled mainly

in non-forested, or steppe, areas - Belogorsk, Zavitinsk, Ivanovo, Tambov and other districts, corresponding with native lands familiar to them.

In 1917 within the territory of Green Ukraine almost one million people were Ukrainians. Many Ukrainians were part of the Amur and Ussuri Cossacks.

In 1917 newspapers in the Ukrainian language began to be published; the so-called "Ukrainian Gromada" (community) was created. After the revolution, in the territory of Green Ukraine campaigns for raising the national consciousness and opposition to the Russification of the Ukrainian people actively attempted; Ukrainian schools started to be created. The highest representative body of Green Ukraine became the Far Eastern regional Rada; local representative power was exercised by district radas.

In the autumn of 1922 the Far East completely fell under the power of the Bolsheviks, and the Far Eastern Republic was abolished. Many Ukrainian peasants, Cossacks and merchants fled to China. They were most active in Harbin: published Ukrainian newspapers, created organizations and unions.

The increasing of the Ukrainian migrants' number in 1926 was associated with the development of migrant policy.

The Belarusian People

Belarusians in the Amur region massively settled in the last quarter of the 19th century, and had amounted 1/5 of the total number of migrants by the 1890s. According to the census of 1897, 388 Belarusians (0.32%) lived in Amur Oblast. From 1901 to 1917 the inflow of the Belarusians to the Amur Region increased, largely covering the steppe and forest-steppe zones - Zeya-Bureya Plain, Svobodny and Shimanovsk districts. The following villages were founded: Rogachevka (1898), Bolshoi Iver (1900), Kostyukovka (1901), Rozhkovka (1909), Nizhnie Buzuli (1909), Semyonovka (1908) - where the communal farm "Red Belarusian" ("Krasny Belorus") was founded in 1929, Mokhovaya (1925), Maly Iver (1926) and others.

The main part (4/5) of migrants moving to the Far East was those who had special resettlement documents. They were sent from Ukraine, Belarus and the European part of the RSFSR. According to the All-Union census there were 100,500 Ukrainians living in the Amur region in 1926. In 1939, there were 78,213 Ukrainians.

1945-1974 mark the post-war increase of migrants as a result of benefits introduced by I.V. Stalin. A system of crediting of economic migrants was established: one could get resettlement tickets allowed having a loan for a house, a cow, or grains.

According to the 1959 census, Ukrainians were 7.8% (56,266 people) of the total number of national groups in the Amur region. After 1974 a new period of the inflow of migrants associated with the building of the Baikal-Amur Mainline started. Later, the number of the Ukrainians in the Amur region began to decline - 31,475 and 16,636 people according to the censuses in 2002 and 2010, respectively.

Due to the political events in Ukraine in 2014 the refugees and participants of the program of the resettlement of compatriots has began arriving to the Amur region; according to the Federal Migration Service, 1,300 Ukrainian migrants were registered in June 2014.

The Civil war and crop failures in 1920-1922 caused a temporary outflow of the Belarusians to the newly formed BSSR and far abroad. According to the 1926 census, 14,900 Belarusians lived in the Amur region. In 1927-1928 5,100 people arrived to the region, 4/5 of them had special resettlement documents. The number of Belarusians according to the censuses in 1939-2002 was: 1939 - 10,300 (2.29%), 1959 - 9,300 (1.31%), 1970 - 7,700 (0.97%), 1989 - 17,900 (1.71%), 2002 - 7,800 (0.87%) people.

The growing number of Belarusians in 1970-1980 was associated with the construction of the Baikal-Amur Mainline. In the current period the reducing of the number of Belarusians is due to both general outflows from the region as well as

assimilation and mild ethnic identity. In the Amur region Belarusians were also affected by the Chinese people, indigenous peoples and the Old Believers. Belarusian speech marked impact on the local

Russian dialects. According to the census at 2010, 4,100 (0.51%) Belarusians lived in the Amur region. The ANO "Belarusian Fraternity" has been acting in Blagoveshchensk since 2012.

The Russian Orthodox Church in the Amur Region

The Russian Orthodox Church appeared on the Amur in the 17th century. It was then that Albazin Ostrog – the first Russian settlement in the Far East – was founded. The group of fugitive Cossacks under Nikifor Chernigovsky fled to the Amur region in 1665 and took a priest with them. It was hieromonk Hermogenes (Kirensky), who became a founder of the first churches. He built the Church of the Resurrection, the Resurrection Chapel and the Chapel of St. Nicholas the Wonderworker. In 1671 the monk rose Spassky Monastery, where he put a miraculous icon "The Word Made Flesh" (Albazin icon of the Mother of God): according to Orthodox tradition, the icon has since become the main sacred thing of the Amur region.

The icon is painted in tempera on canvas glued on a wooden board. It belongs to one of the most ancient iconographic types – Oranta (from Latin *orans* – praying; in the Russian tradition – "omen"), which have already met in the Roman catacombs. This iconographic type has long symbolized the divine protection and help. The icon was named Albazin due to the stay in Albazin Ostrog: Christian practice has a long tradition to associate an icon with a place where it showed its miraculous power.

In 1685, after the siege of the ostrog with the Manchus, Hermogenes together with the survived Albazins returned to the Transbaikal region. The monk carried the icon along and leaved it in Sretensk. In 1868 Bishop Veniamin (Blagonravov), carried the icon to Blagoveshchensk. This period was associated with a new wave of veneration of the icon: the Brotherhood of the Blessed Virgin Mary was founded and weekly reciting of the Akathist hymn to the icon started.

Since 1902 annual processions has been begun. In 1924 Blagoveshchensk

Cathedral got burned and the icon was transferred to the Prophet Elijah Church. In 1938 the icon was transferred to the city museum and since the 1980s had been on display in the hall of the history of Orthodoxy. In 1991, at the request of the faithful the icon was returned to the church.

On August 8, 1992, for the first time in the modern history of the Amur region, the icon was brought to Albazino to take part in the reburial of the remains of 57 defenders of Albazin Ostrog discovered during the archaeological expedition under A.R. Artemyev. Since 1997, the tradition of pilgrimages along with the icon has been renewed. On September 6, 2015, at the reburial ceremony of the Albazin defenders' remains discovered in the course of archaeological expeditions, Mass of the Resurrection was celebrated in the presence of the icon "The Word Made Flesh", and then the procession and burial were done.

In the beginning of the 19th century Orthodoxy began to spread in the Amur region again, since the northern territories of the Far East. Orthodox missionaries from Yakutsk and Uda forts has started coming to the Amur region where the Tungus lived. In 1840, at the initiative of the priest I.E. Popov-Veniaminov (the future Archbishop Innocent) the Holy Synod decided to establish the Eparchy of Kamchatka, Kurils and Aleutian Islands. In the same year, Innocent was appointed head of the eparchy.

In 1849 Innocent met a Governor General of Eastern Siberia Count N.N. Muravyov whom he became a friend and coworker. In the spring of 1858, Bishop Innocent, together with N.N. Muravyov departed from Irkutsk to the Amur to take part in diplomatic negotiations with the Chinese authorities. As a result the Treaty of Aigun was signed, under which all the Amur lands passed to the Rus-

sian Empire. On December 1858 Archbishop Innocent transferred the eparchy to Blagoveshchensk and in 1862 moved there for permanent residence himself.

In 1871 the first in the Far East Blagoveshchensk seminary was opened. In 1882 religious school started to operate under the seminary. Since 1894 Blagoveshchensk seminary had published "Kamchatka Eparchy Records" leaving twice a month. In 1896 the Trinity Church was founded in Blagoveshchensk in honor of the coronation of the imperial couple.

On January 1, 1899 Kamchatka eparchy was divided into the Vladivostok and Blagoveshchensk ones. After the separation 87 parishes remained in Blagoveshchensk eparchy. In 1900 there were 99 chapels and 81 churches. In 1901 one of the main temples of the city was built – the Trinity Church (Shadrin Cathedral), consecrated in 1902. In 1904 the temple in honor of the icon of Mother of God "Joy of All Who Sorrow" was founded. In 1917 more than 20 Orthodox churches were in Blagoveshchensk; the eparchy included 96 churches, 2 monasteries, and 83 parochial schools. During the revolution all the temples in Blagoveshchensk, except the temple in honor of the icon of Mother of God "Joy of All Who Sorrow", were destroyed. During the persecution of the church mass repressions began against the clergy.

The rebirth of religious life started in the 1940s. In 1943–1946 years Amur parishes were managed by the bishop of Novosibirsk and Barnaul. In 1946 an independent Eparchy of Khabarovsk and Vladivostok was established, but it had been run by Irkutsk bishops until 1988. Since 1947, the Russian Orthodox Church has been allowed to conduct services in a former Catholic church. In 1949, the Eparchy of Khabarovsk and Vladivostok was abolished; its parishes were transferred to the Eparchy of Irkutsk and Chita. The independent Eparchy of Khabarovsk and Vladivostok was formed in 1988 and included all the Amur parishes.

On December 28, 1993 at the meeting of the Holy Synod headed by the Patriarch of Moscow and All Russia Alexy II the Eparchy of Blagoveshchensk was restored in the Amur region. The first governor of the eparchy was Bishop Gavriil (Steblyuchenko), appointed on April 21, 1994. In 1997, the Annunciation Church was founded and further became the cathedral church of the eparchy. In 1997, a monument was raised in honor of the 200th anniversary of the birth of St. Innocent (Veniaminov).

Since 2011 to the present day the eparchy is headed by Bishop Lucian (Kutsenko). On July 13, 2015, Bishop Lucian was approved by the Holy Synod as a holy archimandrite of the Friary of Holy Trinity (the village of Troitskoe, Ivanovo district of the Amur region).

Nowadays the Eparchy of Blagoveshchensk has 65 parishes, divided into 6 deaneries, two convents and one friary, 4 monastic metochion, 23 temples. More than 20 temples are being built throughout the Amur region. The clergy includes 53 persons: 49 priests and 4 deacons. Blagoveshchensk religious school is training 80 people, 12 Sunday schools are teaching more than 700 children. There also are catechetical courses for adults. The eparchy includes departments of catechesis and religious education, missionary, dealing with youth, social service, cooperation with the Cossacks, cooperation with the armed forces and security agencies, secretariat, account department, press service and warehouse.

The eparchial administration monthly publishes "Blagoveshchenskie eparkhialnye vedomosti" ("Blagoveshchensk Eparchy Records"), "Blagoveshchenie" ("The Annunciation"), "Kolokol" ("The Bell"), "Pravoslavny BAM" ("The Orthodox BAM", a special supplement to the "BAM" newspaper). Such TV programs as "Pravoslaviye v Priamurye" ("Orthodoxy in the Amur region") and "Svet Pravoslaviya" ("The Light of Orthodoxy") broadcast every week. The eparchy also has its own Internet portal "Blaginform" (<http://www.blaginform.ru>).

Catholicism in the Amur Region

In the joining of the Amur region to Russia representatives of the Poles and other Slavic peoples, professing Catholicism, played a significant role. They were part of the military units, especially line battalions, reclaimed this region. In the end of 1859, according to a Catholic priest Krzysztof Szvernicky (1812–1894) arrived to this land, there were 323 male Catholics and 26 female ones in the Amur region. For the most part they were soldiers and officers.

In 1860 in Blagoveshchensk were 3 officers and 45 soldiers professed Catholic religion. In the first decades there were many Catholic Poles, exiled to the Far East for their participation in the struggle for Poland's withdrawal from the Russian Empire. For a long time they hadn't been having any special place for the commission of Catholic worship in the city; the priests had been coming from other cities. A petition for building a church was presented by Kazimierz Radziszewski – the first curator of the Roman Catholic churches on the Far Eastern territory. On August 6, 1896 the first stone in the church foundation was laid. Money for the church was collected by the exiled Poles.

In 1897 Catholicism in the Amur cities was professed by 316 people, mostly of Polish, Lithuanian and Belarusian nationality. In the Amur region Catholic parishioners were engaged in different activities, but pharmacy business, trade and medicine were the most prevailed. The first parish priest was father Piotr Bulwicz appointed in 1902. In 1910 Antoni Żukowski became the new priest and prior of the parish.

Harbin Russians

The establishment of the city of Harbin is connected with the construction of the Chinese Eastern Railway (CER), which is the southern branch of the Trans-Siberian Railway. Harbin was built by Russian workers in 1898 as a railway junction Songhua 1. It was settled by Russian railway workers: builders and employees of the CER and their families.

Missionary work played a key role in the Amur Catholicism. Since the area of the villages inhabited migrants and exiled Catholics, priests periodically made missionary trips throughout the region. In the villages of Kozlovka and Rogachevka Polish chapels were built. The first floor of the Kozlovka chapel is still preserved.

In 1912 on the initiative of Antoni Żukowski a bell tower was added to the church in Blagoveshchensk, and the building became the final form. In the same year Boleslaw Wołyniec was chosen as a parish priest. The next parish priest, father Władysław Kamiński appointed in 1917, was arrested in 1924. There were no data about Catholic priests after his arrest. In 1932, the congregation was forced to abandon the church, and the agreement on the continued use of the building was dissolved by the official decree of the Presidium of the Far Eastern regional executive committee. The Roman Catholic Parish of the Transfiguration of the Lord ceased to exist. The church had been used as a military warehouse until 1947. Since 1947 the building has been used to perform the service of the Russian Orthodox Church, which churches were destroyed after the revolution.

On June 28, 1994 a diocesan administrator of the Asian part of Russia decided to reopen the Roman Catholic Parish of the Transfiguration of the Lord in the city of Blagoveshchensk. The first parishioners became the descendants of the Polish Catholics. Since 1999 regular Catholic clergy has been acting and the life of the Amur Catholics has begun to acquire the usual for the Catholic Church form.

There are several opinions on the origin and translation of the word "Harbin". One of the Chinese interpretations refers to Manchu "Hao-bin", which means "narrow island", "ford", "flat island". There is a version of the Mongolian origin of the word "Harbin" from "kharaba", which means "mutton shoulder blade". Russian researcher G.V. Melikhov thinks that

"Harbin" is a Russian word. There are other opinions on the interpretation of the word, such as "high bank", "beautiful (good) grave", and others.

The history of the Far East, including the Amur region, is closely linked to the Russian Harbin. After the events of the Civil War in Russia in 1917–1923 about 200 thousand Russians did not accept the Soviet regime and emigrated to Manchuria. Harbin became the center for the Russian community abroad. In summer emigrants crossed the Amur River by boat, in winter – on the ice.

Harbin refugees were soldiers and military leaders of the White Army, Siberian officers, Cossacks, entrepreneurs, government officials, journalists and ordinary people. In a new place the Russian population has created a unique city with pre-revolutionary way of life preserved. Russian names of streets, Russian architecture, furniture and personal belongings – all in the city reminded of life in Russia. A large number of Russian buildings has preserved in Harbin until now.

Harbin was called "oriental Saint Petersburg", "oriental Moscow", "oriental Paris", "oriental Chicago", "oriental San Francisco", "eastern Klondike" and "oriental Zion". In addition to Russians, representatives of 53 different countries also lived there – Harbin was a multi-ethnic and tolerant city. Culture, balls, theater and cinema performances, literary circles' meetings and a large number of scientific organizations were presented in the city.

Orthodoxy took a special place in the culture of the Far Eastern abroad. Orthodox churches erected in Harbin became the spiritual centers of the Russian emigration. During the holidays Orthodox churches of Harbin could not accommodate all those wishing to attend the service. The first temple in Harbin became a wooden church of St. Nicholas. In 1908, the St. Nicholas Church was transformed into cathedral. In 1922, an independent eparchy of the Russian Orthodox Church was established in Harbin. During the Chinese Great Proletarian Cultural Revolution the cathedral was destroyed on

June 23, 1966. In 2009, it was restored in the estate of "Volga" (Harbin suburbs), and now is acting as a tourist attraction.

A temple in honor of the icon of the Iberian Mother of God (the Iberian church), considered one of the most beautiful in the city, was no less famous Harbin church. A cultural monument of China is St. Sophia Cathedral, built by the images of the Epiphany church in Saint Petersburg and Shadrin Cathedral (Trinity Church) in Blagoveshchensk. Today St. Sophia Church acts as an architectural museum and is one of the main attractions of Harbin.

An important role in the life of Harbin Russians was played by emigre periodicals. There were published more than 50 newspapers and more than 20 journals of different genre. Periodicals were daily, weekly and monthly; many publications issued in large editions. In the 1920s such newspapers as "Zarya" ("Dawn"), "Nash put'" ("Our Way"), "Gong-Bao", "Rupor" ("Megaphone"), "Gong" and others were published. Such newsmagazines as "Natsiya" ("Nation"), "Kiowa-Kai", "Podchasok" were considered popular. Scientific organizations issued "Vestnik Azii" ("Bulletin of Asia"), "Vestnik Man'chzhurii" ("Bulletin of Manchuria"), "Izvestiya Obshchestva izucheniya Man'chzhurskogo kraya" ("Proceedings of the Association for the Study of the Manchurian region"), etc. Literary magazines were very popular: "Churaevka", "Prozhektor" ("Spotlight"), "Parus" ("Sail"), "Luch Azii" ("Asian Ray") and such children's magazines as "Lastochka" ("Swallow") and "Yuny chitatel' Rubezha" ("Frontier's Young Reader").

The most popular literary magazine was "Rubezh" ("Frontier") published weekly in the Harbin Publishing House "Zarya" from 1926 to 1945. Many poets and prose writers of Harbin became known through publications on the pages of "Rubezh".

The literary heritage of Harbin Russians is extremely well developed and interesting. There were literary circles acted in Harbin: circles n.a. P.N. Krasnov, Admiral A.V. Kolchak, O.N. Baikov

and others. The most famous association of creative youth became a literary and artistic club “Young Churaevka”, founded in 1926 by a poet Alexey Achair. Such poets and prose writers as Larissa Andersen, Lydia Haindrova, Valery Pereleshin, Nikolai Shchegolev, Nikolai Peterets, Vladimir Slobodchikov, Alfred Hejdok, Vasily Obukhov and many others were involved in literary evenings of “Churaevka”.

In the 1930s many poets, writers and journalists were forced to move to Shanghai. This was due to the oc-

The Amur Evenks

In the 19th century the Evenks, along with other peoples of the Tungus-Manchu group formed the basis of the aboriginal population in the Amur region. The Oroqen people occupied a vast territory along the left and right banks of the upper reaches of the Amur. They were nomadic and semi-nomadic, mainly engaged in hunting and fishing. The social structure of the Oroqens remained elements of the clan system, and society was divided into clans arranged on the paternal lineage.

Oroqen kinship organization in the 19th – early 20th centuries was transformed under the influence of ethnic migrations, economic and social development. The involvement of many Evenks in relations with the Russians, fur trade, participation in the transport of goods and so on played a major role. The transformation of the clan system led to increasing role of an individual family. Family became the basic economic unit of society and the most important social organism. Reindeer breeding played the most important role in the Oroqen family.

In the 19th century some areas of the Amur region were inhabited by the Manegr people. In the 1950s the Manegr people occupied a vast territory, located near the upper and middle reaches of the Amur River and its tributaries. On the Upper Amur Manegr nomad camps were located on both banks of the Amur River from the mouth of the Never to the

cupation of Manchuria by Japan and the establishment of the puppet state of Manchukuo. In 1935, many Harbin Russians, the former citizens of the USSR, were repatriated. Afterwards most of them were accused of spying.

In 1945 the Soviet Army entered Harbin. A huge number of Russians was sent to the concentration camps on charges of cooperation with Japan and belonging to the White Movement. In 1960 almost all the Russian speaking population of Harbin and Manchuria left China.

mouth of the Kumara (Humaerhe). Manegrs also inhabited banks of the Zeya River and its tributaries. Manegr settlements on the Middle Amur could be found on both sides up to the Dichun River (left tributary of the Amur). The Manegr people also lived in the valley of the Bureya River.

In Soviet times, there have been major changes in the Evenk lifestyle. These changes have evolved in line with the general processes of transformation of the Russian society. Radical changes in the lifestyle of the Amur Evenks began under the influence of the state policy of collectivization carried out in the 1930s. In different areas of the region collective farms were formed, which economic basis was the withdrawal of deer herds from the personal property. Evenks in an increasingly growing number were forced to settle in national villages specially created for that. The positive point of these contradictory processes was free education for the Evenk youth and a dramatic improvement of health services for humans and deer. Illiteracy, famine and epidemics became rare, and almost disappeared over time.

That time routes of migrations of many genera and families changed. Large-scale development of the Far East during the industrialization of the country, a dramatic expansion of logging and gold mining, blazing trails and building settlements pushed some families aside the former farmlands. Working in settle-

ments and collective farms, the Evenks began to engage in non-traditional type of farming – agriculture. However, Evenk traditional types of farming also remained – reindeer herding and hunting have always been the main sources of income. In a number of Evenk villages, workshops for making national products of deer fur – high fur boots (unty), coats, hats and gloves, sleeping bags and handbags – were opened to ensure women's employment and the development of local production. This national craft of the Evenks was very handy during the Great Patriotic War: warm clothes rescued soldiers from the most severe frosts. Many Evenks joined the ranks of the Soviet Army.

In the postwar period Evenks facilitated the development of the Russian Far East. In the 1960–70s reindeer breeding rapidly began to develop – herds became several thousands strong. The living conditions of reindeer herders improved: there were stationary houses built for them in the taiga, and each reindeer team could be on to villages by radio set. However, there were some drawbacks in such a large-scale reindeer herding: many thousands flocks completely trampled reindeer moss pastures recovering very slowly – a millimeter per year.

The “Golden Age” of Siberian reindeer breeding gradually gave way to a heavy crisis of the 1990s. Deer farms began to decay one after another, deer livestock decreased dramatically. Left without help from the state, the Evenks began to get private reindeer and roam in small groups with their herds (an average of 20–30 reindeer).

About 1,300 Evenks live in the Amur region nowadays. Most of them live in the five villages of the region: Bomnak, Zeya District; Ivanovo, Selemdzha District; Ust-Urkima, Pervomayskoe and Ust-Nyukzha, Tynda District. Not all the population follows the traditional lifestyle of the Evenks – only about half of them engaged in breeding deer and

hunting in the taiga, considering it their home. Most Evenks live in settlements in fairly well-appointed houses, work in the mines, schools, kindergartens and rural administrations, speaking mostly in Russian.

It the beginning of the 21st century the socio-economic and cultural situation in the areas of compact residence of the Evenks gradually stabilized, and even improved in comparison with the recent past. The organization of ethnic (tribal) communities has strengthened; within the framework of the Association of Indigenous Peoples of the North of the Amur Region the cooperation is growing: regular biannual meetings are held in different towns in the form of “Bakaldyn” national holiday, when such ceremonies as “Feeding the Fire” “Hunting Farewell”; competitions “Sharpshooter”, “The Best Chum Hostess”, “Evenk National Cuisine”; national clothes and shoes showing, selling exhibition of domestic products, national sport competitions take place.

Traditional festivals celebrating the “Reindeer Breeder and Hunter Day” are organized in the national villages every March. The activity on preservation of ethnic identity and language is revived, creative activity of music and dance groups have received a new impetus in the Evenk villages. Educational programs in schools and kindergartens in the Evenk settlements are changing in the line of the development of ethnic principles.

For many years, the staff of the Laboratory of Archaeology and Anthropology has been conducting field research in the areas of compact residence of the Amur Evenks. The Science Museum well represents Evenk items – household and ritual things, hunting and fishing implements, saddles, tools for leather processing, etc. The Evenk ethnographic collection, one of the most complete among the Russian museum collections, cherishes the history of the Amur Evenks and makes it available for researchers and everyone.

The Chinese

The appearance of Chinese people in the Far East is connected with the 17th – 19th centuries. First Chinese migrants were fugitive criminals, the exiled, small traders, craftsmen, fishermen and farmers, number of which remained insignificant for a long time. In the second half of the 19th century, the Qing government actively moved the Chinese into Manchuria. As a result their number increased on both the territory of the “Manchurian wedge” and territories belonging to the Russian Empire.

In the summer of 1858 the Governor General N.N. Muravyov-Amursky allowed Chinese nationals visiting the Russian settlements on the Amur. Russian-Chinese treaties (in 1858 and 1860) also permitted the Chinese to visit the Russian territory. In fact, in the second half of the 19th century there were formed several groups of the Chinese population, permanently or temporarily residing on the left bank of the Amur: 1) “Zazeysky area” – the settlement of the Qing Empire’s subjects on the left bank of the Amur River, founded as a result of signing the Treaty of Aigun in 1858; 2) “Ussuri Manzi” – Chinese people (fishermen and traders) in the Ussuri region.

Since the 1880s, the Chinese has begun active participating in the extraction. In the end of the 19th century, there were more than 50,000 Chinese people in the Far East. In 1893, the authorities raised the question of restricting the use of Chinese labor in gold mining.

In the early 20th century the number of the Chinese increased from 54,000 to 80,000 people. In 1906–1910 there were 30,000 Chinese people in Amur Oblast. After the restricting the use of foreign labor, 12,864 Chinese remained there. At that time the main activity of the Chinese peasants was agriculture (on lands leased from the Russians), and vodka production of the Chinese traders. The main part of the Chinese was not integrated into the Russian medium, adhering to their traditional culture and religion. However, some of the Chinese were converted to Orthodoxy and became Russian subjects.

In the 1930s, most of the Chinese were repatriated from the territory of the Far East – about 10,000 people has remained by the 1980s years.

A new stage of migration activity is related to the late 1980 – early 1990s and associated with the policy of liberalization of foreign trade, practically expressed in the intensification of tourism and activity of shuttle traders. According to the censuses of 1989 and 2002, there were 1,742 and 9,677 Chinese people in the Russian Far East respectively. The census of 2010 represented 8,788 Chinese people.

The Chinese culture is dominated by traditional Chinese religions (Buddhism, Taoism, Confucianism), with a significant share of adherents of Christian denominations and Islam.

In the late 19th – early 20th centuries Zeya District of Amur Oblast was actively colonized by the Chinese from Shandong province. In 1883 Innokent’evsky goldmine was founded where was a large number of Chinese who settled in fangzi on the left side of the Dzhalta stream. In 1934 the mine gained its present name – “Kirovsky”.

The Chinese settled near the goldmines in villages of Kirovsky, Dambuki, Belaya, Gal’chima, Magot. They were engaged in gold mining and agriculture. During summer 10–15 thousand Chinese and Russians gathered in Kirovsky and its neighborhood. The Chinese housed separately in stone fangzi, the ruins of which can be seen up to the mouth of the Dzhalta. Over time, many Chinese have become Russified, and married Russian women or Russified Chinese ones. Nevertheless, the Chinese preserved their national customs and traditions: e.g., Chinese New Year was celebrated annually; people prepared red lights to the festival.

Currently the descendants of Chinese immigrants, preserved Chinese surnames, live in Zeya. National Chinese dishes (tashuo, mantou, dumplings) have been prepared so far. The descendants consider themselves Chinese, but do not speak the Chinese language. They also live in other districts of the Amur region.

The Germans

Germans arrived to the Amur region in the 18th century. They were scientists, researchers, travelers, and military men, mostly subjected to the Russian Empire. The first data about the German settlements in the Amur region belong to the late 19th – early 20th centuries: the German people from the Black Sea, the Altai and Orenburg founded a number of villages along the Amur River (Silberfeld, Blütenort, Shumanovka, etc.). They were engaged mainly in agriculture and livestock; organized collective farms; were doctors and teachers; worked for char-

itable causes. In 1887 “Kunst and Albers” trading house began its activity in Blagoveshchensk, in 1901 – “Singer” company, etc. In 1941 the USSR began deportation of Germans from the West to Eastern Siberia; all the German settlements were destroyed, and people were exiled and sent to labor armies. After the abolition of the special settlements in 1956, the number of Amur Germans began to decline. Most Germans were Protestants (Evangelical Lutherans and Mennonites), and Catholics (in the minority). The service was conducted in German.

The Jews

Jews appeared in the Amur region in the middle of the 19th century, mainly as the exiled, convicts and cantonments. In 1880 27 Jews lived in Blagoveshchensk. In 1926 there were more than 500 people. In 1910, the synagogue, Jewish cemetery and preaching house, allowed by the Ministry of Internal Affairs, functioned in Blagoveshchensk.

The synagogue was built on private donations, but it was destroyed in 1929. In the same period the Jewish community ceased to function. The Jewish population mainly lived in Blagoveshchensk. In 1997 branch of the Jewish Agency in Russia appeared in Blagoveshchensk. Jewish community “Lechaim” has been operating since 2000.

The Poles

Poles appeared in the Amur region in the end of the 19th century. The emergence of Catholicism in the region was associated with the resettlement of Poles. In 1896, Poles and their descendants exiled to the Amur region for their participation in the national liberation movement

raised money and built a Catholic church. The Poles were mainly engaged in commercial and medical activities, in particular the pharmacy business. Some villages in the Amur region were based Polish immigrants and named after their founders (e.g. Kozlovka).

The Tatars

Tatars emerged in the Amur region in the second half of the 19th century as part of the East-Siberian line battalion. Most Tatars are Muslims. In the first half of the 20th century a mosque functioned in Blagoveshchensk (does not exist now). Nowadays there are a mosque and madrassa being built. Tatar primary school n.a. Ismagil Gasprinsky

used to act in the city. In 2009, the Tatars entered the constituent council of the first Muslim community of Amur Region (Blagoveshchensk), related to the Central Spiritual Administration of Muslims. There is a large Tatar community in Blagoveshchensk, which became part of the Far East Congress of Tatars in 2012.

The Japanese

The first Japanese settlers appeared in the Amur region in the 1880s. The number of Japanese in the Amur region increased in summer and decreased in winter, which was associated with fish-

ing. The settled Japanese population was not numerous. In 1910 313 Japanese lived in the Amur region, 260 of them – in the city of Blagoveshchensk, 46 – in Zeya. The first Japanese immigrants were laun-

dresses, photographers, brothel female employees, watchmakers, barbers, and carpenters. In 1918–1925 the Japanese intervention reached the Far East, including the Amur region. Until 1933 the largest number of Japanese was fisher-

men who came to the territory seasonally. Since 1933, the entry of Japanese workers has been banned. According to the results of the Russian Census of 2010, only 6 Japanese were in the region.

The Koreans

The Korean people first appeared in the Amur region as part of the Qing troops that took part in Albazin battles (in 1654 and 1658). After integrating the Amur region to the Russian Empire in 1871 more than 100 Korean families of Posyet District on the border of Korea were moved to the Amur region. There the Koreans founded the village of Blagoslovennoe (Oktyabrsky district of the JAR).

In 1910 1 538 Koreans lived in the Amur region. Settled Koreans were engaged in agriculture. Most of the Kore-

ans worked in the mines of the region. After the occupation of Korea by Japan, during the struggle for the independence the Korean troops joined the Korean division centered in the city of Svobodny. As a result of the struggle for power in June 1921, the Russian army defeated all the troops (3 500 people), and the events were called the “Amur incident”. In 1937 there was the forced deportation of Koreans. After the fall of the USSR, the Koreans began to return to the Amur region. According to the Russian Census of 2010 1 756 Koreans lived in the region.

THE SCIENCE MUSEUM OF THE AMUR STATE UNIVERSITY AND THE LABORATORY OF ARCHEOLOGY AND ANTHROPOLOGY

The Science Museum

In 1999 rector of the Amur State University A.D. Plutenko proposed the idea of creating a museum. The basis for the Science Museum was provided by the first exhibits – archaeological artifacts of the Neolithic period, transferred to the future museum by Academician A.P. Derevyanko who directed an archaeological expedition in 2000, conducted on the banks of the Zeya River – within the territory from the Zeya Sea to the city of Blagoveshchensk.

In November 2000, the Science Museum of AmSU was established by the order of rector. S.V. Volegov, who had already had the experience of museum work, became the museum director. He had worked as the director until 2014. S.V. Volegov has made a great contribution to the creation and development of the museum, traveled to remote areas of the region to collect artifacts, raised the museum’s funds and collections, and done a great excursion work.

There were teachers and students of the Faculty of Design and Technol-

ogies of AmSU actively involved in the designing of the museum’s rooms. The museum’s rooms are meant for combining expositional and excursion work with the educational process.

The Science Museum of the Amur State University is closely connected with the Department of Religious Studies and History, as well as the Laboratory of Archaeology and Anthropology of AmSU. Teachers of the department and the laboratory staff have proposed and implemented the concept of the museum and exhibitions planning, conducted ethnographic and archaeological expeditions to the raise the museum’s funds.

In 2014, on the basis of the Science Museum, the Center for collective use was established with the support of the Russian Science Foundation (Project № 14-18-00308). In 2015 the cooperation with RSF allowed opening a new room – “Russian Harbin: History, Culture, Literature”, created primarily through the activities of the Center for

the Far Eastern Emigration at the Department of Literature and World Art.

At the present time the Scientific Museum of the Amur State University includes 4 rooms: "Archeology and Ethnography of the Amur Region", "Russians on the Amur in the 17th Century. The History of Orthodoxy", "The Amur Region in the 19th - early 20th Centuries", and "Russian Harbin: History, Culture, Literature".

The Laboratory of Archeology and Anthropology

The Laboratory of Archaeological Research was established in 2000; in 2013 it was renamed as the Laboratory of Archaeology and Anthropology. The main task of the laboratory is pursuing researches in the history of the Amur region, the genesis and development of archaeological cultures, the formation of ethnic groups and inter-ethnic relations. Priority areas include studying rock art, the Neolithic Gromatukha culture, the genesis and evolution of ethnic and cultural traditions of the Manchu-Tungus groups - first of all, the Evenks, - and the traditional religions of East Asia. In recent years, much attention has been paid to the history of the Russian population of the Amur region and participating in archaeological excavations near Albazin Ostrog of the 17th century.

Each year the laboratory staff organizes archaeological expeditions, which take place not only within the territory of the Amur region, but also the neighboring areas - East Transbaikal, Yakutia, and Primorye. The laboratory has a basic archaeological camp located near the Kalinovka archaeological site have been excavated for over 10 years. The study of rock art covers large areas of Northeast China, Inner Mongolia and Central China (Henan province).

Anthropological field studies are focused on the areas of medieval burials of indigenous and outlandish peoples, the Amur Evenks and Tungus-Manchu peoples of Northeast China, e.g. the Oroqens of the Greater Kningan Range. For several years, field studies have been conducted in Tryokhrehye (Sanhe Russian Township, Inner Mongolia, China) - the area of

In terms of collaboration with RSF an exhibit space of the Science Museum was equipped in the main building of the Amur State University. There were opened the following exhibitions: "The History and Culture of the Amur Peoples in the Light of New Archaeological Data and Ethnographic Sources", "The History of the Great Victory Represented by Persons", "The Peoples of the Amur Region".

compact residence of the descendants of Russian emigrants.

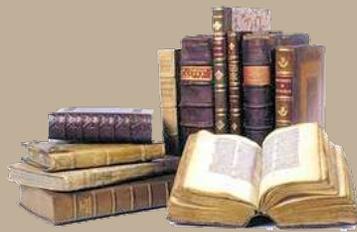
During the existence the laboratory has been closely collaborating with leading scientific centers of Russia, China, France, Japan and other countries. The laboratory is a part of the Amur Laboratory of Archeology and Ethnography of Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS (Novosibirsk). It has cooperation agreements with Dalian University (China), Dalian Nationalities University (China), Heihe University (China) and the Albazin archaeological expedition. Joint studies are conducted along with the Research Institute and the Museum of Anthropology n.a. D.N. Anuchin of Moscow State University, Center for Paleoanthropology (Moscow) and other academic institutions. On the basis of the laboratory the Russian-Chinese Research Center for Ancient History and Cultures of the Amur Peoples functions.

The laboratory staff has successfully implemented more than a dozen research projects (Russian and international ones), supported by grants from the Russian Science Foundation, the Russian Humanitarian Science Foundation, the federal program "Integration of Science and Higher Education" of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and other prestigious donors. More than three hundred articles have been published in leading Russian and international scientific journals, more than ten collections of articles and monographs have also been published.

The Laboratory and Science Museum workers are the authors of the "Ethno-Cultural Atlas of the Amur Region".

Maps of archaeological sites were prepared by a laboratory research associate M.A. Mironov. Cartographic material is based on archival and bibliographic data, as well as archaeological excavations and reconnaissance conducted by the labora-

tory and the Center for Preservation of Historical and Cultural Heritage of Amur Oblast. The book readers hold in hands is based on archaeological and ethnographic collections of the laboratory and funds of the Science Museum.

1. Аниховский С.Э., Болотин Д.П., Забияко А.П., Пан Т.А. «Маньчжурский клин»: история, народы, религии. Благовещенск, 2005.
2. Амурская святыня. Книга об иконе Албазинской Божией Матери «Слово Плоть Бысть». Благовещенск, 2006.
3. Амурские казаки. Приамурье. Из века в век. Материалы, документы, свидетельства, воспоминания. В 2-х томах. Благовещенск, 2008.
4. Аргудяева Ю.В. Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М., 2000.
5. Аргудяева Ю.В. Русские старообрядцы в Маньчжурии. Владивосток, 2008.
6. Аргудяева Ю.В. Влияние миссионеров на быт и культуру коренных народов юга Дальнего Востока России // Религиоведение. 2010. № 2. С. 50–58.
7. Аргудяева Ю.В. Миссионерская деятельность Русской православной церкви среди коренных народов Дальнего Востока // Религиоведение. 2009. № 4. С. 32–43.
8. Аргудяева Ю.В. Этническая и этнокультурная история русских на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.). Кн. 1. Крестьяне. Владивосток, 2006.
9. Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток, 1999.
10. Артемьев А.Р. Строительство городов и острогов Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII веке и типы оборонительных сооружений // Отечественная история. 1998. № 5. С. 140–147.
11. Архиепископ Гавриил (Стеблученко). Православие на Амуре. Благовещенск, 2006.
12. Беляков А.О., Вальчак С.Б., Степанов Д.Ю., Черкасов А.Н., Чхаидзе В.Н. Православное миссионерство на Дальнем Востоке и Албазинская Спаская пустынь // Религиоведение. 2014. № 1. С. 28–43.
13. Болотин Д.П. Мохэские традиции в Западном Приамурье // Традиционная культура востока Азии. Сборник статей. Вып. 6 / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск, 2010. С. 158–159.
14. Буянов Е.В. Духовные христиане молокане в Амурской области во второй половине XIX – первой трети XX вв. Благовещенск, 2012.
15. Воробьев М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. – 1234 г.). Исторический очерк / Отв. ред. С.А. Школяр. М., 1975.
16. Граница великой державы. Амурская область. Красноярск, 2008.
17. Деревянко А.П. Новопетровская культура Среднего Амура. Новосибирск, 1970.
18. Деревянко А.П. Ранний железный век Приамурья. Новосибирск, 1973.
19. Деревянко А.П. Ожившие древности: Рассказы археолога. М, 1986.
20. Деревянко А.П., Волков П.В., Ли Хонджон. Селемджинская позднепалеолитическая культура. Новосибирск, 1998.

21. Деревянко Е.И. Мохэские памятники Среднего Амура. Новосибирск, 1975.
22. Деревянко Е.И. Племена Приамурья I тыс. н.э. (Очерки этнической истории и культуры). Новосибирск, 1981.
23. Деревянко Е.И. Очерки военного дела племен Приамурья. Новосибирск, 1987.
24. Деревянко Е.И. Древние жилища Приамурья. Новосибирск, 1991.
25. Долгих Б.О. Этнический состав и расселение народов Амура в XVII веке по русским источникам: Сборник статей по истории Дальнего Востока. М., 1958.
26. Нестеров С.П., Гребеньщиков А.В., Алкин С.В., Болотин Д.П., Волков П.В., Кононенко Н.А., Кузьмин Я.В., Мьльникова Л.Н., Табарев А.В., Чернов А.В. Древности Буреи / Отв. ред. Е.И. Деревянко. Новосибирск, 2000.
27. Ермацанс И.А. Становление Православной церкви в Приамурье (середина XIX в.). Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып. 4. Этнические контакты. Благовещенск, 2001. С. 324–328.
28. Забияко А.А., Забияко А.П., Лешко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск, 2015.
29. Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Меж двух миров: русские писатели в Маньчжурии. Благовещенск, 2009.
30. Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Четверть века беженской судьбы: Художественный мир лирики русского Харбина. Благовещенск, 2008.
31. Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск, 2009.
32. Забияко А.П., Аниховский С.Э., Воронкова Е.А., Забияко А.А., Кобызов Р.А. Эвенки Приамурья: оленяя тропа истории и культуры. Благовещенск, 2012.
33. Забияко А.П., Чирков Н.В. Вклад И.Е. Попова-Вениаминова, митрополита Московского, в изучение религии и христианизацию коренных народов Северо-Восточной Азии // Религиоведение. 2014. № 4. С. 162–179.
34. Забияко А.П. Наму – эвенкийская картина мира на оленьей шкуре // Религиоведение. 2015. № 3. С. 119–126.
35. Игнатий (Чигвинцев), иеромонах. Албазинская Святыня. Книга об истории Албазинской иконы Божией Матери «Слово Плоть Бысть». Благовещенск, 2004.
36. История Амурской области с древнейших времён до начала XX века / Под ред. А.П. Деревянко, А.П. Забияко. Благовещенск, 2008.
37. История Благовещенска. 1856–1917: в 2 т. Т. 1. Благовещенск, 2009.
38. Кабузан В.М. Как заселялся Дальний Восток (вторая половина XVII – начало XX века). Хабаровск, 1976.
39. Капранова Е.А. Развитие церковно-административного устройства и управления Русской православной церкви на Дальнем Востоке России (1840–1918 гг.) // Религиоведение. 2006. № 4. С. 36–42.
40. Капранова Е.А. Церковное управление на Дальнем Востоке России в условиях обновленческого раскола (1918–1935 гг.) // Религиоведение. 2009. № 4. С. 43–52.
41. Коваленко А.И. Культура казачества восточных окраин России (XVII – начало XX вв.). Благовещенск, 2008.
42. Коваленко А.И. Религия в жизни казачества восточных окраин России // Религиоведение. 2008. № 1. С. 49–58.

43. Кодола И.В. Уровень и типы религиозности амурского крестьянства во второй половине XIX – начале XX вв. Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып. 4. Этнические контакты. Благовещенск, 2001. С. 30–35.
44. Козлов В.И. Национальности СССР. Этнодемографический обзор. М., 1982.
45. Кузьмин Я.В., Нестеров С.П. Хронология неолитических культур Западного Приамурья // Традиционная культура востока Азии. Благовещенск, 2010. Вып. 6. С. 103–110.
46. Культура Приамурья. Благовещенск, 2011.
47. Кычанов Е.И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). СПб., 2010.
48. Матющенко В.С. История старообрядчества Белокриницкой иерархии в Амурской области. Благовещенск, 2014.
49. Медведев В.Е. Культура амурских чжурчжэней, конец X–XI век (по материалам грунтовых могильников). Новосибирск, 1977.
50. Медведев В.Е. Приамурье в конце I – начале II тысячелетия. Новосибирск, 1986.
51. Медведев В.Е., Филатова И.В. Керамика эпохи неолита нижнего Приамурья (орнаментальный аспект). Новосибирск, 2014.
52. Мельников А.В. Топонимический словарь Амурской области. Благовещенск, 2009.
53. Народы и религии мира: Энциклопедия / Под ред. В.А. Тишкова. М., 1999.
54. Народы России: Атлас культур и религий. М., 2008.
55. Народы России: Энциклопедия / Под ред. В.А. Тишкова. М., 1994.
56. Немцы России: энциклопедия. Т. 1. А–И. М., 1999.
57. Нестеров С.П. Народы Приамурья в эпоху раннего Средневековья. Новосибирск, 1998.
58. Окладников А.П., Деревянко А.П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток, 1973.
59. Окладников А.П., Деревянко А.П. Громатухинская культура. Новосибирск, 1977.
60. Окладников А.П., Мазин А.И. Писаницы реки Олёкмы и Верхнего Приамурья. Новосибирск, 1976.
61. Окладников А.П. Археология долины реки Зеи и Среднего Амура // Окладников А.П. Археология Северной, Центральной и Восточной Азии. Новосибирск, 2003.
62. Петров В.Г., Зайцев Н.Н., Сапунов Б.С. Памятники каменного века Амурской области. Благовещенск, 2004.
63. Осипов Ю.Н. Крестьяне-старожилы Дальнего Востока России 1855–1917 гг. Владивосток, 2006.
64. Постников В.В. Русская икона и образ Албазинской Богородицы (вопросы иконографии и истории) // Религиоведение. 2007. № 4. С. 17–26.
65. Православие на Амуре. Благовещенск, 2006.
66. Религиоведение: Энциклопедический словарь / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. М., 2006.
67. Религиозные организации Дальневосточного федерального округа: словарь-справочник. Владивосток, 2010.
68. Санников А.П., Дулов А.В. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX веков. Иркутск, 2004.
69. Сёла Приамурья: библиогр. указ. / Сост. В.В. Смирнова. Вып. 1. Благовещенск, 2012.

70. Смирнова И.Н. Мордва. Историко-этнографический очерк. Казань, 1895.
71. Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М., 1990.
72. Шевкомуд И.Я., Яншина О.В. Начало неолита в Приамурье: поселение Гончарка-1. СПб., 2012.
73. Шиндялов Н.А. Основатели Благовещенска. Очерки, документы, материалы. Благовещенск, 2006.
74. Энциклопедия религий / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. М., 2008.
75. Чирков Н.В. Инкультурация христианства в этнические традиции якутов (на примере миссионерской деятельности Римско-католической церкви) // Религиоведение. 2013. № 4. С. 41–47.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Древние культуры Приамурья. Палеоамурские народы	5
Основные археологические культуры и народы эпохи палеолита	6
Основные археологические культуры и народы эпохи неолита	10
Основные археологические культуры и народы в эпоху раннего железного века	20
Наскальные изображения Приамурья	22
Средневековые культуры Приамурья	27
Основные археологические культуры и народы раннего, разви- того и позднего средневековья	28
Мохэ (мукри)	28
Чжурчжэни	30
Дючеры	32
Дауры	34
Маньчжуры	36
Ангайский могильник	40
«Маньчжурский клин»: маньчжуры, дауры, китайцы	43
Буддизм в Приамурье	46
Русские на Амуре в XVII в.	49
Панорама этнических культур Приамурья во второй половине XIX- XX вв.	55
Русские и другие восточнославянские народы на Амуре во второй половине XIX-XX вв.	56
Русские	56
Украинцы	64
Белорусы	66
Православие в Приамурье	68
Католицизм в Приамурье	78
Русский Харбин	80
Этнокультурное многообразие Приамурья во второй половине XIX-XX вв.	88
Амурские эвенки	88
Китайцы	98
Немцы	104

Евреи	104
Поляки	104
Татары	106
Японцы	106
Корейцы	106
Диаграммы и археологические карты	107
Диаграммы «Динамика численности этнических групп в Амурской области»	108
Диаграммы «Современная этническая ситуация в Амурской области»	111
Археологические памятники эпохи палеолита на территории Амурской области	113
Археологические памятники эпохи неолита на территории Амурской области	114
Археологические памятники талаканской и михайловской культур на территории Амурской области	115
Археологические памятники урильской культуры на территории Амурской области	116
Археологические памятники мохэской эпохи на территории Амурской области	117
Археологические памятники чжурчжэньской и дючерской культур на территории Амурской области	118
Археологические памятники даурской культуры на территории Амурской области	119
Петроглифы на территории Амурской области	120
Научный музей АмГУ и Лаборатория археологии и антропологии ..	121
Научный музей	122
Лаборатория археологии и антропологии	124
Исследователи истории Приамурья. Середина XIX – вторая половина XX вв	129
Компендиум на английском языке	135
Библиография	160

Забияко А.П., Беляков А.О., Гаврилов С.С., Конталева Е.А., Родионова К.И.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АТЛАС ПРИАМУРЬЯ

Идея и дизайн обложки Е.А. Конталева

Технический редактор, корректор А.С. Воронина
Компьютерная вёрстка С.С. Гаврилов
Перевод на английский язык Е.А. Конталева
Перевод на китайский язык Е.В. Сенина

Издательство АмГУ. Подписано к печати 01.05.2016.
Формат 70 x 108/8. Усл.-печ. листов 20,89. Тираж 500.

Отпечатано в «Макро-С Партнер»

675014, г. Благовещенск, ул. Текстильная, 48, тел. (4162) 42-40-24

扎比亚卡 А. П., 别利亚科夫 А. О., 加夫里洛夫 С.С.,
科恩塔廖娃 Е.А., 罗季奥诺娃 К.И.

阿穆尔地区民族文化图册 / 主编: 扎比娅卡 А.П. -
布拉格维申斯克: 阿穆尔国立大学, 2016.

简介

从远古时期开始, 在阿穆尔河流域特殊的地理环境影响下, 领土区域随着或大或小的种族迁移不断扩大。

在本书中, 以年限表的形式, 在大量的事实材料基础上全面的阐述了从古(旧石器时期)至今的阿穆尔州民族文化历史。在这本书中划分了民族文化历史形成的最重要历史阶段, 阐明了重要因素, 以及对民族文化传统的生产与发展的影响。

阿穆尔河流域稠密的河网和宽阔河谷、没有不可跨越的山体、多种多样的天然资源和经营活动为了人们之间的相互联系建立了良好的条件。族群之间建立了劳动关系、交换了劳动结果、相互通婚、签订契约, 这都促进了族群系统的形成。在阿穆尔河左岸古代和中世纪名胜古迹的考古工作中, 我们发现其中的大部分有名的考古文化与临近的外贝加尔、哈巴罗夫斯克边疆区、滨海边疆区、东北中国、满洲这些地区的文化有相似之处或血缘关系。本书作者注重研究阿穆尔河流域民族和文化的相互联系。大部分的 actual 材料是作者在野外考察的过程中收集到的。这些材料存放在阿穆尔国立大学科学博物馆中。插图向读者介绍保存在阿穆尔国立大学科学博物馆中的历史事物, 以及其它俄罗斯科学机构和博物馆中的收藏。

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АТЛАС ПРИАМУРЬЯ

ЛАБОРАТОРИЯ АРХЕОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ АМГУ

